ПИСЬМА

ВЛАДИМІРА СЕРГѢЕВИЧА

СОЛОВЬЕВА.

Томъ III.

Подъ редакціей **Э. Л. Радлова.**

Чистый доходъ предназначается на стипендію имени Вл. С. Соловьева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, д. 39.
1911.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящимъ томомъ заканчивается изданіе писемъ Вл. Соловьева. Согласно тому, что было сказано въ предисловіи къ первому тому, въ изданіе вошли не только письма, но и разныя статьи покойнаго философа, не нашедшія себѣ мѣста въ „Собраніи сочиненій“,—статьи, частью бывшія въ печати, частью же печатаемыя впервые.

Третій томъ распадается на двѣ части.

Содержаніе этого тома довольно пестрое: читатель найдетъ во второй части единственную повѣсть, принадлежащую перу Вл. Соловьева, и юмористическую мистерію—юношеское произведеніе, написанное около 1879 г., но рядомъ съ этими поэтическими произведеніями помѣщены и статьи, имѣющія серьезное значеніе, какъ, напр., рѣчь передъ магистерскимъ диспутомъ, за доставленіе которой мы приносимъ искреннюю благодарность князю П. В. Чегодаеву князю Татарскому. Письма, помѣщенныя въ первой части третьяго тома, частью печатаются впервые, частью же перепечатаны изъ различныхъ изданій; въ послѣднемъ случаѣ редакція отмѣчала, откуда заимствованы перепечатки.

Само собою разумѣется, что въ изданные три тома вошли далеко не всѣ письма Вл. Соловьева—можетъ быть, самыя важныя еще долго не увидятъ свѣта,—но и тѣ, которыя опубликованы нами, отнюдь не безполезны для характеристики личности философа и выясненія его роли въ умственной жизни конца девятнадцатаго вѣка въ Россіи. На это указываютъ довольно ча-

Письма къ разнымъ лицамъ.

Письма къ В. П. Ѳедорову [1]).

Москва, Пречистенка, домъ Лихутина. 7 октября 1883.

1.

Отъ души сожалѣю, что мой отвѣтъ на Ваше доброе письмо будетъ не только запоздалымъ, но и неудовлетворительнымъ. Дѣло въ томъ, что Ваше письмо, адресованное въ Москву, было мнѣ прислано оттуда въ деревню, долго спустя по его полученіи, и притомъ въ то время, когда я уже собирался уѣзжать изъ деревни обратно въ Москву. Я отложилъ его вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими письмами, чтобы послѣ на досугѣ отвѣчать по пунктамъ. Но, по пріѣздѣ въ Москву, я этихъ писемъ, въ томъ числѣ и Вашего, въ своихъ бумагахъ не нашелъ—вѣроятно, прислуга забыла уложить. Быть можетъ, они отыщутся, но не хочу откладывать дольше своего отвѣта, хотя и приходится отвѣчать по памяти; а память у меня вслѣдствіе недавняго тифа довольно слаба. Помнится, спрашиваете Вы, между прочимъ, о книгѣ Троицкаго. Хотя эта книга называется: „Наука о духѣ“, но, на мой взглядъ, ничего научнаго и ничего духовнаго въ ней нѣтъ. Справедливый разборъ этой книги Вы можете найти въ статьѣ Козлова (доцента Кіевскаго университета), помѣщенной въ апрѣльской или майской книгѣ журнала „Русская Мысль“ за настоящій годъ. Спрашиваете Вы также вообще о современномъ состояніи философіи и философской литературы. Книгъ въ этой области выходитъ масса (за границей, разумѣется), но особенно замѣчательныхъ между ними, на-

1) В. П. Ѳедоровъ былъ народнымъ учителемъ; ему принадлежитъ „Проектъ общества апологіи христіанства въ Россіи“; Балашовъ, 1892 г. ц. 50 к. *Прим. ред.*

сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ. Чтобы не быть ужъ очень требовательнымъ, назову Вамъ, пожалуй, сочиненія Гелленбаха (Hellenbach). Онъ не изъ числа великихъ философовъ, но мыслитель умный и довольно добросовѣстный. Одно изъ его сочиненій подъ названіемъ: „Индивидуализмъ“ переведено на русскій языкъ и скоро будетъ издано въ Петербургѣ. По просьбѣ издателя, я написалъ къ переводу предисловіе, которое сначала появится въ видѣ статьи въ журналѣ „Русь“. Изъ русскихъ философскихъ сочиненій заслуживаетъ вниманіе то, о которомъ Вы, кажется, упоминаете: епископа Никанора о позитивной философіи и сверхчувственномъ бытіи. Къ сожалѣнію, это сочиненіе (въ 2-хъ томахъ) далеко еще не окончено и на окончаніе, повидимому, нѣтъ надежды. Несмотря на многіе недостатки (особенно въ литературномъ отношеніи), въ произведеніи еп. Никанора много оригинальныхъ и вѣрныхъ мыслей, подкрѣпленныхъ довольно значительнымъ научнымъ матеріаломъ. Въ свое время я напечаталъ краткій отзывъ объ этомъ трудѣ.

Что касается до общаго состоянія современной философіи, то оно представляется въ такомъ видѣ: то философское направленіе, которое со временъ Декарта старалось построить вселенную на головѣ мыслителя, т. е. признавало наше мыслящее *я* безусловнымъ основаніемъ и источникомъ всякой истины,—это философское направленіе оказалось несостоятельнымъ и всѣми оставлено. Но, сознавши безсиліе человѣческой мысли самой по себѣ, современные философы вмѣсто того, чтобы обратиться къ тому, что выше, и сильнѣе, и лучше нашей мысли, т. е. къ Богу и всему божественному—они, напротивъ, привязались исключительно къ тому, что ниже нашей мысли: къ немощнымъ и скуднымъ стихіямъ видимаго міра и повели свою философію въ хвостѣ естественныхъ наукъ. Униженіе здѣсь паче прежней гордости. Когда философскій умъ свободно преклоняется передъ высшей истиной религіи, это есть достойное смиреніе—начало всякой премудрости. Но когда умъ рабски падаетъ ницъ передъ фактами внѣшней природы и заставляетъ философію быть только отголоскомъ естествознанія, то это есть не смиреніе, а униженіе ума, которое ничего не доставляетъ философіи, кромѣ презрѣнія, даже со стороны самихъ естествоиспытателей, за которыми такъ ухаживаютъ нынѣшніе философы.

Мое письмо становится длиннымъ, хотя я отвѣтилъ на незначительную часть Вашихъ вопросовъ. Если будетъ у Васъ досугъ и терпѣніе, повторите остальные вопросы въ слѣдующемъ письмѣ,

а я уже постараюсь его не потерять. Только марокъ, пожалуйста, не присылайте—я православный, а корреспонденція наша не коммерческая, такая аккуратность совсѣмъ не нужна.

„Чтенія о Богочеловѣчествѣ“ я Вамъ послалъ еще въ прошломъ году подъ бандеролью, и слѣдовательно, виноватъ только въ томъ, что понадѣялся на добросовѣстность казенной почты и не послалъ застрахованной посылкой. А теперь у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ ни одного свободнаго экземпляра.

Занятъ я теперь не столько философіей въ тѣсномъ смыслѣ, сколько богословскими и церковными вопросами—занятія, сопряженныя съ трудностями всякаго рода.

Если будете писать, то напишите, пожалуйста, Ваше полное имя. Оно, кажется, стояло въ послѣднемъ письмѣ, но память моя изъ рукъ вонъ плоха.

Письмо отъ Васъ сердечно меня обрадуетъ.

Будьте здоровы.

Истинно Васъ уважающій

Влад. Соловьевъ.

---

*

Сердечно сожалѣю, что вслѣдствіе моей кочевой жизни я только на-дняхъ могъ получить Ваше письмо отъ 28-го апрѣля. Спѣшу отвѣтить по пунктамъ.

1) Все, что будетъ мною напечатано, буду присылать Вамъ; старыя статьи едва ли найдутся,—впрочемъ, поищу.

2) Когда и долго ли буду въ Москвѣ, самъ рѣшительно не знаю.

3) При моей бродячей жизни желаніе Ваше относительно философскихъ уроковъ кажется мнѣ неисполнимымъ. Впрочемъ, можетъ-быть, Богъ приведетъ и увидимся когда-нибудь — тогда поговоримъ.

На вопросъ Вашъ о механическомъ міровоззрѣніи отвѣчу кратко.

4) Все существующее имѣетъ и механическую сторону, все существующее есть *между прочимъ* и нѣкоторый механизмъ; попытка же доказать, что все существующее есть *только* механизмъ, свести все къ одной только механической сторонѣ, всегда была и будетъ несостоятельной.

Въ частности противъ гипотезы Дарвина все болѣе и болѣе возникаетъ возраженій со стороны естествоиспытателей, и въ настоящее время можно считать установившимся то мнѣніе, что естественный подборъ въ борьбѣ за существованіе хотя и дѣйствуетъ на измѣненіе органическихъ видовъ, но далеко не въ той степени и силѣ, какъ думалъ Дарвинъ, и никакъ не можетъ служить полнымъ и единственнымъ объясненіемъ всему развитію органическаго міра.

5) Новыхъ послѣдователей Гегеля въ Германіи, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ, а старые, о которыхъ Вы говорите, старое и повторяютъ.

6) Душа человѣческая, будучи сама безконечной (въ потенціи), можетъ вмѣщать и безконечность божества.

7) Подъ совершеннымъ человѣкомъ, „въ которомъ вся полнота Божества обитаетъ тѣлесно“, разумѣется Христосъ, и самыя эти слова принадлежатъ не мнѣ, а апостолу Павлу.

8) Въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ особенно замѣчателенъ разговоръ объ отношеніяхъ Церкви и государства и еще болѣе разсказъ: „Великій Инквизиторъ“.

9) Сказано: „Богъ есть любовь“, а что Богъ есть справедливость, этого не сказано. Этимъ не отвергается и справедливость, но лишь признается какъ форма, орудіе или средство любви, а не сама по себѣ, о чемъ подробнѣе въ „Критикѣ отвлеченныхъ началъ“—не помню, въ какой главѣ. Что одна любовь безусловна, и она одна остается—это говорю не я и не Достоевскій, а ап. Павелъ и Іоаннъ.

Что касается до злодѣевъ, то ограниченіе ихъ свободы не противорѣчитъ любви, если оно дѣлается не для одной только безопасности другихъ, но также и для пользы самихъ злодѣевъ съ цѣлью ихъ исправленія и возрожденія.

10) Русская изящная литература имѣетъ мало общаго съ философіей. Впрочемъ, могу Вамъ указать „Донъ-Жуана“ гр. А. Толстого, „Два міра“ Майкова. Не знаю, владѣете-ли Вы иностранными языками, а переводовъ хорошихъ мало. Недавно только появился новый переводъ Гётевскаго „Фауста“, сдѣланный А. Фетомъ, первая часть вышла, и скоро выйдетъ вторая — это я Вамъ рекомендую.

11) Я нѣкоторое время серьезно интересовался спиритизмомъ и имѣлъ случай убѣдиться въ реальности многихъ изъ его явленій; но практическое занятіе этимъ предметомъ считаю весьма вреднымъ и нравственно, и физически.

12) Статьи мои: „Философскія начала цѣльнаго знанія“ остались неоконченными. Что касается до смысла положенія: „природа жива“, то я не берусь разъяснить его Вамъ въ нѣсколькихъ словахъ. Постараюсь отыскать и прислать Вамъ экземпляръ моихъ „Чтеній о Богочеловѣчествѣ“, гдѣ это до нѣкоторой степени разъяснено. Кстати: эти „Чтенія о Богочеловѣчествѣ“ именно и составляютъ печатную обработку тѣхъ лекцій о религіи, которыя я читалъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія.

13) Видимымъ примѣромъ „идеи“ (въ отличіе отъ „понятія“, съ одной стороны, и „явленія“, съ другой) можетъ служить лю-

бое художественное произведеніе,—напр., статуя Аполлона Бельведерскаго: она, во-1-хъ, не выражаетъ собою просто физическое явленіе, какъ всякій другой кусокъ мрамора; во-2-хъ, она не выражаетъ собою простого понятія, напр., понятія красоты, мужской силы и т. п., она есть нѣчто большее, именно *опредѣленный* и въ живомъ образѣ *воплощенный идеалъ* красоты и юношеской силы. Воспріятіе этого идеала умомъ художника, его осуществившаго, есть примѣръ интуиціи. Подъ „содержаніемъ“ единства я разумѣю ту связь, въ силу которой многое или многіе становятся однимъ. Напр., если извѣстный полкъ есть единство, то содержаніемъ этого единства будетъ все то, что связываетъ однополчанъ между собою, какъ-то: одинакій родъ оружія, полковыя преданія, общія военныя заслуги полка и т. п. Въ отвлеченномъ же понятіи „полкъ“ (вообще) ничего этого не заключается; слѣдовательно, въ немъ единство, выражаемое словомъ „полкъ“, лишено своего содержанія.

14) Приводимое Вами мѣсто, кажется, грѣшитъ галлицизмомъ. Смыслъ тотъ, что наше познаніе лишь постепенно становится адекватнымъ своему предмету (истинно-сущему), но еще не достигло этого въ своемъ настоящемъ положеніи.

15) Доселѣ напечатанныя сочиненія имѣютъ лишь подготовительный характеръ. Читать ихъ слѣдуетъ въ такомъ порядкѣ: 1) „Кризисъ западной философіи“, 2) „Критика отвлеченныхъ началъ“, 3) „Чтенія о Богочеловѣчествѣ“. Это послѣднее постараюсь Вамъ прислать; въ немъ уже заключается переходъ къ положительному ученію.

Кончаю пока, чтобы не задерживать мой отвѣтъ, и такъ ужэ сильно запоздавшій. Дай Вамъ Богъ всякаго успѣха въ добромъ дѣлѣ.

Если будете писать, то туда же въ Москву: Пречистенка, д. Лихутина. Это все-таки самый вѣрный адресъ.

Влад. Соловьевъ.

Напишите, пожалуйста, Ваше полное имя.

3.

[1884.]

Многоуважаемый Василій Петровичъ!

Одновременно съ этой запиской посылаю Вамъ книжку о національномъ вопросѣ, а матери своей написалъ, чтобы она выслала Вамъ брошюру о Еврействѣ. Какъ Вамъ не стыдно писать, что вышлете деньги? Если вздумаете это сдѣлать, то оскорбите меня очень сильно. Правда, я виноватъ, что до сихъ поръ не высылалъ Вамъ своихъ книжекъ, кромѣ „Чтеній о Богочеловѣчествѣ“, которыя пропали на почтѣ, но причина моей неисправности просто та, что за множествомъ занятій и всякихъ дѣлъ я забылъ о своемъ *обѣщаніи*, но не о Васъ. Простите и не забывайте меня.

Душевно преданный Влад. Соловьевъ.

Письма отъ Васъ лѣтомъ не имѣлъ.

Письма къ К. Ѳ. Головину.

1.

[1897.]

Дорогой и сердечно уважаемый Константинъ Ѳедоровичъ!

Немедленно по полученіи Вашего письма я устроилъ свиданіе съ О., который сказалъ мнѣ, что въ Министерствѣ нашли неприличной статью о Катковѣ; статья же: „Путь правды“ вовсе не была замѣчена. Для запрещенія „Русскаго Труда“ потребовались бы новыя и усиленныя старанія со стороны редактора: если будетъ *очень* просить, то, пожалуй, закроютъ.

Къ моему полутезкѣ обращаться безполезно, тѣмъ болѣе, что одна особа уже видѣла, какъ таинственная рука въ мундирномъ обшлагѣ начертила на стѣнѣ главнаго управленія краснымъ цензурнымъ карандашомъ: мене, мене, текел, упарсин.

Такъ какъ у Васъ секретарь женскаго сословія и дѣвичья пола, то я, къ сожалѣнію, не могу Вамъ сообщить своего франко-русскаго гимна. Сочиненная мною пѣсенка о мальчикахъ въ Пекинѣ тоже неудобна, хотя въ другомъ отношеніи. Вообще же я занимаюсь метафизикою и платонизмомъ. До скораго свиданія. Усердно кланяюсь Маріи Ѳедоровнѣ.

Искренне Вамъ преданный

Влад. Соловьевъ.

Статья о русскомъ романѣ — за мною, и будетъ написана непремѣнно, но не сію минуту. Я честенъ, но медлителенъ.

2.

Hôtel d'Angleterre. 12 марта 1897.

Дорогой и сердечно уважаемый Константинъ Ѳедоровичъ!

Я собирался къ Вамъ въ понедѣльникъ, но меня постигло маленькое несчастіе, именуемое выпаденіемъ прямой кишки, — болѣзнь, избавляющая отъ военной службы, но также препятствующая посѣщенію общества. Вчера мнѣ стало лучше, и я выѣзжалъ, въ чемъ раскаиваюсь, такъ какъ сегодня совсѣмъ плохо, и я сижу въ неподвижности, что̀ продлится, вѣроятно, нѣсколько дней. Если, паче чаянія, поправлюсь къ пятницѣ, то буду у Васъ, но Вы меня не ждите. Дошло ли до Васъ невѣроятное стихотвореніе Фофанова на могилѣ Майкова? Я усмотрѣлъ въ немъ даже нѣчто провиденціальное: Немезиду, или искупленіе для Майкова, сочинившаго нѣкогда хвалебный гимнъ: „У гробницы Грознаго“. Эту мысль я выразилъ въ нижеслѣдующемъ стихотвореніи:

По поводу стиховъ Майкова: „У гробницы Грознаго“ и стиховъ Фофанова на могилѣ Майкова.

Когда лукавыми словами
Ты злую силу воспѣвалъ,
Не мнилъ ты, Майковъ, что межъ нами
Уже отмститель возставалъ!

И онъ пришелъ къ твоей могилѣ,
И дикій вой раздался вдругъ,
И стало тошно адской силѣ,
И содрогнулся горній кругъ.

А тамъ въ Архангельскомъ соборѣ
Прошелъ какой-то странный гулъ,
И, несказаннымъ виршамъ вторя,
Самъ Грозный крикнулъ: „караулъ!“...

Прошу Васъ передать мой сердечный поклонъ и извиненія глубокоуважаемой Маріи Ѳедоровнѣ. Не написалъ ей, стѣсняясь обозначеніемъ моей болѣзни, безъ чего мое объясненіе было бы лишено надлежащей конкретности и уважительности. Я жду облегченія, чтобы ѣхать въ Финляндію, или въ Москву, но во всякомъ случаѣ между выздоровленіемъ и отъѣздомъ уловлю свободную минуту, чтобы Васъ посѣтить. А пока посылаю Вамъ свою новую книжку, составляющую распространеніе и дополненіе двухъ главъ моей большой этики [1]).

До свиданія.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ о книгѣ: „Право и нравственность.“ *Прим. ред.*

Письмо къ Ѳ. Д. Батюшкову.

1.

[1898.]

Dear Sir,

I send you a gentleman who was corrector in Saratof and in Sebastopol. I gave him twice for his daily needs, but now he asks 10 rbls to go to Moscow. If you find him trustworthy (that is, if you can think that he will really go to Moscow and not to the nearest tavern), perhaps will you be so kind to take in advance 10 rbls from my fee for the article about Comte and give him. In this moment I live only upon credit. I am afraid that this individual will produce on you the same doubtful impression as on me. In this case you can change the ten in one and send him away.

Excuse me, please, for this disturbance and for my english

Yours truly
Vlad. Soloviev.

NB. A propos of my article. I believe it will be better not to divide it. I hope to be able to condense it in 16 pages.

2.

[1898.]

Многоуважаемый Ѳедоръ Дмитріевичъ!

Вотъ Вамъ для апрѣльской книжки. Простите маленькое опозданіе; отправляю съ посыльнымъ ради скорости, а самъ заѣду часу въ 7-омъ, чтобы поговорить о второй половинѣ. Если этотъ часъ Вамъ неудобенъ, то не стѣсняйтесь: я буду ѣхать мимо Васъ, и если не застану, то еще успѣемъ повидаться.

A tantôt!

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

3.

[1898.]

Дорогой Ѳедоръ Дмитріевичъ!

Одновременно съ симъ посылаю конецъ статьи. При семъ долженъ извѣстить Васъ о важной перемѣнѣ въ моей судьбѣ. Je suis entré dans les ordres, et mon nom religieux est dorénavant Père Plexe. Après le premier moment de surprise vous devinerez peut être que je ne suis ni moine, ni fou, mais seulement calembouriste sans pudeur. Quant à ma perplexité elle est réelle. Дѣло въ томъ, что я не нашелъ ни формы, ни времени для радикальной передѣлки статьи. Къ тому же въ напечатанной ея половинѣ осталась форма дѣйствительной рѣчи, произнесенной въ Философскомъ Обществѣ. Сохраняя ту же форму и для конца, было бы трудно, да, пожалуй, и неблаговидно писать что-нибудь другое, а не то, что въ самомъ дѣлѣ говорилъ. Теперь остался и новгородскій образъ, хотя я сдѣлалъ маленькія смягченія для цензуры. Надѣюсь на благополучный исходъ. Вы можете поставить цензору на видъ:

1) мое благочестіе къ образамъ, за что̀ я подвергнутъ отлученію отъ активной русской интеллигенціи;

2) мой патріотизмъ, выразившійся въ заявленіи, что безграмотные новгородцы XI вѣка были, по крайней мѣрѣ, вдвое умнѣе Ог. Конта;

3) минимальную степень опасности, которую представляетъ „Космополисъ“ [1]), какъ орудіе религіозной пропаганды.

Надѣюсь во̀-время пріѣхать въ Петербургъ, чтобы принять участіе, если потребуется, въ Вашихъ переговорахъ.

Если Вы никуда не отдали Вашу лекцію въ Философскомъ Обществѣ, то имѣйте въ виду московскій философскій журналъ, гдѣ ее, кажется, очень желали бы получить. Я еще не со всѣми говорилъ, но сегодня вечеромъ надѣюсь видѣть весь синклитъ вмѣстѣ и передамъ Вамъ, какъ только пріѣду въ Петербургъ.

До скораго свиданія.

Душевно Вамъ преданный

Влад. Соловьевъ.

---

[1]) „Космополисъ“ журналъ, издававшійся въ С.-Петербургѣ въ 1898 г. подъ редакціей Ѳ. Д. Батюшкова. Въ этомъ журналѣ была помѣщена рѣчь Вл. Соловьева о Контѣ, сказанная имъ въ С.-Петербургѣ Философскомъ Обществѣ. *Прим. ред.*

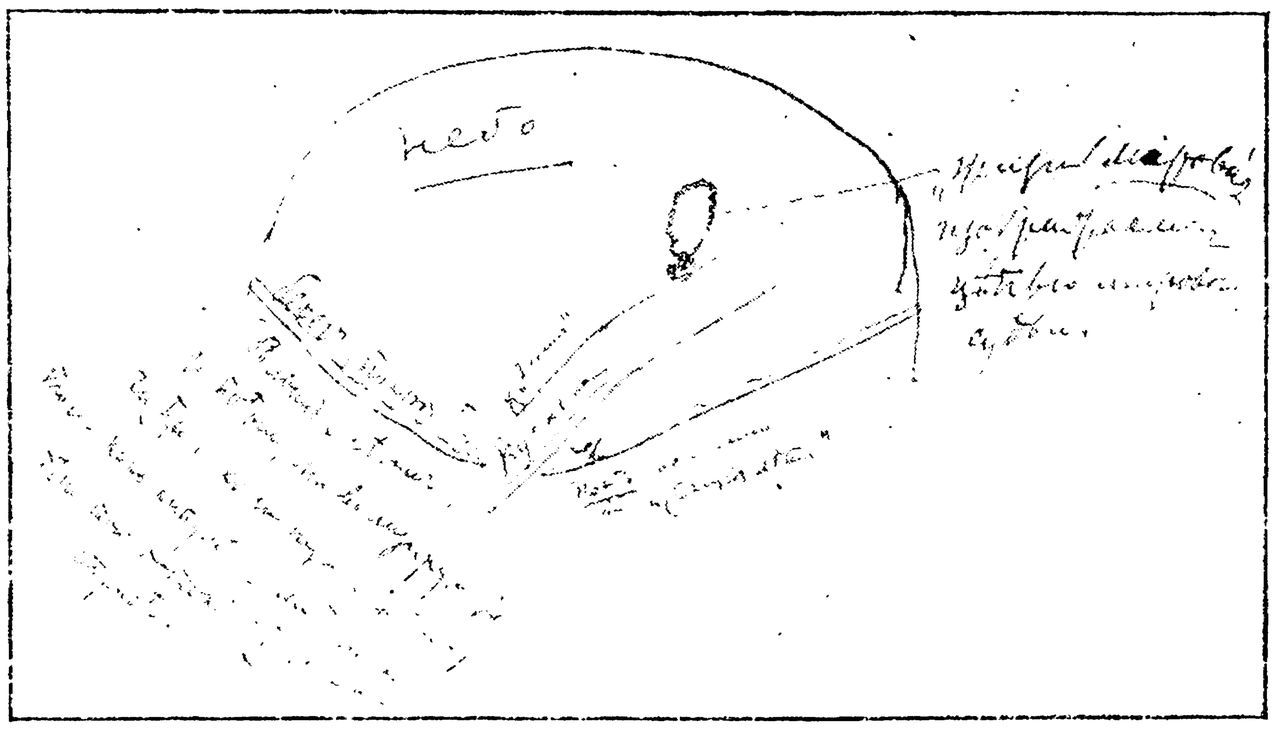
Письмо къ В. В. Котляревской.

1.

[Январь 1895].

Многоуважаемая Вѣра Васильевна,

Спасибо за извѣстіе Вамъ, и Нестору Александровичу за любезное исполненіе порученія. Впрочемъ, я напрасно его этимъ обременилъ, такъ какъ статья все-таки опоздала къ февральской книгѣ, не столько изъ-за времени, сколько изъ-за чрезмѣрной предосторожности редактора, желающаго на досугѣ изслѣдовать, достаточно ли она дезинфицирована въ цензурномъ смыслѣ.



Вотъ „Иматра“ (съ пояснительнымъ чертежомъ) и другое только что сочиненное стихотвореніе.

Здѣсь съ Вашимъ отъѣздомъ стоятъ непрерывные морозы, между 20° и 30°. Сегодня потеплѣло немного. До скораго свиданья въ одномъ изъ послѣднихъ дней сего мѣсяца.

Душевно преданный

Влад. Соловьевъ.

Иматра [1]).

Шумъ и тревога въ глубокомъ покоѣ,
Мутныя волны средь бѣлыхъ снѣговъ и т. д.

Мигъ.

Опять, опять томительныя тѣни
Забытыхъ лицъ и пережитыхъ грезъ, и т. д.

Влад. Соловьевъ.

---

[1]) См. стихотворенія Вл. Соловьева. 3-е изд., стр. 90 и 93.
Прим. ред.

Письмо къ Т. И. Филипову.

---

27 сентября 1890. Москва, Пречистенка, Зубово, д. Лихутина.

Глубокоуважаемый Тертій Ивановичъ,

Препровождаемая при семъ замѣтка, несмотря на кастрацію и перемѣну заглавія съ вставкой несоотвѣтствующаго прилагательнаго: „литературнаго“, не была пропущена цензурой. Передаю ее въ полное распоряженіе Вашего Высокопревосходительства, такъ какъ Вы лучше меня способны судить, можно ли извлечь изъ нея какую-нибудь пользу.

Посылаемый экземпляръ есть единственный у меня имѣющійся. Если Вы найдете замѣтку безполезною (каковою она и мнѣ самому теперь кажется), то покорнѣйше прошу Васъ ее уничтожить. Если же найдете нелишнимъ показать ее кому-либо, то не лучше ли будетъ, если Вы велите сдѣлать для этой цѣли копію съ исключеніемъ моей подписи, ибо здѣсь могутъ быть важны самыя указываемыя мной обстоятельства, а не мое личное мнѣніе, котораго я, впрочемъ, прямо и не высказываю. Какъ бы то ни было, вполнѣ полагаюсь на Васъ въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, болѣе важныхъ, если бы таковые оказались.

Безъ сомнѣнія, Вы обратили вниманіе на новый петербургскій „Благовѣстъ“. Откуда онъ? Не съ . . . . . ли колокольни? Я еще не пришелъ къ окончательному заключенію о характерѣ этого явленія, но былъ непріятно пораженъ нѣсколькими странными выходками, — напр., предисловіемъ Шарапова къ завѣщанію о. Макарія.

Недавно имѣлъ удовольствіе послѣ четырехлѣтней разлуки

свидѣться съ К. Н. Леонтьевымъ и былъ обрадованъ его сравнительнымъ физическимъ здоровьемъ и умственной бодростью.

Онъ признавался, что изъ злобы на меня однажды разорвалъ мою фотографію; при этомъ онъ продолжаетъ вводить меня въ искушеніе гордости преувеличеннымъ представленіемъ о моихъ способностяхъ и сожалѣніемъ о томъ, что я не нахожу равносильныхъ противниковъ въ литературѣ для обличенія моихъ заблужденій.

Я же продолжаю скорбѣть объ отсутствіи у насъ условій для выясненія чьихъ бы то ни было заблужденій въ религіозной и церковной области, а также продолжаю думать, что измѣненіе этихъ условій есть Ваше призваніе, глубокоуважаемый Тертій Ивановичъ, и что Ваше возвышеніе имѣетъ свои основанія не только въ прошедшемъ—въ Вашихъ трудахъ и заслугахъ, но и въ будущемъ—въ томъ великомъ дѣлѣ освобожденія церкви, которое Вы исполните, когда придетъ часъ.

Желая Вамъ добраго здоровья и всякаго успѣха, остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью Вашего Высокопревосходительства

покорный слуга

Владиміръ Соловьевъ.

Письма къ о. Мартынову.

Москва, Пречистенка, д. Лихутина. 31 января 1887.

1.

Глубокоуважаемый Отецъ!

Сначала отсутствіе изъ Москвы (гдѣ Ваше письмо дожидалось меня), а потомъ нездоровье помѣшали мнѣ своевременно отвѣтить на Ваше письмо и поблагодарить Васъ за присылку французскаго журнала (разумѣю вторую присылку, такъ какъ первая, о которой пишете, до меня не дошла). Благодарю Васъ также за портретъ Чаадаева, съ писаніями котораго я познакомился лишь недавно. Несомнѣнно онъ представляетъ очень важное явленіе въ умственной исторіи Россіи, хотя бы лишь какъ живое опроверженіе того довольно нынѣ распространеннаго взгляда, по которому западничество и нигилизмъ въ сущности одно и то же. Жаль только, что его философическія письма обращены къ дамѣ.

Кстати о дамахъ и письмахъ. Я боюсь, что былъ очень нелюбезенъ относительно одной Вашей знакомой, г-жи Смирновой [1]). Но увѣряю Васъ, рѣдко въ жизни своей былъ я поставленъ въ столь затруднительное положеніе. Я получилъ отъ нея длинное письмо, которое, признаюсь, прочелъ не сразу, и въ которомъ она говоритъ о многихъ вещахъ, въ особенности же о нѣкоемъ г. Сентѣ-Ивѣ—говоритъ о немъ съ безпредѣльнымъ восторгомъ и предлагаетъ вступить съ нимъ въ переписку. Не могъ же я на

[1]) Ольга Николаевна Смирнова. *Прим. о. Ширлинга.*

это отвѣтить, что изъ книги г. Сентъ-Ива, „Mission des Juifs“, я узналъ прежде всего, что этотъ авторъ не умѣетъ читать по-еврейски и чрезмѣрно склоненъ къ смѣшенію рѣша съ далэтомъ, и что на такомъ дефективномъ фундаментѣ едва ли возможно воздвигнуть зданіе новой науки, хотя бы и при полномъ одобреніи императора Бразильскаго, выписавшаго, какъ сообщаетъ г-жа Смирнова, нѣсколько сотъ экземпляровъ упомянутой книги. Сказать правду о восхваляемомъ авторѣ было бы невѣжливостью совершенно безполезною, такъ какъ, очевидно, мой авторитетъ не можетъ соперничать съ авторитетомъ такого свѣтила науки, какъ Донъ-Педро, а говорить противъ своего убѣжденія я не умѣю. Сперва я думалъ вовсе не отвѣчать, потомъ избралъ средній путь—написалъ очень короткое и сухое письмо, гдѣ упомянулъ, что мнѣ извѣстны сочиненія г. Сентъ-Ива, не высказавши о нихъ никакого сужденія. Боюсь, что г-жа Смирнова обидѣлась, получивши черезъ столь долгое время столь короткій и неудовлетворительный отвѣтъ. А обидѣть ее было бы для меня тѣмъ прискорбнѣе, что она отнеслась очень любезно къ моимъ трудамъ, предлагая даже перевести на французскій языкъ мою брошюру о еврействѣ (которой, впрочемъ, не читала). Я отклонилъ это предложеніе, сославшись на обстоятельное изложеніе брошюры въ „Revue Française“ [1]), котораго болѣе чѣмъ достаточно.

Я, еще находясь въ Загребѣ, былъ обрадованъ статьею французскаго журнала, нисколько не подозрѣвая, кто ея авторъ. А теперь, узнавши это, весьма смущенъ Вашимъ вниманіемъ къ труду спѣшному и незрѣлому. Надѣюсь въ „Исторіи теократіи“ представить нѣчто лучшее. Первый томъ оканчивается печатаніемъ, но изъ него я исключаю ради практическихъ соображеній всѣ слишкомъ жгучіе вопросы, отнеся ихъ ко второму и третьему томамъ, которые, дастъ Богъ, появятся при болѣе благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ. А теперь можно сомнѣваться, спасутъ ли даже принятыя мною мѣры предосторожности мой первый томъ отъ безусловнаго запрещенія.—У насъ дошло до того, что духовный цензоръ въ выраженіи: „Богочеловѣкъ Христосъ“ вычеркиваетъ слово: „Богочеловѣкъ“ и ставитъ на его мѣсто: „Сынъ Божій“. Запрещается говорить о Богоявленіяхъ въ Ветхомъ За-

---

[1]) От. Мартыновъ, подъ псевдонимомъ Mravotny (anagramme), написалъ двѣ статьи: „La Question juive en Russie“ въ „Revue Française de l'Etranger et des Colonies“, сент. и окт. 1886 г., съ обстоятельнымъ разборомъ брошюры Вл. С. *Прим. о. Ширлиа.*

вѣтѣ, запрещается приводить библейскіе тексты иначе какъ въ синодскомъ переводѣ, и т. д., и т. д.

Полагаю, что дальше въ этомъ направленіи идти некуда, а потому надѣюсь на скорый поворотъ къ лучшему. Надѣюсь, что такому повороту не послужитъ серьезною помѣхой и появленіе такихъ необдуманныхъ произведеній, какъ та псевдонимная книжка, о которой Вы пишете. Помимо прочихъ недостатковъ, авторъ этой книжки—иностранецъ, живущій въ Россіи,—не обнаруживаетъ достаточной любви къ народу, который хочетъ просвѣщать. А безъ этого и величайшая ревность о вѣрѣ едва ли можетъ быть плодотворной. Наши враги церковнаго соединенія уже воспользовались этимъ случаемъ, чтобы уязвить меня. Вѣроятно, псевдонимный авторъ поступилъ „въ свою голову“, не спросивши или не послушавшись совѣта компетентныхъ людей.

Благодарю Васъ еще разъ за Ваше ободряющее вниманіе и остаюсь съ истиннымъ уваженіемъ и душевной преданностью къ Вамъ

Влад. Соловьевъ.

Одновременно съ этимъ пишу о. Пирлингу, коего (касающееся меня) письмо къ еп. Штроссмайеру переслано мнѣ симъ послѣднимъ.

2.

Москва, Пречистенка, д. Лихутина. 9 марта 1897.

Глубокоуважаемый Отецъ!

Позвольте обратиться къ Вамъ за добрымъ совѣтомъ. Недавно только узналъ я изъ одной русской газеты, что еще въ декабрскомъ № „Union chrétienne“ свящ. Геттэ напечаталъ противъ меня статью, именно отвѣтъ на 9 вопросовъ, съ которыми я нѣкогда (въ 1883 г.) обращался (въ „Руси“ Аксакова) къ проф. протоіерею Иванцову-Платонову. Доставши (не безъ труда) № французскаго журнала, я прочелъ эту статью и нашелъ ее совершенно вздорною и не заслуживающею возраженія по существу. Но не слѣдуетъ ли отвѣтить κατ' οἰκονομίαν? Авторъ прямо вызываетъ меня на отвѣтъ, и въ виду обнаруженной имъ наглости можно ожидать, что мое молчаніе будетъ перетолковано въ смыслѣ неблагопріятномъ и для меня, и для самого дѣла.

Еще маленькая подробность. Католическіе французскіе журналы, которые своими похвалами мнѣ вызвали брань въ „Union chrétienne“, исказили мое имя до фантастическаго. А священникъ Геттэ, который получаетъ достаточно русскихъ субсидій, чтобы быть внимательнымъ къ русскимъ фамиліямъ, вмѣсто того, чтобы исправить очевидную ошибку, нашелъ въ ней напротивъ свое удовольствіе и настойчиво называетъ меня M. Solovico. На случай если я рѣшусь отвѣчать въ его журналѣ, слѣдуетъ ли мнѣ оговорить это обстоятельство? А то, пожалуй, французскіе читатели (если только есть таковые у „Union chrétienne“) выведутъ ложное заключеніе о существованіи въ Россіи обычая мѣнять концы своихъ фамилій каждые три мѣсяца.

Простите, что утруждаю Васъ такими пустяками. Будьте здоровы. Прошу Васъ передать мой поклонъ о. Пирлингу. Получилъ ли онъ мое второе письмо?

Съ истиннымъ уваженіемъ душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

3.

14 апр. 1887. Москва.

Глубокоуважаемый Отецъ!

Слѣдую Вашему совѣту и оставляю ех-аббата безъ всякаго возраженія. Такъ какъ Вы не читали его статьи, то, чтобы дать Вамъ нѣкоторое представленіе о ея вздорности, приведу два образчика. На мой вопросъ: въ какихъ ересяхъ, подвергнутыхъ вселенскому осужденію, имѣемъ мы право обвинять Римскую церковь?—мой оппонентъ отвѣчаетъ: les hérésies de l' Eglise Romaine sont *innombrables* и въ доказательство ссылается на свое собственное (извѣстное мнѣ) сочиненіе „La Papauté hérétique“—вотъ и весь отвѣтъ. А слѣдующее еще лучше. Я спрашиваю: въ виду того, что еще въ VII вѣкѣ св. Максиму исповѣднику было извѣстно filioque и что онъ въ письмѣ къ пресвитеру Марину доказывалъ, что въ этомъ нѣтъ ничего неправославнаго, не можемъ ли и мы держаться такого взгляда на это дѣло?—„ученый“ авторъ множества сочиненій отвѣчаетъ, что ему *неизвѣстно* письмо св. Максима, но что онъ думаетъ, что оно *подложно*. Тутъ наглость сочетается съ такою наивностью, которая показалась мнѣ даже непонятною. Но то, что Вы мнѣ написали о литературномъ и общественномъ положеніи ех-аббата, объясняетъ, въ чемъ дѣло: очевидно, ему рѣшительно все равно, что́ ни написать. При такихъ условіяхъ отвѣчать ему въ его журналѣ было бы съ моей стороны большою ошибкою, и я Вамъ искренно признателенъ, что Вы меня отъ нея избавили.

Первый томъ моей „Теократіи“ долженъ уже быть напечатанъ, и я распорядился, чтобы типографія выслала на Ваше имя 3 экземпляра: одинъ для Васъ, другой для о. Пирлинга, а третій для г-жи Смирновой, если только она не слишкомъ сердится за мое

нелюбезное письмо, внушенное болѣзненнымъ состояніемъ и дурнымъ расположеніемъ духа.

Двѣ недѣли тому назадъ я прочелъ публичную лекцію на тему: „Славянофильство и русская идея“. Главная моя мысль была та, что русская идея требуетъ соединенія церквей, т. е. признанія нами Вселенскаго Первосвященника, чтобы перестать быть *пустою* (sic) *претензіей*. Можете себѣ представить негодованіе московской славянофильствующей публики, которая въ большомъ числѣ собралась меня слушать. Я очень доволенъ этимъ негодованіемъ, такъ какъ оно должно было остаться на степени субъективнаго чувства и не было въ состояніи противопоставить моей идеѣ что-нибудь объективно-значительное. Газеты, кажется, хранятъ глубокое молчаніе объ этомъ происшествіи, чему я также радъ, ибо ихъ толки могли бы помѣшать допущенію въ Россіи моей „Теократіи“, на что́ я надѣюсь (разумѣется, только для 1-го тома—о второмъ не можетъ быть и рѣчи при теперешнихъ условіяхъ).

Будьте здоровы, глубокоуважаемый Отецъ.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

4.

Московско-Курской жел. дор. станція Коренная Пустынь. 20 іюня 1887.

Глубокоуважаемый Отецъ!

Апрѣльское письмо Ваше, которое (по стеченію различныхъ обстоятельствъ) доставлено мнѣ только на-дняхъ, повергло меня въ печаль и угрызенія совѣсти по поводу Вашего извѣстія объ О. Н. С. Мнѣ и то было стыдно, что въ своемъ краткомъ и сухомъ отвѣтѣ на ея письмо я, кажется, не сумѣлъ скрыть нехристіанскаго чувства досады за ея совершенно извинительныя и для женщины натуральныя понятія и сужденія. А теперь Вы пишете, что она больна.

О себѣ ничего хорошаго пока сообщить не могу. Книга моя (первый томъ „Исторіи теократіи“) подверглась полнѣйшему секвестру. [Что же касается до экземпляровъ, назначенныхъ Вамъ и другимъ лицамъ въ Парижѣ, то неполученіе ихъ, о чемъ извѣщаетъ меня о. Пирлингъ, зависитъ, конечно, лишь отъ неисправности типографіи. Разузнаю и распоряжусь о высылкѣ.] Пишу теперь по-французски „Philosophie de l'Eglise universelle“. Выходитъ цѣлая книжка. Дастъ Богъ, не пропаду въ конецъ отъ греко-россійскаго тупого кулака.

Объ авторѣ нелѣпой выходки противъ Вашего Общества я имѣю нѣкоторое понятіе: это мальчишка русинъ, выгнанный за какое-то безобразіе изъ семинаріи въ Галиціи. Теперь онъ обдѣлываетъ свои дѣла въ Москвѣ,—мошенникъ перваго сорта. . . . .

Будьте здоровы и не забывайте истинно уважающаго и душевно преданнаго Вамъ

Влад. Соловьева.

P. S. Въ каталогѣ Соловьева H. B. антиквара, n° 91, подъ n° 617 значится St. Yves d'Alveydre, Mission des Juifs (av. portr.), Paris, 1881, in 8°. *Прим. о. Пирлинга.*

5.

18/30 іюля 1887.

Глубокоуважаемый Отецъ!

Воспользовавшись однажды Вашимъ добрымъ совѣтомъ, рѣшаюсь и ещэ обратиться къ Вамъ. На этотъ разъ, впрочемъ, дѣло касается довольно близко Васъ самихъ. Съ апрѣля мѣсяца многіе „ревнители православія“, лично ко мнѣ расположенные, стрѣляютъ въ меня толстымъ, недавно вышедшимъ томомъ сочиненій Ю. Ѳ. Самарина, гдѣ главное мѣсто принадлежитъ извѣстнымъ „Письмамъ о іезуитахъ“. Это и грустно, и забавно. Я получилъ уже 4 экземпляра и, кажется, на этомъ еще не остановится.

Мои почтенные друзья не знаютъ, что сказанное сочиненіе, которое я прочелъ въ первый разъ лѣтъ восемь тому назадъ, значительно содѣйствовало образованію моихъ симпатій къ католической Церкви. Грубые логическіе промахи и явная недобросовѣстность со стороны такого вообще говоря порядочнаго и умнаго человѣка, какъ Ю. Самаринъ, заставили меня задуматься серьезно надъ нашимъ отношеніемъ къ католичеству (отъ котораго я не отдѣляю Ваше Общество). Остальное Вамъ извѣстно. Теперь позвольте Вамъ сообщить относящіяся сюда выписки изъ полученнаго мною на-дняхъ письма отъ одного молодого человѣка, серьезно занятаго въ настоящее время разборомъ (подъ моимъ руководствомъ) славянофильскаго „богословія“.

„Я писалъ тебѣ, что прочелъ и „Іезуитовъ“ Самарина, и вотъ мое впечатлѣніе отъ этой книги: сочиненіе очень важное не по глубокомыслію и безпристрастію, въ чемъ я ему совершенно отказываю, а потому, что оно у насъ единственное по этой части, и что безголовая публика любитъ *кричащія* ста-

ти и книги. Самаринъ хорошо это зналъ. Онъ (или Аксаковъ?) говоритъ, что, обругавши іезуитовъ скверными словами, не приведя еще ни одного доказательства, онъ встрѣтилъ поддержку въ обществѣ, ибо говорилъ „съ русскою публикой, съ русскимъ *православнымъ* обществомъ“. Какъ ни тяжко и безвыходно твое положеніе, но лучше быть одному въ полѣ воиномъ, чѣмъ самоувѣренно и смѣло натравлять стаю собакъ на вновь прибывшаго иностранца, изъ-за котораго, если помнишь, началась вся полемика. Юрія то я не очень виню: если бы не было статей Хомякова, онъ не написалъ бы своихъ писемъ къ о. Мартынову. Въ полномъ ослѣпленіи, наведенномъ Хомяковымъ, Самаринъ откинулъ слѣдующія соображенія: 1) Іезуиты не придаютъ абсолютнаго значенія государству, отсюда цѣлый рядъ правилъ, *кажущихся* безцеремонными, напр., тайное вознагражденіе. 2) Можетъ не нравиться вообще регламентація нравственности, но ее вѣдь не іезуиты выдумали; если же выбирать между ихъ казуистикой и тупымъ ригоризмомъ, который ей противопоставляется, то послѣдній несомнѣнно хуже. 3) Не слѣдуетъ смѣшивать того, что написано въ учительскихъ цѣляхъ для духовника, съ тѣмъ, что проповѣдуется всѣмъ и каждому: я думаю, что Самаринъ могъ бы понять это правило, но бѣда въ томъ, что „учитель“ торжественно провозгласилъ, что нѣтъ учащей церкви. 4) Что лучше: дѣятельное миссіонерство, допускающее *provisoirement* сдѣлки съ язычествомъ, или отсутствіе миссіонерской дѣятельности? Руководство совѣстью при условномъ допущеніи поблажекъ, или отсутствіе всякаго руководства? Въ концѣ книги встрѣтилъ нѣсколько словъ, въ которыхъ все славянофильство: намъ не нужно относительной правды, потому что у насъ „*жажда* безпримѣсной правды“, т. е. намъ не нужно хлѣба, потому что мы жаждемъ амброзіи, хотя и не имѣемъ никакихъ средствъ ее достать“.

Доселѣ мой корреспондентъ. По прочтеніи его письма ко мнѣ сильнѣе прежняго вернулась мысль, уже не разъ приходившая мнѣ въ голову, а именно, написать обстоятельный разборъ книги Самарина. Прежде я предполагалъ сдѣлать это въ приложеніяхъ къ послѣднему тому моей „Теократіи“. Но такъ какъ ея окончаніе приходится отложить едва ли не до греческихъ календъ, то не было бы ли пригодно для дѣла заняться этимъ разборомъ отдѣльно? Я могъ бы приступить къ этому тотчасъ по окончаніи французскаго сочиненія, о которомъ я Вамъ писалъ и о которомъ Вамъ со-

общалъ о. Пирлингъ. Если Вы вообще одобряете мое намѣреніе, то возникаютъ слѣдующіе вопросы: 1) На русскомъ или на французскомъ языкѣ слѣдуетъ издать мой разборъ? Сочиненіе Самарина было издано во французскомъ переводѣ нѣкоимъ Бутурлинымъ. 2) Долженъ ли я подписать свой разборъ или нѣтъ? 3) Въ послѣднемъ случаѣ слѣдуетъ ли выбрать какое-нибудь вымышленное имя, или же ограничиться такимъ обозначеніемъ: par un membre de l'Eglise orientale или—par un Russe orthodoxe.

Мое личное мнѣніе то, что цѣлесообразнѣе издать на французскомъ языкѣ (если кто-нибудь въ Парижѣ возьмется его поправить) безъ моего имени съ послѣднимъ изъ приведенныхъ обозначеній. Впрочемъ, послѣдую въ этомъ дѣлѣ Вашему рѣшенію, котораго и буду ждать съ большимъ нетерпѣніемъ.

Истинно уважающій Васъ

Влад. Соловьевъ.

6.

7—19 авг. 1878.

Моск.-Курск. ж. д. ст. Коренная Пустынь.

Глубокоуважаемый Отецъ!

Отвѣчаю Вамъ заразъ на два письма. Во-первыхъ, благодарю Васъ за Вашъ, хотя и краткій, но ясно мотивированный отзывъ о первомъ томѣ „Теократіи“. Я съ Вами въ сущности согласенъ, замѣчу только, что отдѣльное появленіе перваго тома имѣло свои уважительныя причины. Второй томъ подлежалъ бы *непремѣнному* и *несомнѣнному* запрещенію, относительно же перваго (изъ котораго я нарочно исключилъ трактатъ о первенствѣ Петра) я могъ надѣяться на допущеніе его въ Россіи, гдѣ онъ нашелъ бы достаточное число читателей и (судя по прежнимъ моимъ сочиненіямъ) разошелся бы довольно быстро, что́ дало бы мнѣ средства на дальнѣйшее печатаніе. Нѣкоторыя лица, власть имѣющія, *обнадеживали* меня, что книга не будетъ запрещена, и если они обманули, то это не моя вина. Впрочемъ, и теперь дѣло отчасти поправляется. Только нѣкоторые экземпляры задержаны, бо́льшая же часть достигла назначенія, и я уже получилъ нѣсколько благопріятныхъ отзывовъ. Оказывается (какъ и Вы, впрочемъ, предвидѣли), что у насъ есть кругъ читателей (и читателей достаточно серьезныхъ, объ иныхъ не стоило бы и говорить), для которыхъ „философія библейской исторіи“, представляя извѣстные предметы въ новомъ, не *казенномъ* свѣтѣ, является гораздо интереснѣе тѣхъ вопросовъ, которые мы съ Вами считаемъ наиболѣе важными. Живя въ Россіи, я это зналъ и потому не счелъ совершенно безполезнымъ распространяться о патріархахъ и царяхъ израильскихъ. Я даже получилъ упрекъ, зачѣмъ пропустилъ Соломона, и т. п.

По извѣстіямъ изъ Петербурга запрещеніе моей книги могу полагать дѣломъ рѣшеннымъ. Но одновременно съ этимъ получилъ другое извѣстіе, оправдывающее мой девизъ, одобренный о. Пирлингомъ: „Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ“. Меня извѣщаютъ, что деньги на напечатаніе второго тома уже находятся въ одномъ изъ русскихъ банковъ, откуда я могу получить при первой надобности.

Благодарю Васъ еще за Ваши указанія на счетъ догматическаго развитія. Что Петавій и Ньюманъ поддерживали эту идею, я зналъ, хотя къ стыду своему долженъ признаться, что не читалъ ихъ сочиненій, а о книгѣ абб. Дюшэна и вовсе не зналъ. Плохая организація книжнаго дѣла въ Россіи и разныя неудобства моей личной жизни мѣшаютъ мнѣ, какъ должно, слѣдить за всею литературою занимающихъ меня предметовъ. Отъ этого мнѣ навѣрное приходится открывать разныя Америки, давно уже открытыя и густо населенныя. Это, конечно, жаль, но я готовъ въ этомъ утѣшиться, лишь бы только открываемое было дѣйствительно твердою землею, а не плавучею льдиной, которая, хотя бы и мною первымъ замѣченная, расплывется завтра безъ остатка отъ солнечныхъ лучей.

Посылаю Вамъ тотъ экземпляръ VI-го т. сочиненій Самарина, который былъ мною здѣсь оставленъ для собственнаго употребленія, такъ какъ прочіе находятся теперь въ Москвѣ. Хотя этотъ экземпляръ снабженъ моими помѣтками, но онъ мнѣ совершенно не нуженъ. Необходимыя для разбора замѣчанія уже выписаны мною въ памятную книжку, а окончательно работать надъ этимъ я буду въ Москвѣ, гдѣ у меня этотъ авторъ въ излишествѣ. Я написалъ Вамъ слишкомъ кратко о своемъ намѣреніи и тѣмъ ввелъ Васъ въ недоразумѣніе. Ни оправданіе католическаго нравственнаго ученія, ни общая апологія ордена не могутъ составлять моей задачи. Памфлетъ зарвавшагося (и завравшагося) славянофила былъ бы, какъ Вы справедливо полагаете, черезчуръ ничтожнымъ для этого поводомъ. Я намѣревался снабдить послѣдній (третій, или, вѣрнѣе, четвертый) томъ своей „Теократіи“ рядомъ критическихъ приложеній, посвященныхъ всѣмъ, хотя бы и незамѣчательнымъ, но все-таки замѣченнымъ у насъ нападкамъ на католичество—разумѣется, въ русской литературѣ нынѣшняго столѣтія—съ цѣлію показать на конкретныхъ примѣрахъ всю недобросовѣстность и невѣжество нашихъ антикатоликовъ. Цѣль не очень возвышенная, но, какъ я увѣренъ, насущно-полезная для дѣла. Въ этой вы-

ставкѣ греко-россійскихъ производствъ „Письма о іезуитахъ“ заняли бы свое почетное мѣсто. Они же одни изо всѣхъ однородныхъ товаровъ могутъ теперь стать предметомъ *отдѣльной* экспозиціи, во-первыхъ потому, что Самаринъ крупнѣе и извѣстнѣе разныхъ Муравьевыхъ, архіепископовъ Анатоліевъ, Никаноровъ и проч., которыхъ можно трактовать только гуртомъ, а во-вторыхъ, потому, что новое изданіе „писемъ“ является достаточнымъ поводомъ для разбора. Въ отдѣльномъ изданіи этотъ разборъ можетъ быть распространенъ, но все-таки долженъ сохранить характеръ чисто полемическаго памфлета, имѣющаго внушить читателямъ въ заключеніе слѣдующій вопросъ: если даже человѣкъ порядочный, человѣкъ убѣжденія и независимой мысли, оказывается въ своемъ отношеніи къ католичеству совершеннымъ жуликомъ, то чего же должно ожидать отъ жуликовъ профессіональныхъ.....

Такъ какъ объ изданіи моей брошюры въ Россіи, или о безпрепятственномъ допущеніи ея сюда, не можетъ быть и рѣчи, то я и думалъ, что легче было бы найти заграничнаго издателя для французской, нежели для русской брошюры, читатели же въ Россіи, имѣющіе возможность доставать запрещенныя книги, не стѣснились бы французскимъ языкомъ. Но, съ другой стороны, я не могу легко писать на этомъ языкѣ (а полемическій памфлетъ долженъ быть *непремѣнно* написанъ легко и изящно), вопросъ же о способахъ къ изданію при небольшомъ объемѣ брошюры, надѣюсь, не составитъ затрудненія.

Итакъ, принимаю Ваше рѣшеніе и буду писать по-русски. Въ такомъ случаѣ, думаю, проще всего будетъ подписаться своимъ именемъ.

Однако я злоупотребляю Вашимъ временемъ и личнымъ расположеніемъ. Хозяинъ мой благодаритъ Васъ за привѣтъ и сердечно кланяется. Мы съ нимъ этимъ лѣтомъ перевели „Энеиду“ гекзаметрами подстрочно.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

О. Пирлингу пишу сейчасъ же.

Письма къ К. Н. Бестужеву-Рюмину.

1.

[1879.]

Многоуважаемый

Константинъ Николаевичъ!

Я предпочитаю по средамъ и субботамъ, такъ какъ два часа къ ряду было бы, думаю, утомительно и для меня, и для слушательницъ. Такимъ образомъ, если можно, я готовъ начать курсъ 17-го сентября, въ среду. Не воспрепятствуетъ ли только обиліе добродѣтельныхъ имянинницъ въ тотъ день?

Въ этотъ вторникъ (9-го) постараюсь быть у Васъ.

Истинно преданный Вамъ Влад. Соловьевъ.

2.

[1880.]

Милостивый государь,

Многоуважаемый Константинъ Николаевичъ!

Не зная, кто у Васъ деканъ, посылаю Вамъ мое прошеніе и только теперь оконченную (не по моей винѣ) диссертацію. Послѣ завтра книга будетъ вполнѣ готова и тогда я пришлю сколько нужно экземпляровъ.

Такъ какъ мой главный оффиціальный оппонентъ получилъ бо́льшую часть книги еще въ декабрѣ и такъ какъ она печаталась въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ въ теченіе двухъ лѣтъ, то я надѣюсь, что факультетъ найдетъ возможнымъ нѣсколько сократить законный срокъ и допустить меня къ защитѣ въ послѣднее воскресенье марта или первое воскресенье апрѣля.

Въ настоящее время я занятъ, между прочимъ, составленіемъ по Вашему желанію, подробной программы философіи для женскихъ курсовъ. По этому поводу мнѣ пришла въ голову одна мысль, о которой поговоримъ при свиданіи. Дней черезъ пять я думаю быть въ Петербургѣ, просрочилъ отпускъ, все изъ-за Катковской типографіи.

Въ ожиданіи скораго свиданія остаюсь съ глубочайшимъ уваженіемъ и преданностью Вамъ.

Влад. Соловьевъ.

3.

7 марта 1880. Москва.

Многоуважаемый

Константинъ Николаевичъ!

Сейчасъ я получилъ письмо съ вторичнымъ и настоятельнымъ приглашеніемъ отъ Некрасова (декана Одесскаго факультета) на ординатуру по философіи и съ завѣреніемъ, что „весь факультетъ въ пользу такого приглашенія“. Я рѣшился принять это предложеніе, если въ ближайшемъ засѣданіи здѣшняго факультета не будетъ обращено вниманія на мое умѣренное желаніе экстраординатуры съ *доцентскимъ* жалованіемъ и не будетъ постановлено ходатайствовать объ этомъ передъ министромъ.

Далѣе откладывать свой отвѣтъ Одесскому факультету считаю неудобнымъ.

Въ понедѣльникъ утромъ заѣду къ Вамъ.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

4.

Москва, 18 сент. 1881.

Многоуважаемый

Константинъ Николаевичъ!

Н. А. Поповъ передалъ мнѣ Ваше письмо, и я спѣшу Вамъ отвѣтить. Невозможность для меня читать въ первое полугодіе происходитъ отъ того, что, по разнымъ печальнымъ обстоятельствамъ личнымъ, я все это лѣто не могъ ни отдыхать, ни работать, и теперь долженъ мѣсяца три предаться усиленному писанію, для чего и поселяюсь въ сорока верстахъ отъ Петербурга въ совершенномъ уединеніи. Во второмъ же полугодіи я и желаю, и надѣюсь читать, и притомъ на обоихъ курсахъ. Прошлый годъ я остановился на Платонѣ, и теперь могъ бы читать о Платонизмѣ и Христіанствѣ (Аристотель, стоики etc. отнеслись бы сюда же, поскольку ихъ идеи заполняли философію Платона и вошли въ составъ Неоплатонизма). Это я могъ бы читать обоимъ курсамъ соединенно, предпославши нѣсколько вступительныхъ лекцій, которыя для 4-го курса были бы обзоромъ уже пройденнаго. Читать я намѣренъ во всякомъ случаѣ безплатно.

Около 10-го октября я буду дня на 3 въ Петербургѣ и надѣюсь съ Вами переговорить.

Передайте, пожалуйста, мое почтеніе Елизаветѣ Васильевнѣ.

Истинно Васъ уважающій

Влад. Соловьевъ.

5.

[1881.]

Многоуважаемый

Константинъ Николаевичъ!

Я уѣхалъ отчасти по нездоровью, главное же по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, о которыхъ разскажу при свиданіи. Этими же причинами объясняется и внезапность моего отъѣзда.

Не думаю возвращаться къ преподавательской дѣятельности; поэтому и съ предложеніемъ меня въ университетъ прошу Васъ повременить.

Теперь буду много писать и печатать, уста же разверзать только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, ибо въ многоглаголаніи нѣсть спасенія.

Передайте, пожалуйста, мое почтеніе Елизаветѣ Васильевнѣ и также мой сердечный поклонъ моимъ слушательницамъ. Очень жалѣю, что не могъ съ ними проститься.

Остаюсь съ истиннымъ къ Вамъ уваженіемъ и преданностью

Влад. Соловьевъ.

6.

[1881.]

Многоуважаемый

Константинъ Николаевичъ!

Я рѣшился оставить преподавательскую дѣятельность не изъ одного желанія досуга для философскихъ писаній; но и по другимъ болѣе для меня обязательнымъ причинамъ, которыя дѣлаютъ мое рѣшеніе безповоротнымъ.

Доставленные Вамъ отъ Кирѣева оттиски моихъ „Чтеній“ я просилъ бы, если это Васъ не затруднитъ, раздать по Вашему усмотрѣнію желающимъ или же уничтожить.

Посылаю фотографіи и сердечный поклонъ курсисткамъ.

Пельгорская [1]) писала мнѣ по поводу лекцій; отвѣчу ей особо.

Гдѣ и что я теперь буду, не знаю, но жду много дѣла впереди.

Надѣюсь, когда нибудь увидимся, но только не въ Петербургѣ.

Будьте здоровы и не поминайте лихомъ.

Истинно Васъ уважающій

Влад. Соловьевъ.

---

1) Елизавета Александровна Пельгорская—слушательница Высшихъ Женскихъ Курсовъ, издававшая лекціи философіи; нынѣ начальница Ставропольскаго женскаго епархіальнаго училища.

Прим. ред.

Письма къ Л. Н. Толстому.

1.

Петербургъ, 5 іюля 1894.

Дорогой Левъ Николаевичъ!

Послѣ того, какъ мы разстались, я былъ очень боленъ— истекалъ кровью такъ сильно, что напугалъ доктора, который и прописалъ мнѣ множество лѣкарствъ; но такъ какъ я купилъ ихъ только изъ вѣжливости, а отъ пользованія ими воздержался, то и выздоровѣлъ своевременно. Эта болѣзнь вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими обстоятельствами задержала до сихъ поръ два обѣщанныя мною дѣла: 1) изложеніе главнаго пункта разномыслія между мною и Вами и 2) систематическую христоматію изъ Вашихъ религіозно-нравственныхъ сочиненій. Теперь пользуюсь поѣздкой къ Вамъ г. Краузкопфа, чтобы увѣрить Васъ, что оба эти намѣренія мною отнюдь не оставлены. Первое, для котораго требуется только дня три-четыре полной свободы и сосредоточенности, надѣюсь исполнить въ этомъ же мѣсяцѣ, а второе, болѣе сложное съ внѣшней стороны, потребуетъ, конечно, больше досуга. Я думаю озаглавить христоматію такъ: „Критика лжехристіанства, изъ сочиненій Льва Толстого“. Что касается до матерьяла, то мнѣ теперь недостаетъ только одного послѣдняго Вашего сочиненія: „Христіанство и патріотизмъ“. Не можете-ли распорядиться, чтобы мнѣ его прислали (подъ заказною бандеролью) по слѣдующему адресу:

Петербургъ, редакція „Вѣстника Европы“, Галерная 20, для такого-то.

Одинъ только что пріѣхавшій изъ Парижа пріятель сообщаетъ, что Ваша книжка (независимо отъ ея принципіальнаго содержанія) появилась очень кстати, какъ coup de grace франко-русскому обману.

Будьте здоровы, дорогой Левъ Николаевичъ. До свиданія— увѣренъ, но когда и гдѣ—не знаю, ибо, по всей вѣроятности, несмотря на холеру, остаюсь здѣсь неопредѣленное время.

Сердечно кланяюсь графинѣ и всѣмъ вашимъ.

Искренно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

---

2. [1])

28 іюля—2 авг. 1894. Петербургъ.

Дорогой Левъ Николаевичъ!

Со времени моего послѣдняго письма, отправленнаго черезъ г. Краузкопфа, я былъ дважды серьезно боленъ и не хочу далѣе откладывать важнаго разговора. который я Вамъ долженъ.

Все наше разногласіе можетъ быть сосредоточено въ одномъ конкретномъ пунктѣ—воскресеніи Христа.

Я думаю, что въ Вашемъ собственномъ міросозерцаніи (если только я вѣрно понимаю Ваши послѣднія сочиненія) нѣтъ ничего такого, что мѣшало бы признать истину воскресенія, а есть даже нѣчто такое, что заставляетъ признать ее. Сначала скажу объ идеѣ воскресенія вообще, а потомъ о воскресеніи Христа.

1) Вы допускаете, что нашъ міръ прогрессивно видоизмѣняется, переходя отъ низшихъ формъ и степеней бытія къ высшимъ или болѣе совершеннымъ; 2) Вы признаете взаимодѣйствіе между внутренней, духовною жизнью и высшею, физическою, и 3) на почвѣ этого взаимодѣйствія Вы признаете, что совершенство духовнаго существа выражается въ томъ, что его собственная духовная жизнь подчиняетъ себѣ его физическую жизнь, овладѣваетъ ею.

Исходя изъ этихъ трехъ пунктовъ, я думаю, необходимо придти къ истинѣ воскресенія. Дѣло въ томъ, что духовная сила по отношенію къ матеріальному существованію не есть величина постоянная, а возрастающая. Въ мірѣ животномъ она вообще находится лишь въ скрытомъ, потенціальномъ состояніи; въ чело-

---

[1]) Это письмо, въ его существенной части, было напечатано въ „Вопросахъ философіи“ за 1905-ый годъ книга 79.

Прим. ред.

вѣчествѣ она освобождается и становится явной. Но это освобожденіе совершается сначала лишь идеально въ формѣ разумнаго сознанія: я различаю себя отъ своей животной природы, сознаю свою внутреннюю независимость отъ нея и превосходство передъ нею. Но можетъ ли это *сознаніе* перейти въ *дѣло?* Не только можетъ, но отчасти и переходитъ. Какъ въ мірѣ животномъ мы находимъ нѣкоторые зачатки или проблески разумной жизни, такъ въ человѣчествѣ несомнѣнно существуютъ зачатки того высшаго совершеннаго состоянія, въ которомъ духъ дѣйствительно фактически овладѣваетъ матеріальною жизнью. Онъ борется съ темными стремленіями матеріальной природы и покоряетъ ихъ себѣ (а не различаетъ только себя отъ нихъ). Отъ степени внутренняго духовнаго совершенства зависитъ бо̀льшая или меньшая полнота этой побѣды. Крайнее торжество враждебнаго матеріальнаго начала есть смерть, т. е. освобожденіе хаотической жизни матеріальныхъ частей съ разрушеніемъ ихъ разумной, цѣлесообразной связи. Смерть есть явная побѣда безсмыслія надъ смысломъ, хаоса надъ космосомъ. Особенно это ясно относительно живыхъ существъ высшаго порядка. Смерть человѣка есть уничтоженіе совершеннаго организма, т. е. цѣлесообразной формы и орудія высшей разумной жизни. Такая побѣда низшаго надъ высшимъ, такое обезоруженіе духовнаго начала показываетъ, очевидно, недостаточность его силы. Но вѣдь эта сила *возрастаетъ*. Для человѣка безсмертіе есть то же, что для животнаго—разумъ; смыслъ животнаго царства есть животное разумное, т. е. человѣкъ. Смыслъ человѣчества есть *безсмертный*, т. е. Христосъ. Какъ животный міръ тяготѣетъ къ разуму, такъ человѣчество тяготѣетъ къ безсмертію. Если борьба съ хаосомъ и смертью есть сущность мірового процесса, при чемъ свѣтлая, духовная сторона хоть медленно и постепенно, но все-таки *одолѣваетъ*, то воскресеніе, т. е. дѣйствительная и окончательная побѣда живого существа надъ смертью, есть необходимый моментъ этого процесса, который въ принципѣ этимъ и оканчивается; весь дальнѣйшій прогрессъ строго говоря, имѣетъ лишь экстенсивный характеръ—состоитъ въ универсальномъ усвоеніи этой индивидуальной побѣды или въ распространеніи ея слѣдствій на все человѣчество и на весь міръ.

Если подъ чудомъ разумѣть фактъ, противорѣчащій общему ходу вещей и потому невозможный, то воскресеніе есть прямая противоположность чуду—это есть фактъ, безусловно необходимый въ общемъ ходѣ вещей; если же подъ чудомъ разумѣть фактъ, впервые

случившійся, небывалый, то воскресеніе „первенца изъ мертвыхъ“ есть, конечно, чудо — совершенно такое же, какъ появленіе первой органической клѣточки среди неорганическаго міра, или появленіе животнаго среди первобытной растительности, или перваго человѣка среди орангутановъ. Въ этихъ чудесахъ не сомнѣвается естественная исторія, такъ же несомнѣнно и чудо воскресенія для исторіи человѣчества.

Разумѣется, съ точки зрѣнія механическаго матеріализма все это—nulet nonavenu. Но я былъ бы очень удивленъ, если бы съ вашей точки зрѣнія услышалъ какое-нибудь принципіальное возраженіе. Я увѣренъ, что идея воскресенія и „первенца изъ мертвыхъ“ для васъ такъ же естественна, какъ и для меня. Но, спрашивается, осуществилась ли она въ томъ историческомъ лицѣ, о воскресеніи котораго разсказывается въ евангеліяхъ? Вотъ основанія, которыми я подтверждаю свою увѣренность въ дѣйствительномъ воскресеніи этого лица, Іисуса Христа, какъ первенца изъ мертвыхъ.

I. Побѣда надъ смертію есть необходимое натуральное слѣдствіе внутренняго духовнаго совершенства; то лицо, въ которомъ духовное начало забрало силу рѣшительно и окончательно надо всѣмъ низшимъ, не можетъ быть покорено смертью; духовная сила, достигнувъ *полноты* своего совершенства, неизбѣжно переливается, такъ сказать, черезъ край субъективно-психической жизни, захватываетъ и тѣлесную жизнь, преображаетъ ее, а затѣмъ окончательно одухотворяетъ, неразрывно связываетъ съ собою. Но именно образъ полнаго духовного совершенства я и нахожу въ евангельскомъ Христѣ; считать этотъ образъ вымышленнымъ я не могу по множеству причинъ, приводить которыя нѣтъ надобности, такъ какъ и вы не считаете евангельскаго Христа миѳомъ. Если же этотъ духовно-совершенный человѣкъ дѣйствительно существовалъ, то онъ тѣмъ самымъ былъ первенецъ изъ мертвыхъ и другого такого ждать нечего.

II. Второе основаніе моей вѣры позвольте пояснить сравненіемъ изъ другой области. Когда астрономъ Леверье посредствомъ извѣстныхъ вычисленій убѣдился, что за орбитой Урана должна находиться еще другая планета, а затѣмъ увидалъ ее въ телескопъ именно такъ, какъ она должна была быть по его вычисленіямъ, то едва ли онъ имѣлъ какой-нибудь разумный поводъ думать, что эта видимая имъ планета не есть та, которую онъ вычислилъ, что она не настоящая, а настоящая еще, можетъ быть, откроется впослѣдствіи. Подобнымъ образомъ, когда, основываясь на

общемъ смыслѣ мірового и историческаго процесса и на послѣдовательности его стадій, мы находимъ, что послѣ проявленія духовнаго начала въ идейной формѣ—съ одной стороны, въ философіи и художествѣ эллиновъ, а съ другой, въ этическо-религіозномъ идеалѣ пророковъ еврейскихъ (понятіе Царствія Божія)—дальнѣйшій, высшій моментъ этого откровенія долженъ былъ представить явленіе того же духовнаго начала *личное* и *реальное*, его воплощеніе въ живомъ лицѣ, которое не въ мысляхъ только и художественныхъ образцахъ, а на *дѣлѣ* должно было показать силу и побѣду духа надъ враждебнымъ дурнымъ началомъ съ его крайнимъ выраженіемъ—смертью, т. е. должно было дѣйствительно воскресить свое матеріальное тѣло въ духовное,—и когда вмѣстѣ съ тѣмъ у свидѣтелей-очевидцевъ, неграмотныхъ евреевъ, не имѣющихъ никакого понятія о міровомъ процессѣ, его стадіяхъ и моментахъ, мы находимъ описаніе именно такого человѣка, лично и реально воплощающаго въ себѣ духовное начало, причемъ они съ изумленіемъ, какъ о событіи для нихъ неожиданномъ и невѣроятномъ, разсказываютъ, что этотъ человѣкъ воскресъ, т. е. представляютъ чисто-эмпирически, какъ послѣдовательность фактовъ, то, что для насъ имѣетъ внутреннюю логическую связь,—видя такое совпаденіе, мы рѣшительно не въ правѣ обвинять этихъ свидѣтелей въ томъ, что они выдумали фактъ, все значеніе котораго для нихъ самихъ было неясно. Это почти то же, какъ если бы мы предположили, что рабочіе, строившіе телескопъ парижской обсерваторіи, хотя ничего не знали о вычисленіяхъ Леверье, однако нарочно устроили такъ, чтобы онъ увидалъ въ этотъ телескопъ призракъ несуществующаго Нептуна.

III. О третьемъ основаніи моей вѣры въ воскресеніе Христа я упомяну только въ двухъ словахъ, такъ какъ оно слишкомъ извѣстно, что̀ не уменьшаетъ его силы. Дѣло въ томъ, что безъ факта воскресенія необычайный энтузіазмъ апостольской общины не имѣлъ бы достаточнаго основанія, и вообще вся первоначальная исторія христіанства представляла бы рядъ невозможностей. Развѣ только признать (какъ это иные и дѣлали), что въ христіанской исторіи вовсе не было перваго вѣка, а что она началась прямо со второго или даже третьяго.

Я лично, съ тѣхъ поръ какъ признаю, что исторія міра и человѣчества имѣетъ смыслъ, не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ воскресеніи Христа, и всѣ возраженія противъ этой истины своею слабостью только подтверждаютъ мою вѣру. Единственное ориги-

нальное и серьезное возраженіе, которое мнѣ извѣстно, принадлежитъ Вамъ. Въ одномъ недавнемъ разговорѣ со мною Вы сказали, что если признать воскресеніе и, слѣдовательно, особое сверхъестественное значеніе Христа, то это заставитъ христіанъ болѣе полагаться для своего спасенія на таинственную силу этого сверхъестественнаго существа, нежели на собственную нравственную работу. Но вѣдь такое злоупотребленіе истиною въ концѣ концовъ есть лишь обличеніе злоупотребляющихъ. Такъ какъ на самомъ дѣлѣ Христосъ, хотя и воскресшій, ничего окончательнаго для насъ безъ насъ самихъ сдѣлать не можетъ, то для искреннихъ и добросовѣстныхъ христіанъ никакой опасности квіетизма тутъ быть не можетъ. Ее еще можно было бы допустить, если бы воскресшій Христосъ имѣлъ для нихъ видимую дѣйствительность, но при настоящихъ условіяхъ, когда дѣйствительная, личная связь съ нимъ можетъ быть только духовною, что̀ предполагаетъ собственную нравственную работу человѣка,—только лицемѣры или негодяи могутъ ссылаться на благодать въ *ущербъ* нравственнымъ обязанностямъ. Къ тому же Богочеловѣкъ не есть всепоглощающее абсолютное восточныхъ мистиковъ и соединеніе съ нимъ не можетъ быть односторонне-пассивнымъ. Онъ есть „первенецъ изъ мертвыхъ“, указатель пути, вождь и знамя для дѣятельной жизни, борьбы и совершенствованія, а не для погруженія въ Нирвану.

Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были практическія послѣдствія воскресенія Христова, вопросъ объ истинѣ его рѣшается не ими.

Мнѣ было бы въ высшей степени интересно знать, что вы скажете объ этомъ по существу. Если Вамъ не охота или некогда писать, то подожду свиданія. Будьте здоровы, сердечно кланяюсь Вашимъ всѣмъ.

Искренно Вамъ преданный

Влад. Соловьевъ.

Вотъ адресъ на всякій случай: Петербургъ, у Синяго моста, Вознесенскій просп., д. 16, кв. 3 (казармы, квартира военнаго слѣдователя Кузьмина-Караваева).

Письма къ В. В. Розанову [1]).

1. [2])

28 ноября 1892. Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ!

Пользуюсь первою свободною минутой, чтобы отвѣтить на Ваше любезное письмо. Разумѣется, я ничего не имѣю противъ напечатанія Вами касающихся меня писемъ покойнаго К. Н. Леонтьева. Быть межетъ, я отыщу нѣсколько его писемъ ко мнѣ, весьма интересныхъ, и тогда пришлю ихъ въ Ваше распоряженіе.

Изъ замѣчаній Вашихъ по поводу вѣроисповѣднаго вопроса я вижу, что моя дѣйствительная точка зрѣнія по этому предмету осталась Вамъ неизвѣстною. Изложить ее въ письмѣ не нахожу возможнымъ. Если когда-нибудь Богъ приведетъ встрѣтиться, то въ разговорѣ это можно будетъ сдѣлать и легче, и скорѣе. А пока намекну въ словахъ на сущность дѣла. Въ виду господствующей у насъ, частію фальшивой, а частію благоглупой и во всякомъ случаѣ нехристіанской, папофобіи, я считалъ и считаю нужнымъ указывать на положительное значеніе самимъ Христомъ положеннаго камня Церкви, но я никогда не принималъ его за саму Церковь,—фундаментъ не принималъ за цѣлое зданіе. Я также далекъ отъ ограниченности латинской, какъ и отъ ограни-

---

1) Письма къ В. В. Розанову были напечатаны частью въ „Вопросахъ жизни“, частью въ „Золотомъ рунѣ“.

Прим. ред.

2) Первое письмо (въ г. Елецъ), до личнаго знакомства, отъ 1892 г. Остальныя всѣ отъ 1895 г. безъ датъ мѣсяцевъ и чиселъ.

Прим. В. Розанова.

ченности византійской или аугсбургской, или женевской. Исповѣдуемая мною религія Св. Духа шире и вмѣстѣ съ тѣмъ содержательнѣе всѣхъ отдѣльныхъ религій: она не есть ни сумма, ни экстрактъ изъ нихъ, какъ цѣлый человѣкъ не есть ни сумма, ни экстрактъ своихъ отдѣльныхъ органовъ.

Этотъ намекъ, хотя и темный, убѣдитъ Васъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что Ваши замѣчанія, справедливы они или нѣтъ сами по себѣ, во всякомъ случаѣ, не имѣютъ никакого отношенія къ моему образу мыслей. Въ надеждѣ на возможность болѣе страннаго объясненія въ будущемъ, остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ.

Вашъ покорный слуга

Влад. Соловьевъ.

2.

Дорогой Василій Васильевичъ!

Списался съ Михаиломъ Петровичемъ [1]) и результатъ: сегодня въ 8 ч. веч. (не позже) Вы должны находиться у меня въ Англіи [2]) для дальнѣйшаго совмѣстнаго слѣдованія къ вышеозначенному полусановнику. Такъ какъ я обѣдаю не дома, а то если, паче чаянія, опоздаю на нѣсколько минутъ, подождите меня въ читальной; распорядитесь, чтобы меня объ этомъ швейцаръ увѣдомилъ при входѣ моемъ.

Статью Вашу передалъ Гайдебурову. Прилагаю забытую Вами у меня перчатку.

До вечера.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

P. S. Лучше, если прибудете въ $7^3/_4$. Постараюсь не опоздать.

---

[1]) Мих. Петр. Соловьевъ—главноуправляющій по дѣламъ печати.
[2]) Hotel d'Angleterre, въ Спб.

Прим. В. Розанова.

3.

Христосъ воскресе!

Дорогой, хотя слишкомъ мнительный Василій Васильевичъ! Не былъ у Васъ только по тремъ причинамъ: 1) всегда имѣю больше работы, чѣмъ времени, 2) почти всегда хвораю, 3) ѣздилъ въ деревню. Сегодня, не смотря на крапивную лихорадку, ѣду въ Москву.

Посылаю Вамъ свое послѣднее изданіе.

Въ Москвѣ пробуду недолго. Передайте, пожалуйста, мой сердечный поклонъ и поздравленіе съ праздникомъ Вашей супругѣ.

До свиданія на Ѳоминой.

Душевно Вашъ

Влад. Соловьевъ.

Дорогой Василій Васильевичъ!

Въ силу евангельской заповѣди (Матѳ. V, 44), чувствую потребность поблагодарить Васъ за Ваше участіе въ нагломъ и довольно коварномъ нападеніи на мою книгу въ сегодняшнемъ „Новомъ Времени“ (приложеніе). Такъ какъ это маленькое, но довольно острое происшествіе не вызвало во мнѣ враждебныхъ чувствъ къ Вамъ, то я заключаю, что они вырваны съ корнемъ и что мое дружеское расположеніе къ Вамъ не нуждается въ дальнѣйшихъ испытаніяхъ. Спѣшу написать Вамъ объ этомъ, чтобы избавить Васъ отъ какихъ нибудь душевныхъ затрудненій при возможныхъ случайныхъ встрѣчахъ.

Считайте, что ничего не произошло и что мы можемъ относиться другъ къ другу такъ же, какъ въ наше послѣднее прощанье на Литейной.

Что касается до Шперка, то, въ виду его молодости, я еще не рѣшилъ вопроса, что педагогичнѣе: полная невозмутимость, или нравственное негодованіе?

Будьте здоровы.

Искренно Васъ любящій

Влад. Соловьевъ.

5.

Дорогой Василій Васильевичъ!

Слово „участіе“ относилось къ тому факту, о которомъ я узналъ отъ Васъ самихъ, именно что Вы (зная Шперка и его отношеніе ко мнѣ) дали ему мою книгу для какихъ-то его надобностей, прежде чѣмъ сами ее прочли. Эту несомнѣнную обиду я рѣшилъ вчера предать забвенію, а если Вы это приняли за подозрѣніе Васъ въ прямомъ уговорѣ съ Шперкомъ противъ меня, то даю Вамъ слово, что такого подозрѣнія я не имѣлъ и не имѣю, и прошу у Васъ извиненія, что невольно—вѣроятно, неясностью своего письма—ввелъ Васъ въ эту ошибку и причинилъ Вамъ огорченіе.

Я рѣшительно не желаю мѣнять своихъ отношеній къ Вамъ, и, слѣдовательно, все дальнѣйшее вполнѣ зависитъ отъ Васъ одного.

Искренно Васъ любящій

Влад. Соловьевъ.

6.

Дорогой Василій Васильевичъ, посылайте свою статью о Леонтьевѣ въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“, Цертелевъ предувѣдомленъ и согласенъ. Съ Ухтомскимъ вожусь, но еще ничего не опредѣлилось.

Ни „Теократіи“, ни оттисковъ еще не могъ добыть.

„И остави намъ долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ“.

Влад. Соловьевъ.

7.

Дорогой мой Василій Васильевичъ!

Не только я вѣрю, что мы братья по духу, но и нахожу оправданіе этой вѣры въ словахъ Вашей надписи относительно signum Царствія Божія. Кто одинаково знаетъ по опыту и одинаково понимаетъ и оцѣниваетъ эти знаки, залоги или предваренія Царства Божія тѣ, конечно, братья по духу и ничто не возможетъ раздѣлить ихъ.

Книга Ваша будетъ для меня теперь желанною пищей; какъ слѣдуетъ, я ее еще не читалъ. Къ исполненію порученій Вашихъ приступилъ. О результатахъ передамъ лично.

Статья о Г—тѣ очень интересна; жаль, что ее неудобно напечатать.

Будьте здоровы, голубчикъ.

Вашъ искренно

Влад. Соловьевъ.

8.

Царское Село, 17 ноября 1895.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ!

По чрезмѣрной разсѣянности въ житейскихъ дѣлахъ я забылъ названіе Вашей улицы и номеръ дома, а бумажка, на которой записалъ ихъ Шперкъ, потерялась, разумѣется, еще раньше. Передъ бѣгствомъ своимъ въ Царское Село хотѣлъ справиться въ Контролѣ, но не успѣлъ. Теперь пользуюсь свободной минутой, чтобы Васъ достать черезъ Контроль.

Кромѣ желанія продолжать знакомство, имѣю еще маленькое дѣло.

Въ извѣстномъ Вамъ „Словарѣ“ чередъ дошелъ до *Леонтьева*. Лично я съ величайшимъ удовольствіемъ предложилъ бы написать о немъ Вамъ. Но увѣренъ, что это не было бы принято ни Вами, ни главною редакціей „Словаря“. Нѣкоторая нетерпимость этой послѣдней обнаружилась для меня по поводу *Декарта*. Я предложилъ двухъ лицъ, несомнѣнно, наиболѣе компетентныхъ въ Россіи: Страхова и Любимова, но оба были отвергнуты. Страховъ, конечно, и самъ бы отказался. Думаю, что въ настоящемъ случаѣ Вы тоже не взялись бы написать статью о Леонтьевѣ, удобную для „Словаря“, и при томъ „Словаря“ болѣе или менѣе западническаго. Отдать нашего милаго покойника на растерзаніе людямъ, его не знавшимъ и предубѣжденнымъ, было бы нехорошо. Итакъ, приходится написать мнѣ самому. Но при этомъ нуждаюсь въ Вашей помощи, во-первыхъ, для установленія точной біографической рамы, во вторыхъ, для пересмотра его книгъ, которыхъ при

*

себѣ не имѣю, и, въ-третьихъ, для литературы. Итакъ, не будете ли добры написать мнѣ, въ какой изъ двухъ вечеровъ на будущей недѣлѣ: четвергъ (23-го), или суббота (25-го) лучше мнѣ къ Вамъ пріѣхать? Адресуйте: *Царское Село*, *Церковная* улица (*уголъ Московской*), *домъ Мердера*. Отправьте заказнымъ. Пренебреженіе къ учрежденію заказныхъ писемъ несовмѣстимо ни съ покорностью Провидѣнію, ни съ уваженіемъ къ власти государственной. Если Провидѣніе многократно являло намъ примѣры почтовой неисправности, то, очевидно, затѣмъ, чтобы мы принимали доступныя намъ мѣры предосторожности, не утруждая высшія силы требованіемъ помощи сверхъестественной. Съ другой стороны, если мудрое правительство учредило и поддерживаетъ институтъ заказныхъ писемъ, то значитъ, онъ необходимъ, а такъ какъ въ законѣ не указаны случаи его примѣненія, то значитъ, мы должны считать его необходимымъ во всѣхъ случаяхъ. Между людьми смиренными и людьми гордыми существуетъ вообще то различіе, что первые отправляютъ письма заказныя, а вторые отправляютъ письма, не доходящія по назначенію.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

9.

Спасибо, дорогой Василій Васильевичъ, за доброе письмо, или, вѣрнѣе, письма. Множество писанія для печати помѣшало мнѣ отвѣтить на предыдущее письмо и поблагодарить за приложенные къ нему матерьялы о Леонтьевѣ,—да и теперь могу написать только нѣсколько словъ. Искренно желаю Вамъ и семьѣ Вашей всего лучшаго въ новомъ году.

Очень жаль Страхова и даже что-то жутко. Не найдете ли возможнымъ внушить ему,—такъ какъ противъ Васъ онъ ничего не имѣетъ,—мысль о „христіанской кончинѣ живота“, для чего потребуется, между прочимъ, и примиреніе душевное со всѣми ненавидимыми имъ, отъ нихъ же первый есмь азъ. *Раньше этого* непосредственное мое обращеніе къ нему было бы нецѣлесообразно и даже опасно.

Статья о Леонтьевѣ должна быть готова 7-го января. Около этого времени я заѣду къ Вамъ, извѣстивши телеграммою, чтобы прочесть. Тогда поговоримъ и объ Ухтомскомъ.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

10.

Царское Село, 5 апрѣля 1896 г.

Завтра пятницу десятомъ часу вечера буду у Васъ.

Соловьевъ.

11.

Царское Село, 2 мая 1896 г.

Циркуляръ дѣйствительно существуетъ; совѣтую обратиться къ Суворину, разсказать положеніе и взять подъ будущія статьи. Завтра письмомъ. На дняхъ побываю. Придумаемъ что-нибудь.

Соловьевъ.

Письмо къ К. Н. Леонтьеву.

1.

Очень радъ, дорогой Константинъ Николаевичъ, что Розановъ пишетъ про Васъ: насколько могу судить по одной прочтенной брошюрѣ, онъ человѣкъ способный и мыслящій.

Если позволятъ разныя дѣла, связанныя съ народнымъ голодомъ, я окончу интересующую Васъ статью къ 15-му ноября, такъ что наклейки, пожалуй, опоздаютъ. Но это не существенно. Будьте здоровы.

Душевно Васъ любящій

Влад. Соловьевъ.

Письма къ Е. К. Селевиной.[1])

Предлагаемыя письма Владиміра Сергѣевича Соловьева писаны имъ къ Екатеринѣ Владиміровнѣ Селевиной, рожденной Романовой, его двоюродной сестрѣ по матери. Переписка относится къ юношескому періоду жизни Владиміра Соловьева; ему было 19, адресаткѣ же только 15 лѣтъ, когда началось это, вначалѣ чисто дружеское, родственное общеніе. Какъ видно изъ писемъ, дружескія отношенія молодыхъ людей скоро пріобрѣтаютъ болѣе горячій характеръ, и въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ Соловьевъ считалъ себя женихомъ Екатерины Владиміровны. Родители Соловьева не желали этого брака, и главнымъ возраженіемъ былъ крайне юный возрастъ сына и очень близкое родство съ невѣстой.

Это нежеланіе дальнѣйшаго сближенія между молодыми людьми и было причиной, почему мать философа одно время отклонила отъ себя предложеніе стать попечительницей своей племянницы.

Въ 1875 г. Е. В. отказалась отъ мысли о бракѣ съ Соловьевымъ, о чемъ ему и сообщила. Этотъ разрывъ не мѣшалъ Соловьеву до конца жизни относиться дружески къ своей кузинѣ.

Соловьевъ придавалъ значеніе этимъ письмамъ и спрашивалъ, цѣлы-ли они.

---

[1]) Напечатаны въ майской книжкѣ „Русской Мысли“ за 1910 г. *Прим. ред.*

1.

Москва, 12 октября 1871 г.

Вслѣдствіе твоей разсѣянности, мой другъ Катя, ты получишь мое письмо не изъ Москвы, а изъ Ѳедоровки: ты позабыла написать мнѣ свой адресъ, такъ что я долженъ посылать тебѣ письмо черезъ бабушку.

Нерадостное извѣстіе сообщаешь ты про В., я былъ увѣренъ, что тамъ у нихъ уже все кончено Это дѣйствительно ужасно, если бѣдная В. будетъ опять такъ безсовѣстно обманута этимъ господиномъ, который играетъ ея судьбою. И я долженъ смотрѣть на это со стороны и не быть въ состояніи ничего, ничего для нея сдѣлать.

Но къ чорту меня!

Ты пишешь, мой другъ, что хочешь побольше заниматься эту зиму. Пожалуйста, только (возвращаю тебѣ твой совѣтъ) занимайся не слишкомъ усидчиво и, ради Бога, не естественными науками: это знаніе само по себѣ совершенно пустое и призрачное. Достойны изученія сами по себѣ только *человѣческая* природа и жизнь, а ихъ всего лучше можно узнать въ истинныхъ поэтическихъ произведеніяхъ; поэтому — совѣтую тебѣ читай по возможности великихъ поэтовъ. Какъ средство — учись англійскому языку и доучивайся нѣмецкому. При твоемъ постоянствѣ и трудолюбіи ты ими скоро овладѣешь.

Весною, если будетъ какая-нибудь возможность, я постараюсь быть въ Кіевѣ и увидѣться съ тобою.

Прощай, моя дорогая! Цѣлую тебя, тетю и Поликсену.
Пиши мнѣ, пожалуйста, и не забудь своего адреса.

Вл. Соловьевъ.

Что ты ничего не пишешь о здоровьѣ твоей мамы?

2.

Москва, 21 декабря 1871 г.

Не умѣю выразить, мой милый другъ Катя, какъ много хорошаго возбуждаетъ во мнѣ твое дорогое участіе; постараюсь быть хоть сколько-нибудь достойнымъ его. Мнѣ становится стыдно за себя при мысли, что ты меня утѣшаешь и ободряешь, тогда какъ твоя жизнь въ тысячу разъ тяжелѣе моей: не говоря уже о болѣзни твоей матери, я знаю, что нѣтъ ничего хуже этой постоянной неволи внѣшней мелочной жизни для того, кто, какъ ты, стремится къ другому, лучшему. Но меня утѣшаетъ твердая увѣренность, что у тебя есть другая, внутренняя жизнь, недоступная ни для какихъ внѣшнихъ мелочей; каково бы ни было твое внѣшнее положеніе, ты всегда сохранишь внутреннюю нравственную силу, которая дѣлаетъ тебя свободной и которой ничто внѣшнее у тебя не отниметъ. Можетъ быть, даже хорошо, что эта внѣшняя жизнь сложилась для тебя такъ неутѣшительно; потому что къ этой жизни вполнѣ примѣняется мудрое изреченіе: *чѣмъ хуже, тѣмъ лучше*. Радость и наслажденіе въ ней опасны, потому что призрачны; несчастіе и горе—часто являются единственнымъ спасеніемъ. Уже скоро 2 тысячи лѣтъ, какъ люди это знаютъ, и между тѣмъ не перестаютъ гоняться за счастіемъ, какъ малыя дѣти. Не будемъ хоть мы съ тобой малыми дѣтьми въ этомъ отношеніи, моя дорогая. — Пиши мнѣ, мой другъ, все что думаешь и чувствуешь, и будь увѣрена въ моемъ искреннемъ, сердечномъ участіи. Ты очень ошибаешься, если думаешь, что я весь погрузился въ свою *дурь*, какъ ты совершенно вѣрно называешь мой глупый романъ; мнѣ эта дурь уже давно ни въ чемъ не мѣшаетъ, а теперь она почти и совсѣмъ прошла,—развѣ только иногда въ безсонныя ночи возвращается воспоминаніе.

Всеволодъ, кажется, считаетъ тебя совсѣмъ за маленькую дѣвочку: тѣ книги, про которыя ты пишешь, никакой особенной подготовки не требуютъ и вовсе не „слишкомъ серьезны“; напротивъ, если судить строго, то *не вполнѣ* серьезны. Впрочемъ, я думаю, онѣ могутъ принести нѣкоторую пользу; поэтому, если случится, то прочти. Прими только за общее правило: никогда не подчиняться книжному авторитету; поэтому, если ты прочтешь что нибудь даже строго доказанное, но съ чѣмъ твое внутреннее убѣжденіе несогласно, то вѣрь себѣ больше, чѣмъ всякой книгѣ; потому что въ серьезныхъ вопросахъ внутреннее бездоказательное и безсознательное убѣжденіе есть голосъ Божій.

Прощай моя милая, дорогая, крѣпко обнимаетъ тебя

Твой другъ навсегда

Вл. Соловьевъ.

Душевно благодаренъ за карточку, — какъ только снимусь, пришлю свою.

3.

27 января 1872 г.

Я много думалъ о тебѣ, моя милая Катя, по поводу твоего послѣдняго письма. Я не стану пока ничего говорить о томъ, что ты собственно разумѣешь подъ той второй дорогой, по которой ты рѣшилась итти; какъ ты *теперь* ее разумѣешь—это все равно. Важно то, что ты отказалась отъ первой, обыкновенной дороги, то-есть отказалась отъ того, что составляетъ всю жизнь для большинства людей—жизнь эгоизма, личныхъ интересовъ, съ глупымъ призракомъ счастья какъ послѣднею цѣлью. Ты поняла, что это—ложь и зло, что эта жизнь есть смерть. И ты не только это поняла, но твердо рѣшилась избавиться отъ этой лжи и зла. Такимъ рѣшеніемъ ты уже сдѣлала первый самый трудный и важный шагъ къ избавленію. Но много еще остается впереди.

Если то, что считается дѣйствительною жизнью, есть ложь, то должна быть другая, *истинная* жизнь. Зачатокъ этой истинной жизни есть въ насъ самихъ, потому что еслибъ его не было, то мы удовлетворились бы окружающей насъ ложью и не искали бы ничего лучшаго. Какъ если бы мы всегда были въ полной темнотѣ и ничего не знали о свѣтѣ, то мы не жаловались бы на темноту и не искали бы свѣта. Истинная жизнь въ насъ есть, но она подавлена, искажена нашей ограниченною личностью, нашимъ эгоизмомъ. Должно познать эту истинную жизнь, какова она сама въ себѣ, въ своей чистотѣ, и какими средствами можно ея достигнуть. Все это было уже давно открыто человѣчеству *истиннымъ* христіанствомъ, но само христіанство въ своей исторіи испытало вліяніе той ложной жизни,—того зла, которое оно должно было уничтожить; и эта ложь такъ затемнила, такъ закрыла хри-

стіанство, что въ настоящее время одинаково трудно понять истину въ христіанствѣ, какъ и дойти до этой истины прямо самому.

Но кто твердо отрекся отъ лжи, тотъ навѣрно дойдетъ и до истины. Ты сдѣлала этотъ первый тяжелый шагъ, и я вполнѣ увѣренъ, что ты сама достигнешь цѣли, хотя [1]) много всякой дряни предстоитъ тебѣ пройти; но вѣдь и другая дорога не розами усыпана,— вездѣ одно страданіе. Только по настоящей дорогѣ это страданіе искупляетъ и ведетъ къ истинѣ, а страданіе ложной жизни безплодно и безсмысленно.

Прощай, моя дорогая, съ истинной любовью твой

Вл. Соловьевъ.

---

[1]) Зачеркнуто три строки.

4.

Москва, 7 марта 1872 г.

Ты, вѣроятно, не получила, дорогая Катя, моего послѣдняго письма: я адресовалъ его въ Кіевъ, не зная, что ты оттуда уже уѣхала. Послѣ того я нѣсколько разъ собирался писать, но днемъ мѣшали занятія, а по ночамъ—хандра, вслѣдствіе извѣстія о замужествѣ В. На меня сверхъ ожиданія это извѣстіе произвело довольно сильное дѣйствіе, впрочемъ, непродолжительное: теперь уже почти совсѣмъ прошло, и надо надѣяться—навсегда.

Душевно радуюсь за тебя, мой другъ, что наконецъ ты свободна располагать собою. А въ тебѣ самой я совершенно увѣренъ и увѣренъ, что ты дойдешь до цѣли, хотя сама эта цѣль будетъ еще являться тебѣ въ различныхъ видахъ, оставаясь внутренно одной и той же. Я не удивляюсь, что тебя теперь всего болѣе привлекаютъ реальныя науки: съ этого и нужно начинать. Потомъ ты перейдешь къ другому, потому что наука не можетъ быть послѣднею цѣлью жизни. Высшая, истинная цѣль жизни другая — нравственная (или религіозная), для которой и наука служитъ однимъ изъ средствъ. Впрочемъ, объ этомъ лучше будетъ поговорить при свиданіи; также и о „подчиненности“ женщинъ, о чемъ пришлось бы спорить, а это въ письмахъ неудобно. Увидѣться же я надѣюсь съ тобою до Святой въ Харьковѣ, откуда поѣду въ Ѳедоровку дней на 10 подышать немного чистымъ воздухомъ, а то въ Москвѣ начало весны для меня невыносимо. Если ничто не помѣшаетъ,—какъ только окончу свои теперешнія занятія, такъ и отправлюсь.

Почему тебѣ жаль В.? Я, напротивъ, надѣюсь, что теперь изъ нея выйдетъ отличная женщина—„вѣрная супруга и добродѣтельная мать“; вѣдь говорятъ, и Е. до замужества была такой же

вѣтреной и непостоянной, какъ она. У В. главный недостатокъ былъ—притворство, стремленіе казаться тѣмъ, чѣмъ она быть не могла; но теперь, когда ея положеніе совершенно опредѣлилось, ей притворяться незачѣмъ, и это стремленіе должно исчезнуть.

Прощай, мой милый другъ, надѣюсь до скораго свиданія.

Твой Вл. Соловьевъ.

Завтра пойду сниматься, не успѣлъ до сихъ поръ.

5.

Москва, 26 марта 1872.

Послѣ *трехмѣсячнаго* молчанія наконецъ получаю твое письмо, дорогая Катя,—письмо отъ 19 марта: прежняго же, о которомъ ты говоришь, я не получалъ и потому не считалъ возможнымъ тебѣ писать, имѣя въ виду извѣстныя обвиненія; но такъ какъ ты не придаешь имъ никакого значенія, то я очень радъ, что могу опять говорить съ тобою.

Что такое ты пишешь: „кажется, я ни въ чемъ не виновата“ и т. д., „грустно было разубѣдиться“ и т. д. Не знаю, зачѣмъ ты это пишешь, не знаю, почему ты не хочешь понять самой простой вещи. Во всякомъ случаѣ, если ты еще сомнѣваешься въ постоянствѣ моей дружбы, то я считаю безполезнымъ тебя въ ней увѣрять: не божиться же въ самомъ дѣлѣ!

Если же это съ твоей стороны только manière de parler, то, пожалуйста, оставь ее и будь искренна. Гораздо было бы лучше, моя дорогая, если бы вмѣсто „жалкихъ словъ“ ты побольше мнѣ написала о себѣ и о нашихъ общихъ родныхъ.

Что ты теперь дѣлаешь, чѣмъ занимаешься? Мнѣ сдается (къ большому моему удовольствію), что твое стремленіе къ „наукѣ“ значительно охладѣло. Ma foi! und es ist gut! Я того мнѣнія, что *изучать* пустые призраки внѣшнихъ явленій—еще глупѣе, чѣмъ *жить* пустыми призраками. Но главное дѣло въ томъ, что эта „наука“ не можетъ достигнуть своей цѣли. Люди смотрятъ въ микроскопы, рѣжутъ несчастныхъ животныхъ, кипятятъ какую-нибудь дрянь въ химическихъ ретортахъ и воображаютъ, что они изучаютъ *природу*! Этимъ ослamъ нужно бы на лбу написать:

Природа съ красоты своей
Покрова снять не позволяетъ,
И ты машинами не вынудишь у ней,
Чего твой духъ не угадаетъ.

Вмѣсто живой природы они цѣлуются съ ея мертвыми скелетами. Объ этомъ и о многомъ другомъ поговоримъ при свиданіи, ибо я надѣюсь (или мечтаю) увидѣться съ тобою въ концѣ мая, когда я окончу экзамены и буду совсѣмъ вольной птицей. Пока обнимаю тебя воображеніемъ.

Твой всегда Вл. Соловьевъ.

6.

Москва, 8 іюля 1872 г.

Ты пишешь мнѣ, дорогая Катя, что мама *отказалась* быть твоей попечительницей. Объ *отказѣ* я ничего не знаю. Насколько мнѣ извѣстно, мама только писала бабушкѣ, что, по ея мнѣнію, *для тебя гораздо лучше* оставаться въ Харьковѣ. Тебя это не можетъ удивлять, такъ какъ ты знаешь, что таково общее мнѣніе всѣхъ твоихъ родныхъ (кромѣ меня); ты знаешь, что они считаютъ твое желаніе учиться фантазіей, которая можетъ только принести тебѣ вредъ и испортить твою жизнь, и поэтому *изъ любви къ тебѣ* стараются отклонить тебя отъ такого пагубнаго намѣренія. Точно то же и мама. Когда она узнала тогда о твоемъ намѣреніи переѣзжать въ Петербургъ, то пришла въ ужасъ и говорила, что уже лучше тебѣ жить въ Москвѣ, но что самое лучшее— это оставаться въ Харьковѣ. И теперь она не даетъ прямого согласія на твою просьбу единственно потому, что думаетъ этимъ побудить тебя остаться въ Харьковѣ, такъ какъ она не вѣритъ въ твою окончательную рѣшимость во что бы то ни стало исполнить твое намѣреніе. Но когда окажется, что это дѣло уже рѣшенное, что ты окончательно разсталась съ твоей теткой, и когда ты пріѣдешь въ Москву, то можешь быть увѣрена, что мама согласится быть твоей попечительницей, такъ какъ собственно противъ попечительства она ничего не имѣетъ и имѣть не можетъ. Мама боится только своимъ согласіемъ содѣйствовать исполненію твоихъ вредныхъ *для тебя*, по ея мнѣнію, плановъ; но когда она убѣдится, что и помимо ея согласія ты рѣшилась ихъ исполнить, то она не будетъ имѣть никакой причины для отказа и не откажетъ, могу тебя въ этомъ увѣрить. Поэтому, моя дорогая, будь спокойна и въ половинѣ августа пріѣзжай въ Москву, гдѣ можешь остановиться пока у насъ въ Не-

скучномъ (ты можешь это сдѣлать, какъ я навѣрно знаю, и не имѣя еще попечительницы; ты должна только имѣть свои бумаги, которыя, вѣроятно, уже у тебя находятся—именно выписку изъ твоего метрическаго свидѣтельства и еще что-то отъ опеки). Если же ты не хочешь пріѣзжать въ Москву, не имѣя уже готоваго попечителя, то можешь назначить кого-нибудь номинально, чтобы по пріѣздѣ перемѣнить его на маму. Если ты не имѣешь въ виду никого, то я тебѣ могу указать нѣсколькихъ, которые согласятся. Обо всемъ этомъ напиши мнѣ свои намѣренія.

Что касается до меня, то исполнить твоего совѣта относительно Кавказа я не могу никакъ: ты знаешь, что весной я долженъ держать экзаменъ на кандидата, т. е. за всѣ четыре курса; поэтому мнѣ время дорого. Если бы и поѣхалъ куда-нибудь, то, конечно, не на Кавказъ, а въ Ѳедоровку, но и этого сдѣлать не могу, несмотря на все желаніе. О здоровьи моемъ, пожалуйста, не безпокойся: оно будетъ совершенно хорошо, когда я буду спокоенъ, т.-е. когда устроится *твое* дѣло.

До свиданья, моя дорогая.

Весь твой Вл. Соловьевъ.

Поцѣлуй отъ меня Поликсену, бабушкамъ пишу особо.

7

Москва, 6 августа 1872 г.

Вотъ уже болѣе мѣсяца, моя дорогая Катя, не получаю я отъ тебя никакого извѣстія и ничего не знаю о твоихъ намѣреніяхъ. Не совѣстно тебѣ меня такъ мучить? Получила ли ты мое письмо съ карточкой отъ 8 іюля? На случай, если не получила, повторяю опять, что писалъ тогда: если ты пріѣдешь въ Москву, то мама *навѣрно* согласится быть твоей попечительницей. За это я тебѣ ручаюсь. Мама убѣждена, что *для тебя* гораздо лучше оставаться въ Харьковѣ, и думаетъ своимъ несогласіемъ на попечительство отклонить тебя отъ твоего намѣренія, такъ какъ она увѣрена, что ты еще не твердо рѣшилась его исполнить. Когда ты своимъ пріѣздомъ въ Москву убѣдишь ее на дѣлѣ въ противномъ, то у нея не будетъ никакой причины тебѣ отказать. Впрочемъ, я думаю, ты на нее сильно сердишься, но увѣряю тебя—напрасно. Она тебя искренно любитъ, и если ея взглядъ на это дѣло не согласенъ съ твоимъ и моимъ, то она въ этомъ не виновата.

Итакъ, пріѣзжай въ Москву. Видитъ Богъ, что я этого желаю *только для тебя*. Ты хочешь сойти съ общей широкой дороги; добрыя попечительницы твои, которыя знаютъ только эту дорогу, увѣрены, что, сойдя съ нея, ты заблудишься и погибнешь, но я знаю другую дорогу и знаю, что ты найдешь ее, хотя теперь еще и *не знаешь* ея. Одно твое стремленіе сойти съ ложной дороги служитъ вѣрнымъ залогомъ того, что ты найдешь путь, истину и жизнь.

Для большинства это пустыя, безсмысленныя слова, какъ для слѣпыхъ свѣтъ есть пустое, безсмысленное слово. Но я пишу тебѣ и знаю, что ты не сочтешь меня за фантазёра.

Я видѣлъ въ тебѣ божественную искру и знаю, что она погаснуть не можетъ; но современемъ, разгорѣвшись, можетъ сдѣ-

латься благотворнымъ свѣтомъ для многихъ среди того непроглядnаго мрака, который господствуетъ въ настоящее время.

Можетъ показаться, что я дѣлаю изъ мухи слона; но я остаюсь при своемъ сравненіи: большой огонь происходитъ изъ малой искры.

Прощай, моя дорогая, да благословитъ тебя Богъ.

Твой Вл. Соловьевъ.

Пиши Христа ради; да адресуй вѣрнѣе, а то твое послѣднее письмо (отъ 24-го іюня) было надписано въ Газетный переулокъ вмѣсто Денежнаго, и потому я получилъ его позднѣе, чѣмъ слѣдовало, а въ другой разъ могъ бы и совсѣмъ не получить.

Цѣлуй отъ меня всѣхъ. Бабушка навѣрно сердится на меня, что не отвѣчаетъ мнѣ.

8.

Москва, 25 ноября 1872 г.

Я получилъ, моя дорогая Катя, твое послѣднее письмо *отъ 25-го сентября*, и отвѣчалъ на него тотчасъ же. Затѣмъ я не имѣлъ отъ тебя никакихъ извѣстій, и самъ не писалъ тебѣ, не зная, гдѣ ты.

Вчера, наконецъ, получаю твою телеграмму, изъ которой могу заключить, что ты послѣднее время мнѣ писала и что теперь ты въ Ѳедоровкѣ.

Полагаю, нѣтъ надобности говорить, какъ меня твое участіе обрадовало и какъ оно мнѣ дорого. Напрасно только тебя, моя дорогая, такъ безпокоитъ это несчастное мое здоровье: даю тебѣ честное слово, что ни въ какомъ случаѣ не умру прежде времени. Вообще же не надобно заботиться о такихъ пустякахъ, которые, при томъ не отъ нашей воли зависятъ. Но если это тебя ужъ такъ интересуетъ, то сообщаю тебѣ, что мое драгоцѣнное здравіе находится въ состояніи вполнѣ удовлетворительномъ.

Не получая отъ тебя два мѣсяца извѣстій, я рѣшительно не имѣю никакого понятія о теперешнихъ твоихъ намѣреніяхъ. Если ты собираешься въ Москву, то бабушка тебѣ, конечно, сообщила условія того пансіона, о которомъ я тебѣ писалъ. Если же ты теперь въ Москву не ѣдешь (что̀ будетъ очень печально для мамы), то пиши мнѣ, по крайней мѣрѣ, подлиннѣе. Я боюсь, что ты по разсѣянности адресуешь не такъ: въ Москву, въ *Денежномъ* переулкѣ, домъ *Дворцовой конторы*.

Прощай, моя дорогая.

Твой Вл. Соловьевъ

Цѣлую всѣхъ.

9.

Москва, 16 декабря 1872 г.

Вотъ уже пятое письмо пишу я тебѣ, дорогая Катя, — пишу наугадъ, не зная дойдетъ ли. Что за невѣроятная разсѣянность — не написать своего адреса и себя, какъ кажется, мучить, и меня ставить въ невыносимое положеніе. Присылать телеграмму: *получилъ ли ты мое письмо?* (вопросъ предполагаетъ, что можетъ быть и не получилъ) *отвѣчай на него*. Но если я не получалъ твоего письма, на *что же* я буду отвѣчать и *куда?* Совершенно для меня непостижимо, какимъ образомъ могло дойти ко мнѣ и послѣднее твое письмо, адресованное Богъ знаетъ куда. И опять: пиши сейчасъ же, а куда неизвѣстно. — Я уже двадцать разъ требовалъ твоего адреса и отъ бабушки, и отъ Поликсены, и ни отъ кого ни слова. Если еще недѣлю не получу отъ тебя письма съ адресомъ, то я пріѣду въ Е.

Живу въ Денежномъ переулкѣ, Денежномъ, Денежномъ. Денежномъ.

[Безъ подписи.]

10.

Москва, 27 декабря 1872 г., *шестое* письмо въ этомъ мѣсяцѣ.

Наконецъ получилъ я, дорогая Катя, твой адресъ отъ Поликсены и могу писать тебѣ съ надеждой, что письмо дойдетъ. А то я уже серьезно собирался ѣхать въ Елисаветградъ: въ такое невыносимое положеніе поставило меня твое послѣднее письмо; вижу изъ него, что тебя сильно безпокоитъ мое невольное молчаніе, и ничего не могу сдѣлать изъ-за этого проклятаго адреса.

Благодарю тебя, мой другъ, за то, что ты, по крайней мѣрѣ, не приписала мое молчанія тому, что я сержусь на твой непріѣздъ въ Москву, и это было бы въ самомъ дѣлѣ мило съ моей стороны. Къ тому же, если я и полагалъ, что въ извѣстномъ отношеніи тебѣ всего лучше жить въ Москвѣ, то въ другихъ отношеніяхъ это было бы все же неудобно, хотя я, впрочемъ, не знаю, на какія собственно причины ты намекаешь. Во всякомъ случаѣ я очень радъ, что ты поселилась въ Елисаветградѣ, а не въ Харьковѣ. Общество елисаветградское по всей вѣроятности ничѣмъ инымъ не занимается, кромѣ дѣлъ и увеселеній житейскихъ, что по крайней мѣрѣ, совершенно безвредно; тогда какъ въ Харьковѣ, какъ и въ другихъ университетскихъ провинціальныхъ городахъ, непремѣнно есть классъ пустыхъ головъ, имѣющихъ притязаніе быть мыслящими и безсмысленно повторяющихъ разныя ходячія фразы, что можетъ производить впечатлѣніе на юные умы. Но объ этомъ поговоримъ послѣ. Теперь же я въ дурномъ духѣ.

Всѣхъ цѣлую и поздравляю съ Новымъ годомъ.

Князю собираюсь писать, очень поздравь отъ меня Вѣру.

Твой Вл. Соловьевъ.

11.

Москва, 31 декабря 1872 г.

Дорогая моя Катя, собираюсь сегодня много говорить съ тобою и сначала о самомъ важномъ. Меня очень радуетъ твое серьезное отношеніе къ величайшему (по-моему единственному) вопросу жизни и знанія—вопросу о религіи. Относительно этого твое теперешнее заблужденіе (какъ и почти всѣхъ—заблужденіе неизбѣжное сначала) состоитъ въ томъ, что ты смѣшиваешь вѣру вообще съ однимъ изъ ея видовъ—съ вѣрой дѣтской, слѣпой, безсознательной, и думаешь, что другой вѣры нѣтъ. Конечно, не много нужно ума, чтобы отвергнуть эту вѣру—я ее отрицалъ въ 13 лѣтъ—конечно, человѣкъ сколько-нибудь разсуждающій уже не можетъ вѣрить такъ, какъ онъ вѣрилъ, будучи ребенкомъ; и если это человѣкъ съ умомъ поверхностнымъ или ограниченнымъ, то онъ такъ и останавливается на этомъ легкомъ отрицаніи своей дѣтской вѣры въ полной увѣренности, что сказки его нянекъ или школьныя фразы катехизиса составляютъ настоящую религію, настоящее христіанство. Съ другой стороны, мы знаемъ, что всѣ великіе мыслители—слава человѣчества—были истинно и глубоко вѣрующими (атеистами же были только пустые болтуны въ родѣ французскихъ энциклопедистовъ или современныхъ Бюхнеровъ и Фохтовъ, которые не произвели ни одной самобытной мысли). Извѣстны слова Бэкона, основателя положительной науки: немножко ума, немножко философіи удаляютъ отъ Бога, побольше ума, побольше философіи опять приводятъ къ Нему. И хотя Богъ одинъ и тотъ же, но безъ сомнѣнія та вѣра, къ которой приводитъ много философіи, есть уже не та, отъ которой удаляетъ немножко ума. Не мудрено догадаться, что вѣра христіанина сознательнаго и мыслящаго отличается чѣмъ-нибудь отъ вѣры дере-

венской старухи, хотя предметъ вѣры тотъ же и оба они могутъ быть настоящими христіанами; и само внутреннее чувство вѣры у нихъ одинаково; но разница въ томъ, что деревенская старуха или вовсе не думаетъ о томъ, во что вѣритъ, или если думаетъ, то въ такихъ представленіяхъ, которыя соотвѣтствуютъ ея умственному состоянію; христіанинъ же сознательный, разумно понимая ученіе христіанства, находитъ въ немъ разрѣшеніе для всѣхъ высшихъ вопросовъ знанія—такое богатство и глубину мысли, передъ которой жалки всѣ измышленія ума человѣческаго; но для него очевидно, что не онъ самъ вкладываетъ этотъ глубокій смыслъ въ христіанство, потому что онъ ясно сознаетъ совершенное ничтожество и безсиліе своего ума, своей мысли передъ величіемъ и силой мысли божественной. Теперь я не стану объяснять тебѣ, въ чемъ заключается это божественное содержаніе христіанской идеи; для того, чтобы это было доступно, нужно уже совершить тотъ ходъ внутренняго развитія, который ты только еще начинаешь—дай Богъ тебѣ его кончить такъ, какъ я надѣюсь! Теперь же позволь разсказать тебѣ, какъ человѣкъ становиться сознательнымъ христіаниномъ.

Въ дѣтствѣ всякій принимаетъ уже готовыя вѣрованія и вѣритъ, конечно, на слово; но и для такой вѣры необходимо если не пониманіе, то нѣкоторое представленіе о предметахъ вѣры, и дѣйствительно ребенокъ составляетъ себѣ такія представленія, болѣе или менѣе нелѣпыя, свыкается съ ними и считаетъ ихъ неприкосновенною святынею. Многіе (въ былыя времена почти всѣ) съ этими представленіями остаются навсегда и живутъ хорошими людьми. У другихъ умъ съ годами растетъ и перерастаетъ ихъ дѣтскія вѣрованія. Сначала со страхомъ, потомъ съ самодовольствомъ одно вѣрованіе за другимъ подвергается сомнѣнію, критикуется полудѣтскимъ разсудкомъ, оказывается нелѣпымъ и отвергается. Что касается до меня лично, то я въ этомъ возрастѣ не только сомнѣвался и отрицалъ свои прежнія вѣрованія, но и ненавидѣлъ ихъ ото всего сердца,—совѣстно вспоминать, какія глупѣйшія кощунства я тогда говорилъ и дѣлалъ.—Къ концу исторіи всѣ вѣрованія отвергнуты и юный умъ свободенъ вполнѣ. Многіе останавливаются на такой свободѣ ото всякаго убѣжденія и даже очень ею гордятся; впослѣдствіи они обыкновенно становятся практическими людьми или мошенниками. Тѣ же, кто не способенъ къ такой участи, стараются создать новую систему убѣжденій на мѣсто разрушенной, замѣнить вѣрованія разумнымъ

знаніемъ. И вотъ они обращаются къ положительной наукѣ, но эта наука не можетъ основать разумныхъ убѣжденій, потому что она знаетъ только внѣшнюю дѣйствительность, одни факты и больше ничего; истинный смыслъ факта, разумное объясненіе природы и человѣка—этого наука дать отказывается. Нѣкоторые обращаются къ отвлеченной философіи, но философія остается въ области логической мысли, дѣйствительность, жизнь для нея не существуетъ; а настоящее убѣжденіе человѣка должно вѣдь быть не отвлеченнымъ, а живымъ, не въ одномъ разсудкѣ, но во всемъ его духовномъ существѣ, должно господствовать надъ его жизнію и заключать въ себѣ не одинъ идеальный міръ понятій, но и міръ дѣйствительный. Такого живого убѣжденія ни наука, ни философія дать не могутъ. Гдѣ же искать его? И вотъ приходитъ страшное, отчаянное состояніе—мнѣ и теперь вспомнить тяжело—совершенная пустота внутри, тьма, смерть при жизни. Все, что можетъ дать отвлеченный разумъ, извѣдано и оказалось негоднымъ, и самъ разумъ разумно доказалъ свою несостоятельность. Но этотъ мракъ есть начало свѣта; потому что когда человѣкъ принужденъ сказать: я ничто—онъ этимъ самымъ говоритъ: Богъ есть все. И тутъ онъ познаетъ Бога—не дѣтское представленіе прежняго времени и не отвлеченное понятіе разсудка, а Бога дѣйствительнаго и живого, который „недалеко отъ каждаго изъ насъ, ибо мы имъ живемъ и движемся и существуемъ“. Тогда-то всѣ вопросы, которые разумъ ставилъ, но не могъ разрѣшить, находятъ себѣ отвѣтъ въ глубокихъ тайнахъ христіанскаго ученія, и человѣкъ вѣруетъ въ Христа уже не потому только, что въ Немъ получаютъ свое удовлетвореніе всѣ потребности сердца, но и потому, что имъ разрѣшаются всѣ задачи ума, всѣ требованія знанія. Вѣра слуха замѣняется вѣрой разума; какъ самаряне въ Евангеліи: „уже не по твоимъ рѣчамъ вѣруемъ, но сами поняли и узнали, что онъ истинный спаситель міра, Христосъ“.

И такъ ты видишь, что человѣкъ относительно религіи при правильномъ развитіи проходитъ три возраста: сначала пора дѣтской или слѣпой вѣры, затѣмъ вторая пора—развитіе разсудка и отрицаніе слѣпой вѣры, наконецъ, послѣдняя пора вѣры сознательной, основанной на развитіи разума. Ты теперь находишься во второмъ возрастѣ; дай Богъ, чтобы дошла до третьяго.

А пока—перейдемъ къ дѣламъ житейскимъ. Твой отказъ кн. Дадіани меня очень опечалилъ; конечно, я не могу судить объ этомъ дѣлѣ за 1,000 верстъ, ничего хорошенько не зная; но мнѣ

сильно сдается, что тебѣ лучше было бы принять предложеніе. Если онъ хорошій человѣкъ, то при богатствѣ и значеніи ты чрезъ него или вмѣстѣ съ нимъ могла бы сдѣлать очень много добраго, чего не можешь сдѣлать одна. Во всякомъ случаѣ причины отказа, которыя ты пишешь, совсѣмъ плохи. „Я его не настолько люблю“ etc. Мнѣ очень жаль, если ты вѣришь скверной баснѣ, выдуманной скверными писаками скверныхъ романовъ въ нашъ скверный вѣкъ—баснѣ о какой-то особенной, сверхъестественной любви, долженствующей соединять два сердца для обоюднаго блаженства, безъ чего будто бы непозволительно и вступать въ законный бракъ, тогда какъ, напротивъ, настоящій бракъ долженъ быть не средствомъ къ наслажденію или счастью, а подвигомъ и самопожертвованіемъ. А что тебѣ якобы не нравится семейная жизнь,—то развѣ нужно дѣлать только то, что тебѣ нравится или что ты любишь?

Итакъ, если дѣло еще не кончено совсѣмъ, то ради Бога подумай объ этомъ хорошенько.

Если у тебя нѣтъ никакихъ другихъ, болѣе уважительныхъ причинъ и если мой совѣтъ для тебя что-нибудь значитъ, то я тебѣ рѣшительно и настоятельно совѣтую: прими предложеніе кн. Дадіани. Если тебѣ этотъ совѣтъ не понравится, то, по крайней мѣрѣ, ты должна признать, что онъ совершенно безпристрастенъ.

О приличіяхъ и ихъ нарушеніи ты разсуждаешь довольно странно. Если всѣ они совершенно ничтожны (какъ это несомнѣнно), то зачѣмъ же нарушать ихъ, бороться съ ними какъ будто съ чѣмъ-то важнымъ, зачѣмъ выказывать свою силу на мелочахъ,—этимъ можетъ выказываться только мелочность и ребячество. Неужели ты думаешь, что такое великое дѣло, какъ свобода убѣжденій, можетъ имѣть какое-нибудь отношеніе къ такому вздору, какъ приличія?

Еще непріятнѣе былъ мнѣ тотъ враждебный и чуть не свирѣпый тонъ, съ которымъ ты говоришь о своихъ родныхъ. Если въ тебѣ мало любви и кротости (чего я, впрочемъ, не думаю), то это очень печально и гордиться тутъ нечѣмъ. Хотѣлъ я тебѣ писать еще о многомъ, но всему есть мѣра, поэтому до другого раза.

Если ты не выйдешь замужъ за Дадіани, что будетъ очень жаль; я, конечно, пріѣду лѣтомъ въ Ѳедоровку, если позволено будетъ; что же касается до Вѣнской выставки, то merci beaucoup! Когда у насъ этимъ лѣтомъ въ Москвѣ была политехническая

выставка, я на ней ни разу не былъ, а то еще ѣхать въ Вѣну. Я вообще смертельный врагъ этихъ выставокъ, на которыхъ проклятая западная цивилизація любуется сама на себя. Притомъ, что за фантазія ѣхать вдвоемъ въ Вѣну! Если ты желаешь всячески себя компрометировать, то, конечно, не я тебѣ буду въ этомъ помогать. А еще писала мнѣ объ осторожности! Впрочемъ, я надѣюсь, что весь этотъ вздоръ. все это самоувѣренное ребячество пройдетъ въ тебѣ скоро и безвредно.

Прощай, твой всегда Вл. Соловьевъ.

Ты пишешь о Скляревичѣ; поклонись ему отъ меня; я видѣлъ его одинъ день у Шафонскихъ, и онъ мнѣ очень понравился. Что касается до его атеизма, то это иногда случается съ хорошими людьми, или отъ того, что мало думали объ этомъ, или же отъ духа времени, или отъ другихъ внѣшнихъ причинъ. Ты при случаѣ пожми его на этомъ предметѣ, и увидишь, насколько глубоко его отрицаніе религіи.

1 января 1873 г.

Если въ этомъ письмѣ, дорогая моя, тебя что-нибудь оскорбитъ, то ты простишь меня, потому что знаешь, что я люблю тебя даже больше, чѣмъ нужно. Прошу тебя, пиши мнѣ поскорѣе, меня очень интересуетъ дѣло съ предложеніемъ, и помимо того ты должна знать, что каждая твоя строчка для меня въ сорокъ тысячъ разъ дороже всей писанной и печатной бумаги въ мірѣ.

12

Москва, 6 іюня 1873 г.

Во-первыхъ гдѣ ты живешь, душа моя? Вѣчное забвеніе собственнаго адреса! Пишу черезъ Вадима, но Вадима можетъ не быть въ Петербургѣ и тогда мои столь драгоцѣнныя посланія, доставляющія тебѣ „счастіе“ (ты довольна малымъ, мой другъ), будутъ прочитаны только на почтѣ какимъ-нибудь чиновникомъ, которому они, вѣроятно, не доставятъ особеннаго счастія. Тѣмъ не менѣе пишу на всякій случай, и, чтобы не говорить лишняго, буду держаться твоего текста.

„Давно я не получала отъ тебя“—недавно только достигнувъ высокой степени кандидата, не имѣлъ времени писать.

„Лѣто провести *гдѣ-нибудь* на югѣ“—*гдѣ-нибудь* значитъ *нигдѣ*; поэтому объ югѣ я и не думаю, а отправляюсь пока въ Смоленскую губернію къ одному своему пріятелю. „Этотъ климатъ для тебя ядъ“—когда-нибудь, вѣроятно, придется принять маленькую долю этого яда.

„Большая перемѣна произошла за *послѣднее время*“—въ первый разъ слышу!

„Если бы ты отвѣтилъ мнѣ на вопросы мои“—вопросовъ *не получалъ*.

„Выведи меня изъ этого состоянія“—мой милый другъ, чтобъ сказать тебѣ что-нибудь дѣльное, чтобы принести тебѣ хоть какую-нибудь пользу, я долженъ знать *опредѣленно*, въ чемъ ты нуждаешься, въ какомъ *именно* состояніи ты находишься, какіе *именно* вопросы тебя тревожатъ. А пока могу тебѣ дать только одинъ совѣтъ: когда твоей мысли представляется какой-нибудь вопросъ, какое нибудь сомнѣніе, не бросай его, покуда не опредѣлится оно совершенно ясно и точно, такъ, чтобы ты и другимъ могла его сообщить въ формѣ опредѣленной. Теперь тороплюсь, кончу письмо въ другой разъ.

Пиши, мнѣ пожалуйста, въ Смоленскую губернію, городъ Сычевка, Николаю Ивановичу Карѣеву, для передачи, тамъ я буду до начала іюля; если по обыкновенію будешь медлить, то пиши въ Москву, въ Нескучное.

Твой Вл. Соловьевъ.

13.

19 іюня, 1873 дер. Окосово.

Очень радъ дорогая Катя, что тебя удивилъ раздражительный тонъ моего послѣдняго письма: значитъ, ты не догадываешься о причинѣ этого раздраженія, и слѣдовательно, эта причина неосновательна. Во всякомъ случаѣ это пустяки, о которыхъ больше не стоитъ говорить.

Въ одномъ изъ твоихъ писемъ (отъ 7-го мая этого года) ты писала, между прочимъ, что цѣлью своей жизни ты поставила основать народную школу, такъ какъ и „нѣсколько человѣкъ, освобожденныхъ отъ того страшнаго невѣжества, въ которомъ находится весь русскій народъ,—много значитъ, когда есть такъ мало выведенныхъ изъ этой ужасной темноты“. Я предполагаю, что ты вполнѣ серьезно думаешь объ этомъ дѣлѣ, и потому хочу поговорить съ тобой о немъ. Не буду касаться различныхъ практическихъ условій для осуществленія этого намѣренія; скажу только нѣсколько словъ о самой цѣли „Вывести народъ изъ ужасной темноты.“ Въ *чемъ* ты полагаешь темноту и гдѣ ты видишь свѣтъ? Ты, конечно, понимаешь, что умѣнье читать, писать и считать не есть еще просвѣщеніе; важно *что* читать. А что можно предложить теперь? Современную литературу? Если ты не знаешь, то я тебѣ скажу, что нельзя найти лучшаго средства для умственнаго опошлѣнія и нравственнаго развращенія, какъ современная литература. Народъ имѣетъ здравый смыслъ и сразу пойметь, въ чемъ сущность современнаго просвѣщенія; а сущность эта, какъ бы она ни прикрывалась, состоитъ въ отрицаніи всякаго духовнаго, нравственнаго начала и въ утвержденіи одной животной природы. Вся мудрость вѣка сего сводится къ очень простому положенію: человѣкъ есть скотъ.

Вотъ тотъ свѣтъ, которымъ мы можемъ просвѣтить нашъ темный народъ! Правда, нравственное состояніе этого народа очень низко, онъ упалъ почти до скота; но пока онъ сохраняетъ вели-

кое понятіе о „грѣхѣ“, пока онъ знаетъ, что человѣкъ *не долженъ* быть скотомъ, до тѣхъ поръ остается возможность подняться; но когда его убѣдятъ, что онъ по природѣ своей есть скотъ, и слѣдовательно, живя скотски, поступаетъ лишь соотвѣтственно своей природѣ, тогда исчезнетъ всякая возможность возрожденія. Слава Богу, что этого никогда не случится и что проповѣдники скотства не имѣютъ никакого вліянія на народъ.

Какъ бы ни было, прежде чѣмъ думать о просвѣщеніи другихъ, нужно самому обладать свѣтомъ, по крайней мѣрѣ, знать, гдѣ онъ. А знаешь ли ты это? Въ слѣдующемъ же письмѣ ты спрашиваешь себя: „неужели я останусь въ этой ужасной темнотѣ?“

Итакъ, ты видишь, что намъ съ тобой еще очень далеко до выведенія русскаго народа изъ темноты: мы еще и того не знаемъ, гдѣ темно и гдѣ свѣтло.

Кончаю, потому что сейчасъ ѣдутъ въ городъ. Пиши мнѣ въ Москву въ Нескучное.

Не знаю, почему тебя возмутило „Преступленіе и наказаніе“. Дочти его до конца, да и всего Достоевскаго полезно было бы прочитать: это одинъ изъ немногихъ писателей, сохранившихъ еще въ наше время образъ и подобіе Божіе.

До свиданія, твой Вл. Соловьевъ.

Въ Петербургѣ буду во второй половинѣ іюня.

14.

Москва, 6 іюля 1873 г.

Къ сожалѣнію, моя дорогая Катя, письмо твое должно было прождать меня въ Москвѣ болѣе недѣли, такъ какъ я вернулся изъ деревни позднѣе, чѣмъ предполагалъ.

Отвѣчаю тебѣ прямо: я люблю тебя, насколько способенъ любить; но я принадлежу не себѣ, а тому дѣлу, которому буду служить и которое не имѣетъ ничего общаго съ личными чувствами, съ интересами и цѣлями личной жизни. Я не могу отдать тебѣ себя всего, а предложить меньше считаю недостойнымъ.

Вотъ все, что могу тебѣ сказать. Желаю знать твое мнѣніе. Буду ждать письма.

Твой Вл. Соловьевъ.

Въ Петербургъ пріѣду, вѣроятно, въ началѣ августа и пробуду довольно долго, такъ какъ имѣю занятія въ Публичной Библіотекѣ.

15.

Москва, 11 іюля 1873 г.

Печально, моя дорогая Катя, что даже при одинаковой взаимной любви мы не совсѣмъ понимаемъ другъ друга. Въ этомъ, впрочемъ, виноватъ больше я самъ: какъ бы то ни было, постараюсь говорить яснѣе. Я думаю, ты не можешь сомнѣваться въ моей любви: я даже не умѣлъ хорошо скрывать ее до сихъ поръ; теперь же ты даешь мнѣ возможность говорить открыто: я люблю тебя, какъ только могу любить человѣческое существо, а можетъ-быть, и сильнѣе, сильнѣе, чѣмъ долженъ. Для большинства людей этимъ кончается все дѣло; любовь и то, что за нею должно слѣдовать: семейное счастіе—составляетъ главный интересъ ихъ жизни. Но я имѣю совершенно другую задачу, которая съ каждымъ днемъ становится для меня все яснѣе, опредѣленнѣе и строже. Ея посильному исполненію посвящу я свою жизнь. Поэтому личныя и семейныя отношенія всегда будутъ занимать *второстепенное* мѣсто въ моемъ существованіи. Это-то только я и хотѣлъ сказать, когда написалъ, что не могу отдать тебѣ себя *всего*. Но это, какъ я заключаю изъ твоего послѣдняго письма, не можетъ измѣнить твоихъ чувствъ ко мнѣ. Съ моей же стороны, хотя та задача, о которой я говорю, такого рода, что не можетъ быть ни съ кѣмъ раздѣлена, но, конечно, участіе любящей женщины должно поддерживать и укрѣплять силы въ тѣхъ тяжелыхъ трудахъ и жизненной борьбѣ, съ которыми необходимо связано разрѣшеніе всякой серьезной задачи. Эта помощь незамѣнимая, и, конечно, только отъ тебя одной могу я ее принять. Но ты знаешь, моя дорогая, что не отъ насъ и не отъ нашей любви зависятъ наши отношенія. Ты знаешь, какія

препятствія не допускаютъ нашего соединенія (хотя мнѣ нѣсколько затруднительно писать объ этомъ такъ прямо, но я долженъ прибавить, что разумѣю единственно только то соединеніе, которое освящается закономъ и церковью: ни о какихъ другихъ отношеніяхъ между нами не можетъ быть и рѣчи). Устранить эти препятствія очень трудно, но возможно. Во всякомъ случаѣ, нужно употребить всѣ средства. Пока я предлагаю слѣдующее: мы подождемъ три года, въ теченіе которыхъ ты будешь заниматься своимъ внутреннимъ воспитаніемъ, а я буду работать надъ заложеніемъ первоначальнаго основанія для будущаго осуществленія моей главной задачи, а также постараюсь достигнуть опредѣленнаго общественнаго положенія, которое бы могъ тебѣ предложить. Если ты согласна, то объ этомъ еще поговоримъ при свиданіи.

Много бы хотѣлъ сказать тебѣ, но слова нѣмы и пошлы.

Прощай, моя дорогая, твой всегда

Вл. Соловьевъ.

16.

Москва, 25 іюля 1873 г.

Пожалѣй меня, дорогая моя, жизнь моя, Катя; еще четыре мѣсяца долженъ я дожидаться свиданія съ тобою.

Совсѣмъ собрался ѣхать въ Петербургъ; спрашиваютъ: зачѣмъ ты *теперь* туда ѣдешь? Для такихъ-то и такихъ-то дѣлъ. Но въ Петербургѣ *лѣтомъ* никакихъ дѣлъ сдѣлать нельзя, никого изъ нужныхъ людей не найдешь: всѣ на лѣто разъѣзжаются. Но мнѣ необходимо заниматься въ Публичной Библіотекѣ. Зимой тамъ заниматься гораздо удобнѣе, а теперь и въ Библіотекѣ никого не добьешься. Что же? мнѣ оставалось или признаться, что я ѣду въ Петербургъ единственно для того, чтобы видѣть тебя, что мнѣ тамъ, кромѣ моей Кати, никого и ничего не нужно,— сказать эту правду прямо было бы глупостью непоправимой;— или же приходилось согласиться съ основательными доводами и принять предложеніе папа ѣхать въ Петербургъ съ нимъ вмѣстѣ 1-го декабря, въ воскресенье, въ $8^1|_2$ часовъ вечера. Я согласился и, кажется, поступилъ благоразумно. Но только теперь, когда дѣло уже кончено, чувствую я до чего невыносимо-тяжело мнѣ это благоразуміе, никогда не испытывалъ такой смертельной тоски. Знаю, что и тебѣ не весело одной въ скверномъ пустомъ городѣ. Давно бы пріѣхалъ, несмотря ни на что, если бы можно было это сдѣлать, не компрометируя *тебя же*. Да, кажется, не много розъ придется намъ сорвать на нашей дорогѣ. Это, впрочемъ, и хорошо: быть счастливымъ вообще какъ-то совѣстно, а въ нашъ печальный вѣкъ и подавно. Тяжелое утѣшеніе! Есть правда внутренній міръ мысли, недоступный ни для какихъ житейскихъ случайностей, ни для какихъ душевныхъ невзгодъ—міръ мысли

не отвлеченной, а живой, которая должна осуществиться въ дѣйствительности. Я не только надѣюсь, но такъ же увѣренъ, какъ въ своемъ существованіи, что истина, мною сознанная, рано или поздно будетъ сознана и другими, сознана всѣми, и тогда своею внутреннею силою преобразитъ она весь этотъ міръ лжи, навсегда съ корнемъ уничтожитъ всю неправду и зло жизни личной и общественной,— грубое невѣжество народныхъ массъ, мерзость нравственнаго запустѣнія образованныхъ классовъ, кулачное право между государствами—ту бездну тьмы, грязи и крови, въ которой до сихъ поръ бьется человѣчество; все это исчезнетъ какъ ночной призракъ передъ восходящимъ въ сознаніи свѣтомъ вѣчной Христовой истины, доселѣ непонятой и отверженной человѣчествомъ,— и во всей своей славѣ явится царство Божіе—царство внутреннихъ духовныхъ отношеній, чистой любви и радости—новое небо и новая земля, въ которыхъ правда живетъ, но невозможно ничтожному человѣку постоянно жить въ этомъ мысленномъ, еще не осуществленномъ для насъ мірѣ. Сердце беретъ свои права, и опять тяжелая тоска, тупое страданіе, и еще невыносимѣе становятся мелкія препятствія и столкновенія, всѣ эти пощечины обыденной жизни.

Радость моя, дорогая моя, въ эти минуты душевной усталости, слабости и отчаянія только твоя любовь можетъ поддерживать, ободрять меня: напоминай мнѣ о ней чаще, умоляю тебя, я еще не вѣрю вполнѣ, прости меня.

Твой навсегда Вл. Соловьевъ.

17.

Москва, 1 августа 1873 г.

Изъ молчанія твоего, дорогой мой другъ Катя, заключаю, что ты не получила письма моего отъ 25-го іюля, въ которомъ писалъ, что отложилъ поѣздку свою въ Петербургъ и по какимъ причинамъ; нахожусь теперь въ весьма печальномъ состояніи, но дѣлать нечего. Поступить иначе было бы совершеннымъ безразсудствомъ.

Представленный мною предлогъ оказался неосновательнымъ, а безо всякаго предлога ѣхать значило бы компрометировать тебя и возбуждать сплетни, которыя и безъ того жить мѣшаютъ. Долженъ осудить себя на 4 мѣсяца тоски. Немножко меня утѣшаетъ то, что планы мои относительно ближайшаго будущаго стали совершенно опредѣленны и кажется осуществимы. Знаю, чего хочу и что буду дѣлать. Въ этомъ отношеніи спокоенъ, лишь бы эти 4 мѣсяца прошли безъ бѣды! Боюсь за тебя всего, и возможнаго, и невозможнаго. Всегда былъ мнителенъ, а теперь становлюсь еще суевѣрнѣй: предчувствія, сны и всякая дрянь. Здорова ли ты? Пиши, если не хочешь меня мучить. Если сердишься за что, побрани прямо. Не буду спокоенъ, пока не получу отъ тебя извѣстій.

Всегда твой Вл. Соловьевъ.

Писалъ бабушкѣ, получила ли она?

18.

Москва, 2 августа 1873 г.

Только что отправилъ жалобу на твое молчаніе, дорогой мой другъ Катя, какъ получилъ твое письмо. обрадовавшее меня безконечно. (Ты однако не думай, чтобъ я выказывалъ свою радость: при полученіи твоихъ писемъ я изображаю собою олицетворенное равнодушіе. Вообще я становлюсь гораздо сдержаннѣе, даже начинаю лукавствовать, увѣряю тебя: хочу быть мудръ аки змій и незлобливъ аки голубь.) Что касается нашихъ отношеній, то, хочешь ли ты или не хочешь, я далъ и еще даю тебѣ то слово, о которомъ говоришь. Способенъ ли я обмануть, это окажется въ будущемъ, на дѣлѣ, говорить же объ этомъ нечего.

Постараюсь лучше отвѣтить тебѣ, насколько это возможно въ одномъ письмѣ, на вопросъ твой о моей цѣли и моихъ занятіяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ что-нибудь смыслить, я сознавалъ, что существующій порядокъ вещей (преимущественно же порядокъ общественный и гражданскій, отношенія людей между собою, опредѣляющія всю человѣческую жизнь), что этотъ существующій порядокъ далеко не таковъ, какимъ *долженъ* быть, что онъ основанъ не на разумѣ и правѣ, а напротивъ, по большей части на безсмысленной случайности, слѣпой силѣ, эгоизмѣ и насильственномъ подчиненіи. Люди практическіе хотя и видятъ неудовлетворительность этого порядка (не видѣть ея нельзя), но находятъ возможнымъ и удобнымъ примѣняться къ нему, найти въ немъ свое теплое мѣстечко, и жить, какъ живется. Другіе люди, не будучи въ состояніи примириться съ міровымъ зломъ, но считая

его однако необходимымъ и вѣчнымъ, должны удовольствоваться безсильнымъ презрѣніемъ къ существующей дѣйствительности, или же проклинать ее à la лордъ Байронъ. Это очень благородные люди, но отъ ихъ благородства никому ни тепло, ни холодно. Я не принадлежу ни къ тому, ни къ другому разряду. Сознательное убѣжденіе въ томъ, что настоящее состояніе человѣчества *не таково, какимъ быть должно*, значитъ для меня, что *оно должно быть измѣнено*, преобразовано. Я не признаю существующаго зла вѣчнымъ, я не вѣрю въ чорта. Сознавая необходимость преобразованія, я тѣмъ самымъ обязываюсь посвятить всю свою жизнь и всѣ свои силы на то, чтобы это преобразованіе было дѣйствительно совершено. Но самый важный вопросъ: *гдѣ средства?* Есть правда люди, которымъ вопросъ этотъ кажется очень простымъ и задача легкою. Видя (впрочемъ, весьма поверхностно и узко) неудовлетворительность существующаго, они думаютъ сдѣлать все дѣло, выбивая клинъ клиномъ, т.-е. уничтожая насиліе насиліемъ же, неправду неправдою, кровь смывая кровью; они хотятъ возродить человѣчество убійствами и поджогами. Это, можетъ-быть, очень хорошіе люди, но весьма плохіе музыканты. Богъ проститъ имъ, не вѣдаютъ бо, что творятъ. Я понимаю дѣло иначе. Я знаю, что всякое преобразованіе должно дѣлаться *изнутри*— изъ ума и сердца человѣческаго. Люди управляются своими *убѣжденіями*, слѣдовательно, нужно дѣйствовать на убѣжденія, убѣдить людей въ истинѣ. Сама истина, т.-е. христіанство (разумѣется, не то мнимое христіанство, которое мы всѣ знаемъ по разнымъ катехизисамъ), — истина сама по себѣ ясна въ моемъ сознаніи, но вопросъ въ томъ, какъ ввести ее во всеобщее сознаніе, для котораго она въ настоящее время есть какой-то monstrum— нѣчто совершенно чуждое и непонятное. Спрашивается прежде всего: отъ чего происходитъ это отчужденіе современнаго ума отъ христіанства? Обвинять во всемъ человѣческое заблужденіе или невѣжество — было бы очень легко, но и столь же легкомысленно. Причина глубже. Дѣло въ томъ, что христіанство, хотя безусловно-истинное само по себѣ, имѣло до сихъ поръ вслѣдствіе историческихъ условій лишь весьма одностороннее и недостаточное выраженіе. За исключеніемъ только избранныхъ умовъ, для большинства христіанство было лишь дѣломъ простой полусознательной вѣры и неопредѣленнаго чувства, но ничего не говорило *разуму*, не входило въ разумъ. Вслѣдствіе этого оно было заключено въ несоотвѣтствующую ему, неразумную форму и за-

громождено всякимъ безсмысленнымъ хламомъ. И разумъ человѣческій, когда выросъ и вырвался на волю изъ средневѣковыхъ монастырей, съ полнымъ правомъ возсталъ противъ *такого* христіанства и отвергъ его. Но теперь, когда разрушено христіанство въ ложной формѣ, пришло время возстановить истинное. Предстоитъ задача: ввести вѣчное содержаніе христіанства въ новую соотвѣтствующую ему, т.-е. разумную безусловно, форму. Для этого нужно воспользоваться всѣмъ, что выработано за послѣдніе вѣка умомъ человѣческимъ: нужно усвоить себѣ всеобщіе результаты научнаго развитія, нужно изучить всю философію. Это я дѣлаю и еще буду дѣлать. Теперь мнѣ ясно, какъ дважды два четыре, что все великое развитіе западной философіи и науки, повидимому, равнодушное и часто враждебное къ христіанству, въ дѣйствительности только вырабатывало для христіанства новую, достойную его форму. И когда христіанство дѣйствительно будетъ выражено въ этой новой формѣ, явится въ своемъ истинномъ видѣ, тогда само собой исчезнетъ то, что препятствуетъ ему до сихъ поръ войти во всеобщее сознаніе, именно его мнимое противорѣчіе съ разумомъ. Когда оно явится, какъ свѣтъ и разумъ, то необходимо сдѣлается всеобщимъ убѣжденіемъ,—по крайней мѣрѣ, убѣжденіемъ всѣхъ тѣхъ, у кого есть что-нибудь въ головѣ и въ сердцѣ. Когда же христіанство станетъ дѣйствительнымъ убѣжденіемъ, т. е. такимъ, по которому люди будутъ *жить*, осуществлять его въ дѣйствительности, тогда очевидно *все измѣнится*. Представь себѣ, что нѣкоторая хотя бы небольшая часть человѣчества вполнѣ серьезно, съ сознательнымъ и сильнымъ убѣжденіемъ будетъ исполнять въ дѣйствительности ученіе безусловной любви и самопожертвованія, — долго ли устоитъ неправда и зло въ мірѣ! — Но до этого практическаго осуществленія христіанства въ жизни пока еще далеко. Теперь нужно еще сильно поработать надъ теоретической стороной, надъ богословскимъ вѣроученіемъ. Это мое настоящее дѣло. Ты, вѣроятно, знаешь, что я этотъ годъ буду жить при духовной академіи для занятій богословіемъ. Вообразили, что я хочу сдѣлаться монахомъ и даже думаю объ архіерействѣ. Нехай — я не разувѣряю. Но ты можешь видѣть, что это вовсе не подходитъ къ моимъ цѣлямъ. Монашество нѣкогда имѣло свое высокое назначеніе, но теперь пришло время не бѣгать отъ міра, а идти въ міръ, чтобы преобразовать его.

Ты понимаешь, мой другъ, что съ такими убѣжденіями и намѣреніями я долженъ казаться совсѣмъ сумасшедшимъ, и мнѣ

поневолѣ приходится быть сдержаннымъ. Но меня это не смущаетъ: „безумное Божіе умнѣе мудрости человѣческой“.

Прощай, моя дорогая. Съ надеждой на свиданіе всегда твой

Вл. Соловьевъ.

Позабылъ о портретѣ. Если сохранился негативъ въ фотографіи, то пришлю тотъ, про который говоришь. А то сниму другой.

19.

Получила-ли ты, дорогая, письмо мое отъ 2-го августа (нарочно послалъ заказнымъ). Твое письмо отъ 29-го іюля принесли мнѣ тотчасъ послѣ того, какъ я отправилъ свое отъ 1-го августа, на которое твой печальный отвѣтъ получилъ 5-го августа; на послѣднее же (отъ 2-го августа) отвѣта еще не получилъ. Пиши, пожалуйста. Кромѣ того, что твои письма сами мнѣ безконечно дороги,—не получая ихъ, я мучусь отъ страха, что ты больна или что-нибудь съ тобою случилось. Черезъ 2 недѣли переселяюсь въ Сергіевскій посадъ, гдѣ буду жить совершенно одинъ. На зиму имѣю много плановъ и надеждъ. Бо̀льшая часть, конечно, не осуществится. Но въ смѣлости и самоувѣренности недостатка не чувствую. Въ окончательномъ успѣхѣ не сомнѣваюсь. Пока буду удивлять добрыхъ людей своимъ юродствомъ. Уже и теперь возбуждаю недоумѣніе: одни меня считаютъ за нигилиста, другіе—за религіознаго фанатика, третьи—просто за сумасшедшаго. Надѣюсь впослѣдствіи и еще болѣе недоумѣній возбудить. Черезъ 2 мѣсяца начну пахать въ Москвѣ (а черезъ годъ въ Петербургѣ) сначала очень не широкое поле, но съ весьма рыхлой почвой, на которой, правда, до сихъ поръ кромѣ репейника, лопуха, да крапивы ничего не росло, но можетъ возрасти и добрый хлѣбъ, если только посѣять, какъ слѣдуетъ. Пишу иносказательно, потому что не годится говорить прямо о томъ, чего еще нѣтъ и, можетъ-быть, не будетъ. Черезъ 2 мѣсяца, если не обманусь, узнаешь больше. Если ты не получила письма отъ 2-го августа, то въ слѣдующій разъ повторю отвѣты на твои вопросы. О какомъ непріятномъ обстоятельствѣ хочешь ты сообщить при свиданіи? До свиданія еще далеко. Твои опасенія относительно писемъ неосновательны: можешь писать обо всемъ. Твое маленькое письмо отъ 26-го іюля

(по извѣстному предмету относительно Д.) я получилъ въ свое время, но не считалъ нужнымъ отвѣчать на него особо, потому, что само собою разумѣется, что я ничему подобному не вѣрю.

Подателю сего письма, если онъ будетъ говорить что-нибудь обо мнѣ, вѣрь не безусловно, не потому, чтобы онъ сталъ нарочно врать (онъ человѣкъ порядочный), но потому, что я не былъ съ нимъ вполнѣ откровененъ, точно такъ же, какъ ни съ кѣмъ другимъ, кромѣ тебя одной. Впрочемъ, я его очень люблю и отъ души желаю, чтобы онъ достигъ цѣли своихъ стремленій и сдѣлался хорошей галкой, что̀ для большинства людей есть самое лучшее дѣло.

Вотъ мы съ тобою, кажется, по природѣ не способны быть галками quand même.

A propos des bottes: какой невозможный вздоръ слышалъ я про тебя съ разныхъ сторонъ. Удивлялся изобрѣтательности человѣческаго воображенія. Не повѣрилъ ничему ни на минуту.

Прощай, дорогая моя, до свиданія черезъ 114 дней.

Твой Вл. Соловьевъ.

20.

Москва, 10 августа 1873 г.

Писалъ тебѣ, что начинаю лукавствовать. Съ непривычки не очень успѣшно: иногда прорываюсь самымъ смѣшнымъ образомъ. А иногда и не хочется притворяться, какъ будто что дурное скрывать.

Что ты пишешь мнѣ, дорогая Катя, о сдѣланномъ тебѣ предложеніи, было мнѣ очень непріятно, отчасти по той моей безсмысленной гадкой ревности, вслѣдствіе которой у меня скребетъ на сердцѣ каждый разъ, когда кто-нибудь другой даже только произноситъ твое имя, не то что дѣлаетъ тебѣ предложеніе; но еще болѣе потому, что очень, очень тяжело шагать черезъ другихъ и, мечтая о спасеніи человѣчества, по какой-то злой ироніи жизни быть невольной причиной чужого несчастія. Напиши мнѣ, пожалуйста, какъ подѣйствовалъ на него твой отказъ (не Пассекомъ ли его зовутъ?). Зато сообщенія твои о X порядочно меня позабавили. Что это за прелестный мальчикъ! Онъ имѣетъ огромное вліяніе на своихъ родныхъ! Онъ вылѣчилъ меня отъ страсти къ B. (что же ты его не спросила, какія онъ средства для этого употреблялъ?)! И какъ ты его вѣрно выставила: совсѣмъ какъ живой въ твоемъ письмѣ! До полученія этого письма я собирался высказать ему откровенно по-дружески все, что противъ него имѣю, и просить нѣкоторыхъ объясненій. Но теперь этого не сдѣлаю. Его можно жалѣть, пожалуй, любить по родству или en bon chrétien, но серьезно говорить съ нимъ нѣтъ никакой возможности. Ну, и довольно о немъ. Все, что ты пишешь о моихъ цѣляхъ, совершенно справедливо. Только ты напрасно воображала, что я мечтаю о какомъ-то мгновенномъ возрожденіи человѣчества.

Живого плода своихъ будущихъ трудовъ я во всякомъ случаѣ не увижу. Для себя лично ничего хорошаго не предвижу. Это еще самое лучшее, что меня сочтутъ за сумасшедшаго. Я, впрочемъ, объ этомъ очень мало думаю. Рано или поздно успѣхъ несомнѣненъ—этого достаточно.

Мы должны исполнять свою обязанность—вотъ и все, а опредѣлять времена и сроки—не наше дѣло. Иногда далекое представляется уму близкимъ: тѣмъ лучше, это утѣшаетъ.

Объ остальномъ, что ты пишешь, поговорю потомъ, теперь тороплюсь, некогда.

Прощай, моя душа.

Твой Вл. Соловьевъ.

Что это у тебя за странная фраза: боюсь надоѣсть своей болтовней?

21.

Москва, 25 августа 1873 г.

„За днями дни обычной чередой
Идутъ—а я письма не получаю,
Другимъ же пишешь ты... Что сдѣлалось съ тобой?
Я этого совсѣмъ, мой другъ, не понимаю!“

По крайней мѣрѣ, спокоенъ, что ты здорова, ибо другимъ пишешь. Видишь, однако, до чего любовь можетъ доводить даже философскія натуры: еще немного,—и я буду писать настоящіе стихи, буду списывать ихъ въ тетрадь и угощать ими своихъ близкихъ, по примѣру извѣстнаго тебѣ джентльмена, о которомъ кстати будетъ и рѣчь. На другой день по его отъѣздѣ, только что я проснулся и еще не совсѣмъ пришелъ въ себя, внезапно является Аполлонъ (не тотъ, которому поклонялись древніе греки, а нашъ лакей Аполлонъ) и подаетъ мнѣ письмо, полученное наканунѣ въ мое отсутствіе. Вижу твою руку и, не разобравши хорошенько адресъ, распечатываю и читаю начало. Изъ сего начала вижу, что упомянутый джентльменъ (къ которому оказалось адресовано ваше письмо) вторгается туда, гдѣ его никто не желаетъ. Ты бы очень хорошо сдѣлала, если-бъ разъ навсегда положила должный предѣлъ его порывамъ. Имѣю слишкомъ достаточное основаніе, постоянно страдая отъ своей довѣрчивости, предупреждать тебя: не довѣряй людямъ вообще, а петербургскимъ джентльменамъ въ особенности. Какъ ни стараюсь во всѣхъ людяхъ видѣть настоящаго человѣка, но долженъ признать начальную и давно извѣстную истину, что въ людяхъ совсѣмъ мало человѣчнаго, а гораздо болѣе преобладаетъ образъ различныхъ звѣрей, какъ-то волка, лисицы, свиньи, гіены, осла и т. п.

Что касается до джентльменовъ, то сообщу тебѣ лишь слѣдующее. X и У въ интимныхъ разговорахъ со мною—разумѣется, въ одиночку—съ оглушительно крикливымъ паѳосомъ (отъ котораго сильно пострадали мои нервы), съ соотвѣтствующими тѣлодвиженіями и съ вытаращиваніемъ глазъ (общая обоимъ привычка, весьма непріятная для ихъ собесѣдниковъ), разсказывали мнѣ другъ про друга самыя возмутительныя мерзости. X увѣрялъ, что У—подлецъ, и приводилъ фактическіе аргументы. У доказывалъ, что X plus quam подлецъ, и подтверждалъ это столь же фактическими аргументами. Насколько справедливо послѣднее—не знаю; самъ я противъ X не могу ничего сказать, и онъ мнѣ даже симпатиченъ; что же касается до У, то хотя о его „личности“ вообще тоже ничего не скажу, но обязанъ сообщить, что къ несчастію имѣлъ случай съ полною несомнѣнностью убѣдиться, что *относительно тебя* онъ имѣетъ намѣренія, которыя не могу назвать хорошими. Убѣдился я въ этомъ посредствомъ маленькаго, весьма простого эксперимента, о которомъ могу сообщить при свиданіи. Такъ будь осторожна—тебѣ это гораздо болѣе необходимо, нежели мнѣ. Ты повѣришь мнѣ, жизнь моя, что лишь съ величайшимъ отвращеніемъ, по крайней только необходимости, касаюсь этой грязи; не могу же я быть равнодушнымъ, когда этой грязью *въ тебя* брызгаютъ. Напиши мнѣ свое объ этомъ мнѣніе. Ты мнѣ никогда ничего не пишешь о себѣ. Неужели ты не вѣришь, что для меня важно все, что тебя касается. Пиши же, я серьезно безпокоюсь.

Твой всегда Вл. Соловьевъ.

22.

26 августа 1873 г.

Я теперь пока живу на нашей городской квартирѣ въ *Денежномъ* (а не въ Газетномъ) переулкѣ, въ домѣ Дворцовой конторы, туда и пиши.

„В. разъ мнѣ разсказывалъ, какое ты мнѣніе имѣешь“ и т. д.; я уже писалъ тебѣ, дорогая, чтобы ты относительно меня не вѣрила В., потому что я не былъ съ нимъ искренень: я ему дѣйствительно говорилъ то, что онъ тебѣ передавалъ, но говорилъ нарочно, о чемъ тебя и предупреждалъ. Не знаю, почему тебѣ непріятно, что я живу отшельникомъ, т.-е. избѣгаю безсмысленныхъ забавъ и не развратничаю. Вѣроятно, тебѣ что-нибудь наврали. Относительно твоихъ сомнѣній могу только замѣтить, что наша разлука достаточно долга, чтобы „минутное увлеченіе“ успѣло пройти; минутныя увлеченія у меня бывали, и я знаю разницу.

Что касается моего мнѣнія о способности женщины понимать высшую истину, то безъ всякаго сомнѣнія—вполнѣ способна, иначе она не была бы человѣкомъ. Но дѣло въ томъ, что по своей пассивной природѣ она *не можетъ сама найти* эту истину, а должна получить ее отъ мужчины. Это фактъ: ни одно религіозное или философское ученіе не было основано женщиной, но *уже основанныя* ученія принимались и распространялись преимущественно женщинами. Полагаю, что и при предстоящемъ переворотѣ въ сознаніи человѣчества женщины будутъ играть важную роль. А начнется оттуда, откуда никто не ожидаетъ. Ты мнѣ писала о сектѣ штундистовъ (я очень былъ обрадованъ, что ты обратила на это вниманіе): она не одна, такое же движеніе показывается и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Калужской губер-

ніи секта духовныхъ христіанъ подъ названіемъ „воздыхающихъ“ и т. п. Скоро покажетъ мужикъ свою настоящую силу къ большому конфузу тѣхъ, которые не видятъ въ немъ ничего, кромѣ пьянства и грубаго суевѣрія (въ этомъ мнѣніи прежде и ты, мой другъ, была грѣшна). Приближаются славныя и тяжелыя времена, и хорошо тому, кто можетъ ждать ихъ съ надеждой, а не со страхомъ. Прощай, мой дорогой другъ. Нельзя ли намъ будетъ увидѣться раньше декабря, какъ ты думаешь? Мама говорила, что она была бы очень рада, если-бъ ты пріѣхала къ намъ погостить; я, понимаешь ты, буду жить у Троицы. Кстати, на твой вопросъ: я проживу тамъ, вѣроятно, только этотъ годъ, т.-е. до іюня, а тамъ, что Богъ дастъ.

Твой Вл. Соловьевъ.

Москва, 6 сентября 1873 г.

23.

Вотъ уже двѣ недѣли, дорогая моя Катя, что ты мнѣ не пишешь. Боюсь, не оскорбилъ ли тебя грубый тонъ моего послѣдняго письма. Прошу прощенія, не оправдываясь.

Относительно возможности намъ увидаться раньше предположеннаго срока, о чемъ я тебѣ писалъ, не рѣшаюсь ничего предлагать, — предоставляю вполнѣ на твое усмотрѣніе. Извѣсти о своемъ рѣшеніи.

Пиши: Московской губерніи, *Сергіевскій посадъ*, Новая монастырская гостинница, № 49, В. С. С.

Переселяюсь послѣ-завтра. Портреты пришлю тебѣ, когда будутъ готовы.

Если ты не пишешь по лѣни, то мнѣ довольно нѣсколькихъ словъ: „Здорова и на тебя не сержусь.“

Я эти дни почему-то страдаю нервнымъ разстройствомъ и потому, чтобы не наговорить какой-нибудь нервической чуши, прекращаю писать.

Твой всегда Вл. Соловьевъ.

---

*

24.

Сергіевскій посадъ, 15 сентября 1873 г.

Дорогая моя Катя!

Сейчасъ полученное мною письмо твое возбудило во мнѣ такую необычайную радость, что я сталъ громко разговаривать съ нѣмецкими философами и греческими богословами, которые въ трогательномъ союзѣ наполняютъ мое жилище. Они еще никогда не видѣли меня въ такомъ неприличномъ восторгѣ, и одинъ толстый отецъ церкви даже свалился со стола отъ негодованія.

Я вѣдь уже былъ вполнѣ увѣренъ, что между нами все кончено, и только не могъ придумать, отъ чего и какъ это случилось. Пишу тебѣ это для того, чтобы ты знала, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Сейчасъ ѣду въ Москву на одинъ день, между прочимъ, для одного довольно важнаго дѣла, о которомъ, если оно удастся, сообщу. Изъ Москвы напишу больше и пришлю портретъ, который долженъ быть уже готовъ. Передай мой поклонъ графинѣ Елизаветѣ Ивановнѣ.

Бабушкѣ и Вадиму буду писать.

Твой Вл. Соловьевъ.

25.

Москва, 23 сентября 1873 г.

Дорогая моя Катя!

Не быть мнительнымъ и ревнивымъ я не могу: это болѣзнь характера и, слѣдовательно, неизлѣчимая. Но, конечно, ее можно скрывать. Во всякомъ случаѣ моя ревность остается при мнѣ: ты вѣдь не можешь пожаловаться, чтобы я тебя обвинялъ или упрекалъ въ чемъ-нибудь, а самого себя мучить я, конечно, имѣю право. Итакъ, объ этомъ больше ни слова. Что касается нашего свиданія, то я самъ думалъ его ускорить. Если ничего особеннаго не случится, то буду въ Петербургѣ въ началѣ ноября (около десятыхъ чиселъ). 7 недѣль еще подожди меня — это сравнительно недолго. Писать не буду часто—времени нѣтъ: нужно хорошенько потрудиться, чтобы сколько-нибудь заслужить радость свиданія съ тобою. Ты же пиши мнѣ, жизнь моя.

Очень радъ, что ты будешь заниматься музыкой. Экзаменъ тоже не мѣшаетъ на всякій случай выдержать. Но скажи, пожалуйста, какъ это ты будешь заниматься исторіей съ X? Мнѣ это кажется забавнымъ. Впрочемъ, объ X я не хочу распространяться, потому что долженъ сказать, что, какъ это ни скверно съ моей стороны, я просто не люблю его. Какъ я ни старался себя принудить, какъ ни увѣрялъ себя, что долженъ его любить и что люблю,—не удается. Это какая-то инстинктивная антипатія. Конечно, ты не подумаешь, чтобы я былъ способенъ вредить ему. Напротивъ, я былъ бы очень радъ, если бы представился случай оказать ему какую-нибудь важную услугу, чтобы, по крайней мѣрѣ, не быть неблагодарнымъ, какъ онъ меня въ этомъ упрекаетъ. Тѣмъ не менѣе у меня къ нему (и странно — къ нему одному)

очень нехорошее чувство. Впрочемъ, надѣюсь это современемъ пересилить, тѣмъ болѣе, что онъ ненависти и вражды ни въ какомъ случаѣ не заслуживаетъ: онъ болѣе пустъ, чѣмъ золъ.

Прости, моя радость, жди меня, я вѣрю твоей любви и полагаюсь на нее.

Твой всегда Вл. Соловьевъ.

Получила ли ты мой портретъ и карточки, изъ коихъ одна для Е. И. Гендриковой.

P. S. Пиши, пожалуйста, гдѣ ты и что ты, и гдѣ думаешь жить лѣтомъ. Я мечтаю пріѣхать въ Ѳедоровку, хотя это будетъ и не очень остроумно.

Очень благодаренъ тебѣ за карточку: она вышла отлично, только зачѣмъ ты смотришь такъ сердито, милая моя!

Если я преодолѣю свою лѣнь, то снимусь и пришлю тебѣ свое изображеніе; пришлю, можетъ-быть, и еще нѣчто—„маленькое начало моего начала“, по выраженію моего брата Всеволода.

Обнимаю тебя.

Мама тебя цѣлуетъ.

Цѣлуй отъ меня всѣхъ, съ кѣмъ живешь.

26.

8 октября 1873 г., Сергіевъ посадъ.

Я писалъ тебѣ, дорогой мой другъ Катя, о своей инстинктивной антипатіи къ провалившемуся джентльмену. Ты видишь, что мой инстинктъ не обманываетъ. Затѣмъ постараемся всю эту дрянь предать забвенію.

О знакомствѣ твоемъ съ Катериной Григорьевной говорить послѣ твоего рѣшительнаго запрещенія не осмѣливаюсь. Передай ей мое почтеніе.

Сегодня я только къ утру немного задремалъ и видѣлъ тебя почти какъ наяву. Ощущаю Katzenjammer. Если тебѣ сколько-нибудь дорого мое спокойствіе, если ты меня не на словахъ только любишь, пиши мнѣ хоть разъ въ недѣлю нѣсколько словъ. Прощай, мое сокровище, обнимаю тебя всей силой своего воображенія; придетъ ли, наконецъ, время, когда обниму тебя въ дѣйствительности, радость моя, мученіе мое!

Твой всегда всѣмъ сердцемъ Вл. Соловьевъ.

27.

25 октября 1873 г., Сергіевъ посадъ.

Почему ты, мой другъ, вообразила, что я измѣнилъ свое намѣреніе? Пріѣду какъ обѣщалъ въ десятыхъ дняхъ ноября (а именно располагаю выѣхать 11-го). Во всякомъ случаѣ „причинять зло“ ни себѣ самой, ни кому другому нѣтъ ни малѣйшаго основанія.

Эти двѣ недѣли, если ужъ тебѣ такъ не хочется, можешь совсѣмъ мнѣ не писать: сочтемся при свиданіи.

Твой Вл. Соловьевъ.

28.

Дорогая моя, радость моя Катя, всю эту ночь хочу посвятить бесѣдѣ съ тобою; завтра рано мнѣ нужно ѣхать на желѣзную дорогу, и чтобы не проспать, лучше совсѣмъ не ложиться.

Я нахожусь теперь въ довольно оригинальномъ положеніи. Пріѣздъ мой произвелъ въ академіи почти такое же впечатлѣніе, какъ прибытіе мнимаго ревизора въ тотъ знаменитый городъ, „отъ котораго хоть три года скачи—ни до какого государства не доскачешь“. Профессора здѣшніе воображаютъ, что я пріѣхалъ съ исключительною цѣлью смутить ихъ покой своею критикою. Любезны всѣ со мною до крайности, какъ городничій съ Хлестаковымъ. Въ благодарность за это оставляю ихъ по возможности въ покоѣ (хотя тѣ лекціи, которыя я до сихъ поръ слышалъ, довольно порядочны). Впрочемъ, они сами весьма низко цѣнятъ себя и свое дѣло, и никакъ не могутъ повѣрить, чтобы постороннему человѣку, дворянину и кандидату университета, могла прійти фантазія заниматься богословскими науками; и дѣйствительно, это первый примѣръ; поэтому предполагаютъ во мнѣ какія-нибудь практическія цѣли. А между тѣмъ академія во всякомъ случаѣ не представляетъ такой абсолютной пустоты, какъ университетъ. Студенты при всей своей грубости кажутся мнѣ народомъ дѣльнымъ; притомъ добродушно веселы и большіе мастера выпить—вообще люди здоровые. Впрочемъ, мнѣ съ ними не придется сойтись—времени не будетъ.

Хотя ты не требуешь отчета въ моихъ занятіяхъ, считаю себя обязаннымъ дать его.

Во-первыхъ, пишу „Исторію религіознаго сознанія въ древнемъ мірѣ“ (начало уже печатается въ журналѣ). Цѣль этого труда—объясненіе древнихъ религій, необходимое потому, что безъ него

невозможно полное пониманіе всемірной исторіи вообще и христіанства въ особенности. Во-вторыхъ, продолжаю заниматься нѣмцами и пишу статью (также для журнала) о современномъ кризисѣ западной философіи, которая потомъ войдетъ въ мою магистерскую диссертацію; конспектъ этой послѣдней уже мною написанъ. Въ-третьихъ, читаю греческихъ и латинскихъ богословъ древней церкви. Ихъ изученіе также необходимо для полнаго пониманія христіанства.

Все это только начальныя, подготовительныя занятія, настоящее дѣло еще впереди. Безъ этого дѣла, безъ этой великой задачи мнѣ не-за-чѣмъ было бы и жить, безъ него я бы не смѣлъ и любить тебя. Я не имѣлъ бы никакого права на тебя, если-бъ не былъ вполнѣ увѣренъ, что могу дать тебѣ то, чего другіе дать не могутъ. Ты видѣла и всегда можешь видѣть у ногъ своихъ множество людей, которые имѣютъ надо мною всѣ внѣшнія преимущества. Пока, въ настоящемъ я ничто [1])...

Въ зачеркнутыхъ строкахъ я написалъ то, чего писать не годится. Лучше не продолжать.

Прощай.

Твой Вл. Соловьевъ.

---

1) Зачеркнуто 9 строкъ. *Прим. ред.*

Письма къ А. А. Фету.[1)]

1.

Въ Воробьевку, 10 марта 1881 г. Петербургъ.

Повидимому, вы не получили моего письма изъ Москвы, высокоуважаемый Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Я и тогда думалъ, а теперь тѣмъ болѣе полагаю, что раньше осени издавать „Фауста“ было бы и трудно, и невыгодно. Это мнѣніе раздѣляютъ и Николай Николаевичъ Страховъ, и графиня. Самъ я на святой буду въ Москвѣ, а потомъ въ разныхъ мѣстахъ, Николай же Николаевичъ не возьметъ *теперь* на себя трудъ изданія. Вообще издавать, мнѣ кажется, было бы удобнѣе въ Москвѣ, гдѣ я думаю съ осени поселиться окончательно, оставивъ чухонскій Содомъ. Я совершенно понимаю вашу неохоту возиться съ отдѣлкою частностей вашего перевода и думаю, что онъ въ цѣломъ настолько хорошъ, что можно и должно его печатать во всякомъ случаѣ. Разумѣется, все, что можно мнѣ будетъ сдѣлать, по указаніямъ графини и Толстого и другихъ, я сдѣлаю, но и для этого опять-таки нужно и нѣкоторое время, тѣмъ болѣе, что помощь графини сколько цѣнна, столько же и трудно добываема. Во всякомъ случаѣ я надѣюсь привезти вамъ въ концѣ весны или началѣ лѣта вашъ переводъ готовымъ къ печати. Въ ожиданіи свиданія остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ преданный вамъ

Владиміръ Соловьевъ.

[1)] Письма къ А. А. Фету были напечатаны въ Альманахѣ „Сѣверные Цвѣты“. Москва 1901 г. стр. 146—159. *Прим. ред.*

2.

Въ Воробьевку. Почт. шт.: Красноярская, Черниговск. г., 18 августа 1881 г.

Многоуважаемый Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Не оправдываюсь въ томъ, что до сихъ поръ не доставилъ вамъ „Фауста“, но хочу только изложить смягчающія обстоятельства. Я нѣсколько разъ въ это лѣто собирался ѣхать къ вамъ съ вашею рукописью, чтобы вмѣстѣ надъ нею поработать, и каждый разъ принужденъ былъ откладывать свое намѣреніе, не теряя надежды исполнить его послѣ, а потому и держалъ у себя рукопись. Съ другой стороны, и графиня Толстая (краснорожская) не по одному отсутствію энергіи не исполнила своего обѣщанія, но главнымъ образомъ потому, что все лѣто должна была ухаживать за своею племянницей, опасно заболѣвшей. Черезъ недѣлю я думаю къ вамъ все-таки пріѣхать, но на всякій случай посылаю вамъ заказнымъ письмомъ одинъ изъ двухъ имѣющихся у меня экземпляровъ „Фауста“, другой же привезу самъ. Если опять не удастся пріѣхать, то увидимся въ Москвѣ—это уже навѣрно. Прошу васъ передать мое почтеніе вашей супругѣ. Страховъ вѣроятно ужъ уѣхалъ въ Константинополь. До свиданія. Истинно васъ уважающій

Владиміръ Соловьевъ.

3.

Въ Воробьевку. Почт. шт.: Москва, 8 апр. 1883 г.

Дорогой и многоуважаемый Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Нерѣдко вспоминаю и скучаю о васъ, и хотѣлось бы мнѣ пораньше попасть въ Воробьевку. Но раньше іюня, пожалуй, не придется. Такъ какъ вы упрекаете меня за молчаніе (какъ мнѣ передавали), то вотъ я и собрался вамъ написать. Къ тому же мнѣ хочется вамъ сказать, какъ мнѣ горько, и обидно, и стыдно за русское общество, что до сихъ поръ ни о „Фаустѣ“, ни о „Вечернихъ Огняхъ“ ничего не было сказано въ печати. Я пишу Страхову и Кутузову укоризненныя письма; если же они не подвигнутся, то я рѣшусь взяться не за свое дѣло и напишу хоть небольшую рецензію для собственнаго облегченія. Здоровы ли вы, и что подѣлываете? Напишите два слова. Сердечно кланяюсь Марьѣ Петровнѣ и всѣмъ вашимъ [1]).

---

[1]) Обычныя окончанія писемъ далѣе опущены.
Прим. „Сѣвер. Цвѣт.“

4.

Въ Москву. Почт. шт.: Владиміръ, 22 окт. 1884 г.

Дорогой и многоуважаемый Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Въ дополненіе къ вчерашней телеграммѣ посылаю вамъ еще нижеслѣдующее поздравленіе.

[Приложено стихотвореніе: А. А. Фету 19 окт. См. Вл. Соловьевъ Стихотворенія, изд. 3-ье, стр. 5].

5.

Въ Москву. Почт. шт.: Петербургъ, 22 янв. 1885 г.

Я уже давно не въ Пустынкѣ, а въ Петербургѣ, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, а потому и письмо ваше получилъ только сегодня съ оказіей. Спасибо вамъ очень. Ношу я себя плоховато, зато работаю исправно и боюсь, что мой Левіаѳанъ не вмѣстится и въ двухъ томахъ. А по нѣкоторому инстинкту мозговой гигіены предаюсь по временамъ сочиненію мельхиседекообразныхъ стихотвореній. Такъ, на-дняхъ, пересматривая книжку Некрасова, я отступилъ отъ правила de mortuis aut bene aut nihil—и намельхиседечилъ слѣдующее:

Поэту-Отступнику

(по прочтеніи „Послѣднихъ Пѣсенъ“ Некрасова).

Восторгъ души—разсчетливымъ обманомъ,
И рѣчью рабскою—живой языкъ боговъ,
Святыню мирную—крикливымъ балаганомъ
Онъ замѣнилъ и обманулъ глупцовъ.
Когда же самъ, разбитъ, разочарованъ,
Онъ вспомнить захотѣлъ былую красоту,—
Языкъ кощунственный, къ земной пыли прикованъ,
Напрасно призывалъ нетлѣнную мечту.
Тоскующей любви плѣнительные звуки
Животной злобы крикъ позорно заглушалъ,
Не поднималися коснѣющія руки,
И блѣдный призракъ тихо ускользалъ. [1])

---

[1]) Стихотвореніе это вошло въ собраніе стихотвореній, но воспроизводится здѣсь ради нѣкоторыхъ варіантовъ.

Прим. ред. Съв. Цвѣт.

Кстати о Мельхиседекѣ: заѣзжалъ къ больному Полонскому, разговоръ—сплошной Мельхиседекъ, и я уже начиналъ приходить въ отчаянье. Но подъ конецъ отыскалъ дѣтскій журналъ „Родникъ“ и прочелъ мнѣ оттуда свое стихотвореніе: „Убѣжавшая больная“—безъ всякаго Мельхиседека, очень хорошо, хотя нѣсколько протяженно-сложенно. Въ Пустынкѣ еще больны. Въ Москву хочу непремѣнно пріѣхать такъ, чтобы васъ застать.

P. S. А чѣмъ вы докажете скептическому потомству, что ботинки дѣйствительно сшиты Толстымъ, а не сдѣланы на заказъ въ магазинѣ? Кстати о заказѣ: не удивляйтесь, что я посылаю это письмо заказнымъ; это только оттого, что отправленіе письма для меня событіе чрезвычайно рѣдкое, граничащее съ областью чудеснаго.

6.

Въ Воробьевку. Почт. шт.: Курскъ, 27 іюля 1886 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Изъ безписьменности моей не заключайте, что я о васъ не думаю. Напротивъ, часто и часто васъ вспоминаю. А вотъ наконецъ подвигся и написать. Я доселѣ не приспособился къ двумъ календарнымъ стилямъ и живу какъ бы внѣ времени или въ фальшивомъ времени, ибо руковожусь „Московскими Вѣдомостями“, которыя получаются здѣсь почти черезъ недѣлю, на каковой срокъ и я отстаю отъ дѣйствительности въ своихъ хронологическихъ представленіяхъ. Однако я вычислилъ съ достовѣрностью, что сегодня 22-ое іюля стараго стиля и, слѣдовательно, именины Марьи Петровны, которой и приношу свое сердечное, хотя и имѣющее опоздать, поздравленіе, въ надеждѣ, что соединенныя усилія австрійской и русской почты пощадятъ это невинное посланіе. Заказнымъ не пишу, зная, что это доставитъ вамъ лишнія хлопоты. О себѣ сообщу кратко, что я здоровъ, работаю, печатаю книгу и живу у загребскаго каноника самымъ каноническимъ образомъ. Встаю въ 8 часовъ, хожу каждый день къ обѣднѣ въ прекрасный готическій соборъ XI вѣка, знакомство вожу только съ ученымъ и духовнымъ сословіемъ. Чувствую себя не совсѣмъ за-границей, ибо говорю большею частью по-русски, да и народъ здѣсь (простой) совсѣмъ наши хохлы, только еще гораздо религіознѣй (чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о православныхъ славянахъ). Церкви здѣсь и въ будни полны народомъ, а въ воскресенье не протолкаешься. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь есть академія наукъ и университетъ, картинная галлерея и музей древностей— все это основано главнымъ образомъ епископомъ Штроссмайеромъ

и каноникомъ Рачкимъ. У этого послѣдняго я теперь живу, а къ первому ѣду черезъ двѣ недѣли.—Хотя, какъ видите, я здѣшнимъ пребываніемъ доволенъ, но все-таки вздыхаю по далекимъ друзьямъ и очень бы хотѣлось попасть въ Воробьевку, но къ большому моему прискорбію это невозможно. Я попалъ за-границу только въ іюнѣ (потому что старый и преданный нашъ слуга обокралъ меня до-чиста наканунѣ назначеннаго отъѣзда), и хотя печатаніе книги наладилось, но придется еще возиться съ переводомъ, который здѣсь хотятъ дѣлать на нѣмецкій или французскій языкъ, такъ что въ Россію попаду не раньше сентября. Итакъ, до свиданія въ Москвѣ. А если захотите обрадовать меня письмомъ (вѣрнѣе заказнымъ), то вотъ мой адресъ: Autriche-Hongrie, Agram. A M. le Président de l'Académie des sciences, Dr. F. Racki (Kaptol, 13). Pour le Dr. Vlad. Soloviev.

7.

Въ Воробьевку. Почт. шт.: Москва, 9 апрѣля 1887 г.

Христосъ воскресе, дорогая Марья Петровна, здравствуйте, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Я на отъѣздѣ, и не позже воскресенья буду у васъ. Задержало до сихъ поръ окончательное устройство кой какихъ дѣлъ.—Лекціей своею я столько же доволенъ, сколько недовольна ею славянофильствующая московская публика. На щи и кашу бѣднымъ студентамъ (простите Аѳанасій Аѳанасьевичъ) я собралъ около двухъ тысячъ рублей и сказалъ то, что хотѣлъ сказать. Получилъ передъ праздниками чрезвычайно обиженное письмо отъ Страхова по поводу его спиритизма. Отлагаю обстоятельный отвѣтъ до Воробьевки. Былъ безъ васъ два раза на Покровкѣ. До скораго свиданія.

8.

Въ Воробьевку. 15—27 іюля 1888. Paris, Hôtel de la Couronne.

Дорогой и многоуважаемый Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Надѣюсь, что этотъ листокъ своевременно дойдетъ до Воробьевки и принесетъ Марьѣ Петровнѣ мое сердечное поздравленіе съ днемъ ангела. Я живъ и здоровъ, и устраиваю понемногу свои дѣла въ Парижѣ. Къ несчастію, придется, пожалуй, все лѣто провести заграницей. Изъ Россіи мнѣ пишутъ про разныя вздорныя сплетни въ газетахъ на мой счетъ. Если дошло и до васъ, то, конечно, вы приняли, какъ должно. Боюсь однако, что хоть *брань* на вороту не виснетъ, но про вранье этого сказать нельзя, и какъ бы не вышло какого нибудь затрудненія съ возвращеніемъ моимъ изъ-за границы. Надѣюсь, впрочемъ, что все устроится къ лучшему. Вообще изъ Россіи имѣю извѣстій не много, на что̀ конечно, жаловаться не имѣю права: и остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Совершенно не знаю, какимъ путемъ вернусь въ Россію, но едва ли увидимся раньше октября въ Москвѣ. Будьте здоровы и не поминайте лихомъ. Цѣлую ручки Марьѣ Петровнѣ и кланяюсь Екатеринѣ Владиміровнѣ и всѣмъ общимъ друзьямъ, если кого увидите.

9.

Въ Воробьевку. $\frac{\text{21 авг.}}{\text{6 сент.}}$ 1888. Viroflay.

Дорогой и глубокоуважаемый Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Истинно былъ обрадованъ вѣстью отъ васъ. И хотя вы недовольны жизнью, но я доволенъ, что вы живете если не лучше, то и не хуже прежняго. Очень часто вспоминалъ и вспоминаю про васъ съ Марьей Петровной, какъ въ парижской суетѣ, такъ и въ теперешнемъ уединеніи. Съ конца здѣшняго, т. е. съ половины русскаго августа я живу въ мѣстечкѣ Viroflay, близъ Версаля, на дачѣ Bonrepos, принадлежащей моему пріятелю Леруа-Больё, который уѣхалъ съ своимъ семействомъ въ деревню къ тещѣ и предоставилъ въ мое распоряженіе павильонъ съ садомъ. Этотъ садъ, весьма красивый, и смежность большого лѣса Сенъ-Клу дѣлаютъ мое мѣстопребываніе раемъ земнымъ—до сотворенія Евы, такъ какъ я нахожусь въ полномъ одиночествѣ. Впрочемъ, о раѣ можно здѣсь говорить только сравнительно съ парижской гостиницей, наполненной шумливыми и безцеремонными американцами. А для настоящаго рая въ моемъ Bonrepos помимо Евы недостаетъ многаго, напримѣръ рѣкъ: Фисона, Гихона, Хиддекеля и Евфрата. Не шутя, безъ воды природа теряетъ половину своей прелести. Но особенно не достаетъ мнѣ, сравнительно съ прошлымъ лѣтомъ, милаго Воробьевскаго общества. Полное одиночество прекрасная вещь, и я имъ наслаждаюсь послѣ парижской суеты,—но только не надолго, и навѣрное я не могъ бы прожить такъ съ удовольствіемъ полгода, какъ прожилъ въ Воробьевкѣ. Дѣла свои въ Парижѣ я, насколько могъ, устроилъ. Книга готова къ печати и выйдетъ, надѣюсь, до начала зимы. О брошюрѣ моей „L'idée russe“

было въ разныхъ французскихъ и бельгійскихъ журналахъ и revues (большею частью религіозныхъ) много хвалебныхъ статей. Хвалятъ, между прочимъ, за чистоту французскаго языка, въ которомъ я за послѣднее время, дѣйствительно, усовершенствовался.

Здѣсь въ Virotlay проживу я до 22-го, т. е. по русскому до 10-го сентября, и если это мое письмо дойдетъ до васъ своевременно, а вы съ обычной вамъ аккуратной любезностью захотите тотчасъ отвѣтить мнѣ, то можете адресовать сюда. Отсюда, остановившись на три или четыре дня въ Парижѣ, ѣду черезъ Ліонъ, Лозанну, Вѣну, Загребъ и Краковъ—въ Москву. Полученныя мною недавно изъ Россіи извѣстія заставляютъ меня предполагать, что въ Москвѣ меня оставятъ не надолго, а препроводятъ гораздо дальше, такъ что едва ли вы будете видѣть меня этотъ годъ у себя по середамъ и воскресеньямъ. Чѣмъ менѣе разумны такія опасенія, тѣмъ болѣе они правдоподобны. Какъ справедливо во всѣхъ языкахъ различается мудрость отъ разума! Настоящая мудрость состоитъ въ томъ, чтобы, признавая права разума въ теоріи, какъ можно менѣе довѣрять ему на практикѣ. А изъ этого противорѣчія слѣдуетъ, что *безусловное* значеніе принадлежитъ не умственной, а нравственной области, въ которой никакого противорѣчія нѣтъ, ибо правила: *не людоѣдствуй*, или: *не воруй сверхъ должнаго*— одинаково хороши и въ теоріи, и на практикѣ. Кстати, по поводу мудрости: кто-то написалъ мнѣ изъ Петербурга, что Н. Н. Страховъ изъявлялъ противъ меня большое негодованіе и раздраженіе, но тѣмъ не менѣе справлялся о моемъ адресѣ. Напишите, пожалуйста, ему, что его негодованіе меня удивляетъ и что я, съ своей стороны, продолжаю неизмѣнно питать къ нему одни добрыя чувства и считать его мудрѣйшимъ изъ всѣхъ твореній земныхъ. А что подѣлываетъ его идолъ? Черезъ француза Вогюэ слышалъ я, что онъ пишетъ романъ *о вредѣ любви*. Очевидно, это навѣяно бракомъ по любви N. Какъ жаль, что я не имѣю литературнаго таланта. Недавно меня обсчитала содержательница отеля. Вотъ бы прекрасный случай написать поэму *о вредѣ гостиницъ*.—Будемъ однако надѣяться, что впечатлѣніе отъ брака N. скоро смѣнится какимъ нибудь другимъ неудовольствіемъ и т. д., и что эти субъективно-утилитарные романы будутъ пожирать другъ друга до появленія на свѣтъ. Однако, какъ я заболтался по старой Воробьевской привычкѣ! Будьте здоровы, мой истинный анти-утилитарный поэтъ! Мой сердечный поклонъ многоуважаемой Марьѣ Петровнѣ. Привѣтствую Екатерину Владиміровну и всю Воробьевку.

10.

Въ Москву. Петербургъ, 27 янв. 1889.

Дорогой и глубокоуважаемый Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Привѣтствуютъ васъ звѣздъ золотыя рѣсницы, и мѣсяцъ, плывущій по лазурной пустынѣ, и плачущія степныя травы, и розы весеннія и осеннія; привѣтствуетъ васъ густолистый развѣсистый лѣсъ, и блескомъ вечернимъ овѣянныя горы, и милое окно надъ снѣжнымъ каштаномъ. Привѣтствуютъ васъ голубые и черные ангелы, глядящіе изъ-за шелковыхъ рѣсницъ, и гротъ Сивиллы съ своею черною дверью. Привѣтствуетъ васъ левъ св. Марка, и жаръ-птица, сидящая на суку извилистомъ и чудномъ. Привѣтствуютъ васъ всѣ крылатые звуки и лучезарные образы между небомъ и землею. Кланяется вамъ также и меньшая братія: слѣпой жукъ, и вечернія мошки, и кричащій коростель, и молчаливая жаба, вышедшая на дорогу. А наконецъ привѣтствую васъ и я, въ видѣ того сѣраго камня, который вы помянули добрымъ словомъ. Плачетъ сѣрый камень, въ прудъ роняя слезы. И хоть не надъ прудомъ, а надъ цѣлымъ океаномъ человѣческой безсмыслицы приходится плакать, но есть и утѣшеніе, пока надъ этимъ мутнымъ потокомъ недвижимо стоитъ свѣтлая радуга чистой поэзіи и заранѣе празднуетъ будущій миръ неба съ землею. Безцѣнный мой отрѣзокъ настоящей неподдѣльной радуги, обнимаю васъ мысленно въ надеждѣ на скорое свиданіе.

11.

Въ Воробьевку. 20 іюля 1889 г.

Дорогая и глубокоуважаемая Марья Петровна, сердечно поздравляю васъ съ днемъ вашихъ именинъ и очень сожалѣю, что долженъ сдѣлать это по почтѣ, а не лично. Но благоразуміе удерживаетъ меня въ Москвѣ и ея окрестностяхъ,—во-первыхъ, потому, что я уже третій мѣсяцъ нездоровъ, такъ что, будучи въ Петербургѣ ѣздилъ даже къ Сергѣю Петровичу, который нашелъ у меня болѣзненное состояніе симпатическихъ нервовъ и предписалъ спокойную жизнь, а также и благодѣтельныя пилюли изъ ляписа, белладоны и еще чего-то, которыя весьма мнѣ помогли, но все-таки я еще не совсѣмъ пришелъ въ нормальное состояніе. А во-вторыхъ, въ августѣ мѣсяцѣ мнѣ можетъ предстоять крайняя необходимость по одному очень важному для меня обстоятельству съѣздить еще въ Петербургъ, а это сдѣлать удобнѣе изъ Москвы, нежели изъ Воробьевки. Вотъ я и сижу въ родительской квартирѣ вдвоемъ со старухой кухаркой и лишь время отъ времени навѣщаю родныхъ и знакомыхъ, обитающихъ въ предѣлахъ Московской губерніи. Будьте здоровы, глубокоуважаемая Марья Петровна. Кланяюсь Екатеринѣ Владиміровнѣ. Аѳанасію Аѳанасьевичу прилагаю особый листъ.

12.

Дорогой и глубокоуважаемый Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Искренно сожалѣю, что по причинамъ, которыя объясняю въ письмѣ Марьѣ Петровнѣ, не придется мнѣ это лѣто быть въ Воробьевкѣ. Впрочемъ, недалеко ужъ и до осени, и скоро надѣюсь обнять васъ въ Москвѣ. Что то вы подѣлываете? Не забывайте, что осенью мы съ вами должны собрать новый выпускъ „Вечернихъ Огней“. Что касается до меня, то, несмотря на нездоровье, я работаю въ одиночествѣ усерднѣе обыкновеннаго. Съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись, вышелъ здѣсь мой переводъ Канта, который вручу при свиданіи, а въ Парижѣ—французская книга, которой, какъ слышу, появилось уже второе изданіе. Но я не получалъ еще ни одного экземпляра и никакихъ извѣстій, кромѣ того, что мои пріятели іезуиты сильно меня ругаютъ за вольнодумство, мечтательность и мистицизмъ. Вотъ и угоди на людей! Я, впрочемъ, не только объ угожденіи, но даже и объ убѣжденіи людей давно оставилъ попеченіе. Довольно съ меня свидѣтельствовать, какъ умѣю, объ истинѣ, въ которую вѣрю, и о лжи, которую вижу. А тамъ, что Богъ дастъ. Въ настоящее время я, такъ сказать, ѣду на тройкѣ: въ корню у меня семилѣтній трудъ, который только что теперь окончилъ вчернѣ и началъ набѣло, а на пристяжкѣ, съ одной стороны, разрушеніе славянофильства для осеннихъ №№ „Вѣстника Европы“, а съ другой стороны, разсужденіе „о красотѣ“ для перваго № Гротовскаго журнала. Опредѣляю красоту съ отрицательнаго конца какъ *чистую безполезность*, а съ положительнаго какъ *духовную тѣлесность*. Сіе послѣднее будетъ ясно только изъ самой статьи, которая, надѣюсь, заслужитъ ваше одобреніе.—Будьте здоровы, дорогой мнѣ Аѳанасій Аѳанасьевичъ, и не поминайте лихомъ неизмѣнно васъ любящаго.

13.

Въ Воробьевку. 20 іюля 1890 г. Ст. Дѣдова.

Дорогая и глубокоуважаемая Марья Петровна! Спѣшу написать нѣсколько словъ, чтобы во-время поздравить васъ съ 22-ымъ іюля. Я на дорогѣ въ Петербургъ, по возвращеніи откуда думаю (и почти увѣренъ), что пріѣду въ Воробьевку. Объ васъ съ Аѳанасьемъ Аѳанасьевичемъ узнаю только изъ „Русскаго Обозрѣнія“. Но скоро надѣюсь увидѣться. Это лѣто, впрочемъ, вы не были одиноки, а я частью проводилъ время въ Москвѣ совершенно одиноко на пустой квартирѣ съ дворникомъ и ласточками надъ моимъ окномъ (это мое единственное утѣшеніе въ Москвѣ, на-дняхъ вывелась цѣлая стая молодыхъ), частью же гостилъ въ окрестностяхъ Москвы у Трубецкихъ, Лопатиныхъ, у брата Миши и у сестры Поповой. Чувствую себя довольно хорошо и очень много работаю: становлюсь въ родѣ литературнаго поденщика. Аѳанасію Аѳанасьевичу напишу на досугѣ. Сердечно его обнимаю. Кланяюсь Екатеринѣ Владиміровнѣ.

14.

[1891—1892?]

Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, сегодня, къ сожалѣнію, не могу быть у васъ, зайду на дняхъ вечеркомъ. Не найдете ли вы возможнымъ передать мнѣ Шуфовскаго „Баклана“ для прочтенія находящемуся теперь въ Москвѣ редактору „Вѣстника Европы“? Поэма дѣйствительно хороша, особенно по нынѣшнему времени, а если она появится только отдѣльнымъ изданіемъ, минуя журналы, то ее никто не прочтетъ. Если вы не затруднитесь довѣрить мнѣ рукопись на нѣсколько дней, то передайте посланному, въ противномъ случаѣ нельзя ли вамъ будетъ освѣдомиться у автора и сообщить мнѣ при первомъ свиданіи.

P. S. Прилагаемую книжку прошу васъ передать Е. М. Семенковичъ, которая желала имѣть мой автографъ.

[Записки безъ обозначенія года].

15.

Многоуважаемый Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Ваше стихотвореніе въ „Руси“ начинается такъ: „Нынѣ первый мы слышали громъ“.— Я эти дни не свободенъ. Раньше вторника къ вамъ не соберусь.

16.

Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, мать и сестра все ещe больны, и весь домъ наполненъ непрестаннымъ кашлемъ. Я удрученъ спѣшными работами, но въ среду, если буду живъ, приду непремѣнно. Очень обрадованъ и польщенъ вашимъ вниманьемъ къ моимъ виршамъ и съ величайшимъ интересомъ буду слѣдить въ среду за движеньемъ вашего указательнаго перста. До свиданія.

17.

Сердечно поздравляю васъ, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Хотя я выѣзжаю и недѣлю прожилъ въ „Славянскомъ Базарѣ“, „очистился и показался священникамъ“, а сверхъ того постоянно употребляю въ большомъ количествѣ дезинфекціонныя средства, напримѣръ вино, — тѣмъ не менѣе опасаюсь къ вамъ сегодня пріѣхать, ибо хотя вы сами и Марья Петровна, насколько помню, свободны отъ микробофобическихъ суевѣрій, но, быть можетъ, сегодняшніе ваши гости имъ весьма подвержены. Во всякомъ случаѣ до свиданья. Мать и всѣ мои усердно васъ поздравляютъ. Сердечно кланяюсь Марьѣ Петровнѣ.

18.

Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Я заболѣлъ. Вчера даже думалъ, что совсѣмъ слягу. Сегодня лучше, но все-таки не выхожу. Въ прошлую среду вечеромъ у Баратынскихъ одна дама, кн. Вяземская, предсказала мнѣ болѣзнь, но кратковременную. Такъ какъ первая часть предсказанія сбылась, то, надѣюсь,—сбудется и вторая. Итакъ, до скораго свиданья.

19.

Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Въ виду продолжающейся простуды я отложилъ до завтра свой отъѣздъ и сижу дома за статьей о лирической поэзіи [1]). Если у васъ есть одна книжка Страхова о нашихъ поэтахъ, изданная года два тому назадъ, то, пожалуйста, пришлите мнѣ ее завтра часовъ въ 12. Хотя у насъ со Страховымъ совершенно различный образъ мыслей, но именно по части поэзіи есть общіе вкусы, а потому можетъ произойти совпаденіе и въ сужденіяхъ, чего я желалъ бы избѣжать. До скораго, надѣюсь, свиданія.

---

[1]) Статья: „О лирической поэзіи“ написана въ 1890 г.
Прим. ред.

Письма къ Л. Я. Гуревичъ.[1]

1.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна!

О „Русскомъ Обозрѣніи“ могу сообщить вамъ совершенно опредѣленныя извѣстія. Послѣ окончательнаго удаленія Цертелева журналъ перешелъ (или переходитъ) къ кружку учениковъ покойнаго К. Л. Леонтьева. Одинъ изъ нихъ, прив.-доцентъ здѣшняго университета по литературѣ, г. Александровъ (сотрудникъ „Русскаго Вѣстника“ и „Московскихъ Вѣдомостей“) уже утвержденъ, какъ я вчера слышалъ, редакторомъ.

Никакого участія въ новомъ журналѣ я принимать не могу какъ по личной дружбѣ къ Цертелеву, такъ и по публичной несолидарности съ направленіемъ Леонтьева.

Условій для успѣха этого предпріятія я не вижу никакихъ, но, впрочемъ, habent sua fata журналы.

Посылаю вамъ еще два стихотворенія и прошу прислать мнѣ еще 30 р. (въ счетъ настоящаго и будущаго): надѣюсь, что эта скромная сумма васъ не отяготитъ, а за мною не пропадетъ.

Будьте здоровы. Кланяюсь Акиму Львовичу[2]) и Альбову.

Преданный вамъ Влад. Соловьевъ.

Пишите въ Москву, Пречистенка, д. Лихутина. Виллежіатура моя окончилась.

---

[1]) Письма къ Л. Я. Гуревичъ были напечатаны въ „Добромъ Словѣ“ № 1, 1909 г. *Прим. ред.*

[2]) Т.-е. Флексеру (Волынскому). *Прим. ред.*

2.

10 октября 1891. Москва, Пречистенка, домъ Лихутина.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна!

Моя замѣтка [1]) была замѣчена и, слѣдовательно, достигла своей ближайшей цѣли. Къ ноябрской книжкѣ (также для второго отдѣла) готовлю другую, болѣе обширную. Прошу васъ впредь до прекращенія (?) голода удерживать весь мой гонораръ въ пользу голодающихъ (начиная значитъ съ октября), о чемъ и заявите въ ноябрской книжкѣ. Я могъ бы (при обыкновенныхъ условіяхъ) обойтись безъ такого заявленія, но разъ вы напечатали списокъ жертвователей, то отсутствіе между ними моего имени можетъ быть истолковано во вредъ мнѣ и моему дѣлу, а въ виду производимой противъ меня систематической охоты съ бѣшеными собаками я долженъ быть особенно остороженъ. Выходитъ коллизія двухъ евангельскихъ заповѣдей: о правой и лѣвой рукѣ, съ одной стороны, и о невведеніи въ соблазнъ малыхъ сихъ, съ другой. Отдаю предпочтеніе послѣдней, какъ относящейся не къ личной только, но и къ общественной нравственности.

До свиданія въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца.

Душевно вамъ преданный Влад. Соловьевъ.

О томъ, куда именно адресовать пожертвованія, нужно еще поговорить: это не такъ просто, какъ кажется.

---

[1]) „Нашъ грѣхъ и наша обязанность“, напечатанная въ октябрской книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ за 1891 г.

Л. Г.

3.

26 октября 1891.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна!

Со времени моего воззванія и даже со времени моей послѣдней телеграммы произошли важныя перемѣны. Во-первыхъ, я узналъ навѣрно, что рѣшено ни подъ какимъ видомъ не допускать общественной помощи голодающимъ, а во-вторыхъ, еще не готовая книжка философскаго журнала арестована въ типографіи не только изъ-за меня, но и за двѣ невинныя статьи Грота и Толстого о голодѣ. Въ этихъ обстоятельствахъ то, что я имѣю прямо сказать, никакъ не можетъ быть напечатано, а косвенные разговоры, которые могли бы быть напечатаны, неизбѣжно оказались бы слабѣе и туманнѣе перваго воззванія. Поэтому въ интересахъ дѣла (включая сюда и интересъ „Сѣвернаго Вѣстника“) необходимо пока промолчать. Если нельзя будетъ говорить и въ декабрскомъ №, то обѣщаю Вамъ какую-нибудь статью отвлеченнаго содержанія. Согласитесь, что лучше говорить о совсѣмъ постороннихъ предметахъ, нежели по поводу вопіющей бѣды испускать неопредѣленные звуки сквозь замазанный ротъ. Кому и чему можетъ быть полезно такое упражненіе? Я призывалъ къ общественной организаціи для помощи народу; теперь окончательно выяснилось, что для исполненія этого призыва (какъ я, впрочемъ, предвидѣлъ) необходимо перейти въ другую оперу, не даваемую на казенныхъ театрахъ.

Будьте здоровы. До скораго свиданія.

Преданный Вамъ Влад. Соловьевъ.

4.

Grand Hôtel d'Europe. St.-Pétersbourg.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна!

Если я не былъ у Васъ, то единственно лишь по той же причинѣ, по которой не былъ у своихъ родныхъ и многихъ близкихъ и старыхъ пріятелей — именно по недостатку времени или неумѣнію его экономно распредѣлять. Съ конца этой и начала будущей недѣли, вѣроятно, буду посвободнѣе.

Итакъ, до скораго свиданія.

Душевно преданный Влад. Соловьевъ.

5.

Grand Hôtel A. Delpech. Харьковъ, 19 мая 1892.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна!

Черезъ три-четыре дня пошлю Вамъ замѣтку: „Врагъ съ Востока“, которую желательно было бы не откладывать. Если Вы получите ее 26-го—27-го, не будетъ ли еще возможно помѣстить во 2-омъ отдѣлѣ іюньскаго №? Постараюсь прислать раньше. Врагъ съ Востока это не китаецъ, а пустыня,—моя замѣтка относится къ книгѣ Ермолова, о которой я Вамъ говорилъ.

Какъ видите, это лѣто я не устоялъ противъ своей номадной натуры и очутился вдругъ въ Харьковѣ довольно фантастическимъ образомъ. Пріѣхалъ сегодня утромъ, а сегодня же вечеромъ уѣзжаю въ Курскую губернію, откуда и пришлю Вамъ замѣтку.

Надѣюсь, что мой психопатическій protégé не слишкомъ Васъ доѣхалъ. „Носите тяготы другъ друга“: онъ надо мною уже скоро годъ, какъ отяготѣлъ.

Будьте здоровы. Сердечно кланяюсь Акиму Львовичу.

Преданный Вамъ Влад. Соловьевъ.

P. S. Замѣтка будетъ приблизительно листъ печатный, — можетъ-быть, немножко больше.

6.

Дер. Морщиха, 12 іюня 1892 г.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна!

Статья почти готова [1]), и я могъ бы Вамъ ее отправить согласно моей телеграммѣ въ понедѣльникъ 15-го іюня, но въ этотъ день я никакъ не могу быть въ Москвѣ, а на здѣшней почтовой станціи заказныхъ писемъ не принимаютъ, послать же простымъ, не имѣя другого экземпляра, не рѣшаюсь. Итакъ, вышлю 16-го или 17-го, а пока вотъ Вамъ два стихотворенія, которыя нужно напечатать непремѣнно вмѣстѣ, такъ какъ противоположность ихъ мотивовъ отнимаетъ у обоихъ слишкомъ личный и, такъ сказать, автобіографическій характеръ, который и нежелателенъ [2]).

А что переводы изъ Гейне—Фета? Онъ интересовался.

Опозданіе моей статьи къ іюньскому № оказалось для нея выгоднымъ, такъ какъ я благодаря этому успѣлъ воспользоваться книжкой проф. Докучаева, которая мнѣ очень на руку. Въ началѣ іюля собираюсь въ Петербургъ.

Будьте здоровы. Прошу Васъ передать мой поклонъ Акиму Львовичу и общимъ пріятелямъ, если кого увидите.

Истинно Васъ уважающій В. Соловьевъ.

---

1) Статья: „Врагъ съ Востока“, напечатанная въ іюньской книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ за 1892 г.

Л. Г.

2) Стихотворенія, которыя начинаются словами: „Потому ль, что сердцу надо жить однимъ, одно любя!..“ и „Вѣтеръ съ западной страны слезы навѣваетъ“.

Л. Г.

Во второмъ примѣчаніи Л. Я. Гуревичъ къ 6-ому письму В. Соловьева упомянуто стихотвореніе, не вошедшее ни въ одно изданіе „Стихотвореній“, поэтому мы и печатаемъ его здѣсь:

Потому-ль, что сердцу надо
Жить однимъ, одно любя,
Потому-ль, что нѣтъ отрады
Не отдавшему себя;

Оттого ли, что судьбою
Наши сблизились пути,
И съ тобой, съ тобой одною
Могъ я счастіе найти,—

Оттого ли, потому ли,—
Но въ тебѣ, въ тебѣ одной
Безвозвратно потонули
Сердце, жизнь и разумъ мой.

Влад. Соловьевъ.

(„Сѣв. Вѣстникъ“, іюль 1892 г., стр. 218).

7.

19 іюля 1892. Дер. Морщиха.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна!

Вѣроятно, это посланіе со статьей придетъ къ вамъ не завтра, какъ слѣдовало, а нѣсколько позднѣе, ибо мнѣ никакъ невозможно было выбраться въ Москву, и я посылаю косвенными путями, par bonté.

Будьте столь добры по полученіи рукописи распорядиться, чтобы мнѣ по приблизительному разсчету послали гонораръ (также за стихотвореніе). По причинѣ лѣтняго одиночества и всегдашней непрактичности я впалъ въ крайность и принужденъ даже заложить часы.

Деньги послать нужно по Московскому адресу: Москва, Пречистенка, домъ Лихутина, Влад. Серг. Соловьеву.

Тороплюсь, чтобы не упустить оказіи. Сегодня же для Вашего спокойствія пошлю телеграмму объ отправкѣ. Будьте здоровы.

Сердечно кланяюсь редакціи „Сѣвернаго Вѣстника“.

Душевно преданный Влад. Соловьевъ.

P. S. Нельзя ли прислать мнѣ корректуру въ 2 экземплярахъ на Сходню (въ простой бандероли). Если поздно для исправленія, то хоть одинъ экземпляръ для меня.

8.

20 августа 1892. Москва, Причистенка, д. Лихутина.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна!

„Русской Мысли“ и „Недѣли“ я еще не видалъ, но, вѣроятно, увижу сегодня или завтра. Я самъ думаю, что полезно было бы продолжать выясненіе вопроса, какъ возможно и должно дѣйствительно помогать народу. Прямой полемики намѣренъ избѣгать, и. вѣроятно, сумѣю это сдѣлать, но какъ быть съ цензурою? Вотъ настоящая бѣда. И въ послѣдней статьѣ, благодаря исключенію нѣсколькихъ необходимыхъ словъ, вышло нѣчто загадочно-оффиціозное. Изъ дружбы къ Вамъ готовъ еще разъ подвергнуться неизбѣжнымъ операціямъ. Къ Вашему пріѣзду, вѣроятно, скажу Вамъ что нибудь болѣе опредѣленное. Но въ принципѣ замѣтка или даже статья для октябрской книжки есть дѣло рѣшенное.

До скораго свиданія.

Преданный Вамъ В. Соловьевъ

Чтобы удивить Васъ аккуратностью, прилагаю росписку.

Письма къ о. П. Пирлингу.

Москва, Пречистенка, д. Лихутина. 31 января 1887.

Досточтимый Отецъ!

Преосвященнѣйшій Штроссмайеръ сообщаетъ мнѣ Ваше письмо къ нему, въ коемъ Вы передаете желаніе г. Леруа-Болье имѣть достовѣрныя свѣдѣнія о моей „религіозной системѣ“. Это предложеніе, открывающее мнѣ возможность подѣлиться своими мыслями съ образованною публикою всего свѣта, тѣмъ болѣе мнѣ пріятно, что въ настоящее время, вслѣдствіе цензурныхъ гоненій, я почти вовсе лишенъ возможности обращаться къ собственно русской публикѣ.

Заданная мнѣ Вами и г. Леруа-Болье задача будетъ, я думаю, наиболѣе цѣлесообразно исполнена, если я напишу самъ на французскомъ языкѣ по возможности краткое и полное изложеніе тѣхъ понятій о религіи и церкви, которыя составляютъ, по моему разумѣнію, принципіальную основу для дѣла соединенія церквей; сюда войдетъ, вѣроятно, и философское оправданіе тѣхъ трехъ ученій католической церкви, которыя составляютъ главную доктринальную преграду между нею и Востокомъ: именно ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына; затѣмъ ученіе о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы и наконецъ infallibilitas Summi Pontificis ex cathedra.

Все это составитъ статью отъ 4 до 5 печатныхъ листовъ, которую я уже началъ писать подъ заглавіемъ: „Philosophie de l'Eglise universelle“. Этою статьею г. Леруа-Болье можетъ воспользоваться

или въ рукописи, или въ печатномъ видѣ, смотря по тому, когда онъ намѣренъ издавать свой III-ій [1]) томъ.

Прошу Васъ очень написать мнѣ подробности объ этомъ дѣлѣ, дабы я зналъ, насколько мнѣ нужно спѣшить съ своимъ писаніемъ.

Что касается до lettre-programme, о которой Вы упоминаете, то тутъ есть нѣкоторое недоразумѣніе. Краткій протестъ [2]), который я вынужденъ былъ напечатать въ защиту себя отъ недобросовѣстныхъ нападеній нашихъ псевдо-православниковъ, едва ли можетъ имѣть какой-нибудь интересъ для европейской публики.

Съ истиннымъ уваженіемъ остаюсь Вашего Преподобія покорный слуга

Вл. Соловьевъ.

P.S. Одновременео съ этимъ пишу о. И. М. Мартынову.

---

[1]) Anatole Leroy-Beaulieu, авторъ 3-томнаго сочиненія: „L'Empire des Tsars et les Russes".

[2]) Протестъ—вѣроятно, письмо, написанное въ Москвѣ 28-го ноября 1876 г. и напечатанное въ „Новомъ Времени" 30-го ноября, № 3864, противъ статьи, появившейся въ „Благовѣстѣ".

Прим. о. Ширлинга.

2.

Москва, Пречистенка, д. Лихутина. [Безъ даты; отправлено 26 февраля 1887.]

Досточтимый Отецъ!

Изъ письма Вашего ко мнѣ заключаю, что начатая статья: „Philosophie de l'Eglise universelle“ едва-ли будетъ на что-нибудь пригодна для г. Леруа-Болье. Болѣе интересно для него будетъ предисловіе къ моему сочиненію о Теократіи (первый томъ напечатанъ и долженъ скоро выйти въ свѣтъ). Въ этомъ предисловіи я передаю и внѣшнюю сторону той общественно-литературной борьбы, которая была возбуждена вопросомъ о соединеніи Церквей, и которая нынѣ превратилась, говоря военнымъ языкомъ, въ „односторонніе маневры“, ибо тяготѣющій надо мною цензурный запретъ не мѣшаетъ моимъ благороднымъ противникамъ нападать на меня съ тѣмъ бо̀льшею яростью. Впрочемъ, я не знаю, читаетъ ли г. Леруа-Болье по-русски,—вѣроятнѣе, что нѣтъ,—и слѣдовательно, мое предисловіе не будетъ ему доступно. А потому сообщаю Вамъ для передачи ему при случаѣ слѣдующія краткія фактическія свѣдѣнія о внѣшней судьбѣ возбужденнаго мною вопроса. Статьи мои касательно соединенія Церквей печатались (съ 1883 по 1886 г.) частію въ „Православномъ Обозрѣніи“, частію въ славянофильскихъ органахъ, „Русь“ Аксакова и „Извѣстія Петербургскаго Славянскаго Общества“. Тѣ статьи или собранія статей, которыя я издалъ отдѣльно, разошлись довольно быстро, но вторыя изданія ихъ задержаны цензурой. Изъ писателей, возражавшихъ мнѣ въ печати, можно назвать двухъ главныхъ представителей славянофильства (недавно умершихъ) И. С. Аксакова и Н. Я. Данилевскаго. Всѣхъ статей (значительныхъ по содержанію или по объему), изданныхъ противъ меня по вопросу соединенія Церквей, извѣстно

мнѣ 27, не считая мелкихъ замѣтокъ и пасквилей, продолжающихъ являться и до сего дня. Съ августа прошлаго года все представляемое мною въ духовную цензуру безусловно запрещается. Изъ этихъ фактовъ можно, мнѣ кажется, вывести заключеніе, что начатое мною литературное движеніе въ пользу церковнаго единства остановлено (пока) не равнодушіемъ общества, а единственно лишь вмѣшательствомъ принудительной власти. Это, разумѣется, подаетъ хорошія надежды на будущее. Что же касается до настоящаго, то я позволю себѣ съ полною откровенностью указать Вамъ на слѣдующее обстоятельство.

Я совершенно понимаю, что въ католическомъ мірѣ моя дѣятельность можетъ быть интересна лишь настолько, насколько она имѣетъ успѣхъ въ Россіи. Но, съ другой стороны, вслѣдствіе незрѣлости нашего общества рѣшительный успѣхъ у насъ обезпеченъ тому дѣлу, на которое обращено вниманіе въ Европѣ. Вотъ почему я намѣренъ все-таки продолжать свою „Philosophie de l'Eglise“ и прислать ее Вамъ или кому-нибудь изъ своихъ добрыхъ знакомыхъ въ Парижѣ для исправленія и напечатанія тѣмъ или другимъ способомъ. Надѣюсь, что черезъ это я не нарушу нравственной границы между тѣмъ, что мы должны представлять на волю Божію, и тѣмъ, къ чему намъ должно прилагать свои собственныя старанія.

Если Вы найдете что-нибудь написать мнѣ по поводу всего этого, то я буду очень радъ и Вамъ благодаренъ.

Изъ Петербурга пишутъ мнѣ о нѣкоторомъ благопріятномъ (для соединенія Церквей) движеніи въ самыхъ высокихъ сферахъ. Богъ знаетъ, что изъ этого выйдетъ, но все же лучше, чѣмъ ничего.

Прошу Васъ передать мой глубокій поклонъ почтенному сожителю Вашему И. М. Мартынову. На-дняхъ собираюсь вторично написать ему.

Съ истиннымъ уваженіемъ

остаюсь Вашъ покорный слуга

Влад. Соловьевъ.

3.

Москва, Пречистенка, д. Лихутина. 28 марта 1887.

Оба Ваши письма, досточтимый Отецъ, дошли до меня, хотя, повидимому, не мнѣ одному пришлось быть ихъ читателемъ. А письмо г. Lorin такъ и зачитано въ промежуточной инстанціи, о чемъ я весьма жалѣю. На-дняхъ буду писать ему. А Вамъ замедлилъ нѣсколько отвѣтомъ по причинѣ многихъ срочныхъ занятій. Между прочимъ, на этой недѣлѣ прочелъ двѣ публичныя лекціи (въ пользу бѣдныхъ студентовъ здѣшняго университета) на тему: „Славянофильство и русская идея“. Въ заключеніе второй лекціи я указалъ на нравственную необходимость для Россіи „исполнить всякую правду“ признаніемъ Вселенскаго Первосвященника, безъ чего, по моему убѣжденію, мы не можемъ осуществить своего всемірнаго историческаго призванія. Довольно многочисленная публика, состоявшая изъ отборнаго московскаго общества съ остатками старыхъ славянофильскихъ кружковъ во главѣ, встрѣтила меня сперва сочувственно, но, разумѣется, была озадачена и недовольна заключеніемъ, хотя и не выразила ничѣмъ своего неудовольствія. Я же доволенъ, что высказалъ эту мысль именно при такихъ условіяхъ и обстоятельствахъ.

Книга псевдо-Асташкова [1]), о которой Вы меня спрашиваете, произвела на меня двойственное впечатлѣніе. Первая половина—объ исхожденіи Св. Духа—слишкомъ схоластична, а въ полемическихъ мѣстахъ обнаруживаетъ непозволительное и ненужное озлобленіе (не говоря уже о разныхъ ошибкахъ). Вторая часть—о примать—гораздо лучше; живостью и ясностью изложенія она могла бы производить хорошее дѣйствіе, если бы была издана особо отъ первой.

Будьте здоровы. Мой привѣтъ общимъ знакомымъ.

Съ истиннымъ уваженіемъ преданный

Влад. Соловьевъ.

Благодарю Васъ очень за любезно предложенное содѣйствіе, которымъ не премину воспользоваться.

---

[1]) Асташковъ—псевдонимъ. Его книга: „Исхожденіе Св. Духа и Вселенское Первосвященство“; изданіе Сергѣя Асташкова; Фрейбургъ въ Бризгавѣ; у книгопродавца П. Гердера; 1886.

Прим. о. Перлинга.

4.

[Безъ даты; получено 23 мая 1887.]

Досточтимый Отецъ!

Я уѣхалъ изъ Москвы на неопредѣленное время (вѣроятно, до октября). Прошу Васъ очень сообщить мнѣ по прилагаемому адресу, остаетесь ли Вы на лѣто въ Парижѣ, и если нѣтъ, то куда нужно будетъ Вамъ писать. Въ будущемъ мнѣ придется, я думаю, отослать Вамъ свою „Philosophie de l'Eglise universelle“, согласно Вашему любезному обѣщанію позаботиться объ этой статьѣ. Будьте такъ добры, напишите мнѣ адресъ г. Леруа-Болье, чтобы я могъ распорядиться о высылкѣ ему моей русской книги. Она уже должна была выйти недѣли двѣ тому назадъ, хотя я не имѣю еще извѣстій объ этомъ изъ Загреба.

Если Вы видаетесь иногда съ г. Lorin, то не можете ли узнать, получилъ ли онъ письмо отъ меня. Я отправилъ ему одновременно два: почтою и черезъ частныя руки, по тому адресу, который получилъ отъ него еще въ Дьяковѣ (186, rue de Fbg. St. Honoré).

Будьте здоровы и не оставьте меня увѣдомленіемъ.

Съ истиннымъ уваженіемъ душевно Вамъ преданный

Влад. Соловьевъ.

Московско-Курской желѣзной дороги станція *Коренная Пустынь*. Его Высокородію Аѳанасію Аѳанасьевичу Шеншину (с. Воробьевка), съ передачей В. С. С.

5.

[Безъ даты; получено 12 іюня 1887.]

Досточтимый Отецъ!

Почта русская живетъ не подъ закономъ, а подъ благодатью. Сегодня доставляютъ мнѣ повѣстку изъ Курска съ подписью *вторично*, а между тѣмъ первичнаго я не получалъ; возвѣщено заказное письмо, полученное 13-го мая (а сегодня 25-ое); возможно, что это Ваше прежнее письмо, о которомъ Вы пишете. Если же нѣтъ, то не замедлю прислать Вамъ удостовѣреніе въ неполученіи на французскомъ языкѣ. О рѣчи или лекціи кардинала Маццелла [1]) я зналъ изъ отчета одной итальянской газеты, которую мнѣ прислала изъ Рима нѣкая госпожа Полозова, которая, какъ сообщали мнѣ ея друзья (самъ я ее лично не знаю)..... возревновала о православіи и обрушивается на меня какъ на отступника съ филиппиками, не вполнѣ, впрочемъ, цѣлесообразными, ибо эта стремительная дама отожествила меня съ (псевдонимомъ) Асташковымъ. Очень любопытно будетъ прочесть самый текстъ кардинала Маццеллы. Отъ души благодарю Васъ за эту посылку и надѣюсь, что она такъ или иначе до меня дойдетъ. Я получилъ извѣстіе изъ Загреба, что книга моя вышла еще въ концѣ апрѣля, но разослана ли по доставленнымъ мною адресамъ — не знаю. Я, кажется, писалъ Вамъ, что для смягченія цензурнаго Цербера я исключилъ (т. е. перенесъ во второй томъ) отдѣлъ о приматѣ Петра. Отъ этого, конечно, настоящій томъ значительно потерялъ въ интересѣ. Тѣмъ болѣе считаю я нужнымъ издать французское résumé сего моего труда. Я написалъ уже довольно много изъ этого résumé. Выходитъ три части или главы (порядокъ не совсѣмъ тотъ, какъ въ большомъ сочиненіи): I. Общая идея Церкви. II. Взглядъ на историческія условія ея развитія. III. Принципіальный базисъ для соединенія Церквей. Я разумѣю

---

[1]) Mazzella C. Card. „Risposta ad alcune questione sopra il ritorno de'Greci scismatici alla Chiesa Cattolica“ Roma 1887. Этотъ разборъ вопросовъ, поставленныхъ Вл. С. въ „Руси“ за 1883 г. Есть русскій переводъ, у Гердера, Фрейбургъ въ Брпзгавѣ, 1889, 24 стр.
Прим. о. Пирлинга.

подъ этимъ разъясненіе истиннаго смысла трехъ главныхъ догматовъ, которые раздѣляютъ Востокъ и Западъ: Filioque, Immaculata Conceptio и Infallibilitas ex cathedra.

Я написалъ довольно длинное письмо Леруа-Болье и послалъ ему table des matières своей „Philosophie de l'Eglise universelle“. Собираюсь написать и епископу Штроссмайеру, у котораго я еще въ письменномъ долгу.

Будьте здоровы, досточтимый Отецъ.

Душевно преданный Вамъ.

Влад. Соловьевъ.

6.

31 мая (12 іюня) 1887.

Досточтимый Отецъ!

Мое предположеніе о томъ, что письмо Ваше и брошюра только залежались на здѣшней почтѣ, къ сожалѣнію, не оправдалось. Полученная мною вторичная посылка (безъ первой) относилась къ письму, давно уже мнѣ доставленному. Вотъ какіе удивительные порядки! А отправленное Вами такъ и пропало. Спѣшу послать Вамъ требуемое увѣдомленіе по-французски; надѣюсь, оно достаточно опредѣленно.

Я былъ вчера огорченъ извѣстіемъ, что книга моя подпала духовной цензурѣ и, несмотря на произведенныя въ ней мною самимъ кастраціи, вѣроятно, будетъ запрещена. Адресованные въ Россію экземпляры задержаны. Получилъ ли по крайней мѣрѣ о. Мартыновъ посланные на его имя экземпляры для него и для Васъ?

Мой братъ писалъ мнѣ изъ Москвы недѣли три тому назадъ, что тамъ получено на мое имя письмо изъ Парижа, по моимъ соображеніямъ—отъ о. Мартынова. Я просилъ переслать мнѣ это письмо сюда, но до сихъ поръ не получилъ. Какъ только получу, не замедлю отвѣтить.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ

Влад. Соловьевъ.

Monsieur.

Ce n'est que par Votre lettre du 24 Mai que j'ai su que Vous m'avez envoyé le 12 mai une lettre assurée et une brochure italienne sous banderolle (sic) assurée. Je n'ai reçu ni l'une, ni l'autre.

Les recherches qu'on a faites au service de poste ici n'ont abouti à rien. Evidemment vos envois ne sont pas parvenus jusqu'à Koursk. Veuillez bien, Monsieur, Vous renseigner à la poste de Paris sur le sort de Vos envois, dont la perte serait fâcheuse pour moi.

Agréez, Monsieur, l'expression de mon profond respect.

D-r Vladimir Soloviev.

Le 31 mai (12 juin) 87.

7.

20 іюня (2 іюля) 1887.
Коренная Пустынь, у Аѳ. Аѳ. Шеншина.

Досточтимый Отецъ!

Вчера получилъ извѣстіе изъ Москвы, что итальянская брошюра прибыла туда. Такимъ образомъ безъ вины виноватъ передъ Вами, причинивши напрасныя хлопоты съ французской почтой. Простите великодушно.

Благодарю Васъ за добрый совѣтъ (въ послѣднемъ письмѣ) относительно сокращенія моей „Philosophie“. Постараюсь его исполнить, хотя не знаю, удастся ли мнѣ это въ полной мѣрѣ. Но вотъ соображеніе, которое позвольте предложить на Вашъ судъ.

Въ виду безусловнаго запрещенія, которому подвергнутъ первый томъ моей „Теократіи“, я долженъ отложить на неопредѣленное время продолженіе этого изданія, ибо я не имѣю матеріальной возможности печатать многотомное русское сочиненіе, не допускаемое въ Россію. Поэтому мнѣ хотѣлось бы, чтобы мой французскій essai до нѣкоторой степени замѣнилъ пока всѣ три или четыре тома русской книги, а въ такомъ случаѣ онъ не можетъ уже быть слишкомъ краткимъ. Я имѣю въ виду цѣлую книжку, хотя и небольшую. А затѣмъ, если бы кто-нибудь изъ интересующихся этимъ предметомъ во Франціи нашелъ полезнымъ и возможнымъ сдѣлать analyse моей книжки въ видѣ журнальной статьи для болѣе обширнаго круга читателей и помѣстить эту статью въ одномъ изъ распространенныхъ французскихъ revues, то это было бы все, чего я могу желать.

Вопросъ теперь въ томъ, найдется ли во Франціи такой libraire-éditeur, который бы взялъ мою книжку на свое попеченіе.

Не имѣя опредѣленныхъ средствъ къ существованію, я употребилъ около 2000 на изданіе перваго тома „Теократіи“ и теперь сижу безъ гроша и безъ всякихъ надеждъ на лучшее при настоящемъ положеніи дѣлъ у насъ. Это само по себѣ меня очень мало печалитъ, ибо довлѣетъ дневи злоба его, и я упомянулъ объ этомъ только, чтобы Вы видѣли необходимость для меня искать издателя. Пожалуйста, напишите мнѣ, что Вы думаете на счетъ этого.

Извѣстіе Ваше о неполученіи моей русской книги и въ Парижѣ приводитъ меня въ немалое смущеніе. Повидимому, сверхъ русской цензуры въ моихъ бѣдствіяхъ виновна и загребская типографія, которой еще въ началѣ апрѣля посланъ списокъ адресовъ. Если же и этотъ списокъ не дошелъ по назначенію, то я уже не знаю, что дѣлать. Впрочемъ, какъ-нибудь все устроится. Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ.

Со слѣдующей почтой начну злоупотреблять Вашею добротою, и пришлю Вамъ первые листы своей „Philosophie“. Думаю, что по частямъ посылать менѣе рискованно; къ тому же я успѣю такимъ образомъ воспользоваться Вашими замѣчаніями для дальнѣйшаго изложенія.

Письмо Леруа-Болье надѣюсь получить на-дняхъ. Соболѣзную о его нездоровьѣ. Самъ я страдаю непрерывными невралгіями. Желаю Вамъ лучшаго здоровья и остаюсь съ истиннымъ къ Вамъ уваженіемъ.

Влад. Соловьевъ.

8.

14—26 іюля 1887. Моск. курск. ж. д., ст. Коренная цустынь, у Аѳ. Аѳ. Шеншина.

Досточтимый Отецъ!

Изъ письма Вашего я вижу, что мнѣ не удалось сократить. какъ слѣдуетъ, посланную Вамъ вступительную главу. Сокращать, какъ извѣстно, гораздо труднѣе, нежели распространять. Я готовъ вполнѣ положиться на мнѣніе Ваше совмѣстно съ О. Мартыновымъ и Леруа-Больё. Но вотъ вопросъ: что же мнѣ теперь дѣлать? Вы согласитесь, что въ сочиненіи, озаглавленномъ: *Philosophie de l'Eglise universelle* нельзя вовсе обойтись безъ общихъ соображеній и отдаленныхъ умствованій. Если же Вы находите, что я долженъ бросить это мною обдуманное и наполовину уже написанное сочиненіе и заняться другимъ, то спрашивается: какимъ именно? Писать о соединеніи церквей безъ общихъ соображеній и умствованій значитъ писать объ этомъ предметѣ *историческое изслѣдованіе*. Но для этого нужны цѣлые томы. Я и предполагалъ посвятить дальнѣйшіе томы „Теократіи“ главнымъ образомъ историческому изслѣдованію вопроса. Это крайне нужно для *русской* публики; но, какъ Вамъ извѣстно, мои заботы о ней должны быть отложены до лучшаго времени. Что же касается до французовъ, то они въ этомъ не особенно нуждаются, и если нельзя найти издателя для маленькой книжки, то для нѣсколькихъ томовъ и подавно.

Въ виду всего этого я не могу придумать ничего иного, какъ обратиться къ Вамъ со слѣдующимъ предложеніемъ. Не найдете-ли Вы возможнымъ (одни или сообща съ другими компетентными лицами) подвергнуть мое французское сочиненіе тѣмъ сокращеніямъ и измѣненіямъ *въ изложеніи*, которыя сдѣлаютъ его болѣе цѣлесообразнымъ? Съ моей стороны было бы совер-

шенно нелѣпо печатать о соединеніи церквей что-нибудь такое, что не одобрялось бы представителями католической церкви.

Съ большимъ интересомъ буду ждать Вашего отвѣта. Не забудьте также написать Ваше откровенное мнѣніе о томъ, въ *какой степени* ужасенъ мой французскій языкъ.

Такъ какъ Леруа-Больё спрашивалъ моего мнѣнія о русскомъ расколѣ, то я ему послалъ печатную статью объ этомъ предметѣ, по сообщенному Вами парижскому адресу, хотя на его письмѣ стоялъ другой,—повидимому, дачный.

Такъ-ли я сдѣлалъ? Куда ему лучше писать?

Получилъ-ли о. Мартыновъ мое письмо по поводу одной нашей соотечественницы?

Катковъ умираетъ, или уже и умеръ. Можно ждать большихъ перемѣнъ. Простите.

Душевно преданный

Влад. Соловьевъ.

9.

17—29 іюля 1887. Моск. Курск. ж. д., ст. Коренная пустынь, у Аѳ· Аѳ. Шеншина.

Досточтимый Отецъ!

Отправивъ Вамъ послѣднее письмо, я еще долго размышлялъ, о предметѣ нашей переписки и пришелъ къ убѣжденію, что Вы совершенно правы.

Необходимо перемѣнить весь планъ сочиненія. Во-первыхъ мнѣ на этотъ разъ никакъ не удается дать своимъ религіозно-философскимъ посылкамъ такое выраженіе, которымъ бы я самъ могъ быть доволенъ.

А во-вторыхъ, въ виду главной задачи (соединенія церквей) нужно соблюдать большую осторожность. Эта задача и безъ того для большинства людей, даже благонамѣренныхъ, представляется фантастическою, и увеличивать эту мнимую фантастичность дѣйствительными отступленіями въ область отдаленныхъ умствованій значило бы давать новое оружіе въ руки прямыхъ противниковъ дѣла. Имъ достаточно было бы прочесть первыя страницы предположеннаго сочиненія, чтобы, даже не заглядывая въ остальное, побѣдоносно восклицать: „О соединеніи церквей могутъ говорить только такіе полоумные фантасты какъ Соловьевъ, который находитъ что-то ужасное въ естественной смѣнѣ поколѣній, очевидно желая, чтобы дѣти рождали своихъ родителей, а не наоборотъ.“ —Въ лучшемъ случаѣ я нашелъ бы нѣсколько единомышленниковъ и послѣдователей, какъ нашли ихъ Фурье или Père Enfantin, которые писали еще хуже, чѣмъ я, но ради такого дешеваго и сомнительнаго успѣха дорогое и несомнѣнно важное дѣло соединенія церквей было бы компрометировано.

Итакъ, я рѣшился совсѣмъ уничтожить отдаленныя умствованія, т. е. всю первую часть, уже лежащую на моемъ столѣ, и затѣмъ ограничиться историческими и богословско-полемическими соображеніями, предпославши лишь нѣсколько словъ о ближайшемъ (нравственномъ) значеніи теократіи. Соотвѣтственно этому придется измѣнить названіе и дать напримѣръ такое: „La théocratie dans l'histoire et la réunion des Eglises". Остается та трудность, о которой я Вамъ писалъ прошлый разъ, а именно: какъ представить въ небольшой книжкѣ основательное, историческое разсужденіе (я не говорю ужъ изслѣдованіе) о такомъ огромномъ вопросѣ? Что же дѣлать? Нужно попытаться. А въ крайнемъ случаѣ лучше будетъ вовсе отказаться отъ обращенія къ европейской публикѣ, нежели выступать съ сочиненіемъ безполезнымъ или даже вреднымъ для дѣла.

Вслѣдствіе отчаянной медлительности и неаккуратности Загребской типографіи, я не знаю, выслала ли она мою книгу Леруа-Больё. Если о. Мартыновъ еще не сдѣлалъ никакого употребленія изъ третьяго экземпляра, присланнаго на его имя, то не можете ли Вы доставить его Леруа-Больё. Очень меня этимъ обяжете. Простите. Желаю Вамъ лучшаго здоровья, нежели мое.

Истинно Васъ уважающій

Влад. Соловьевъ.

10.

7—9 авг. 1887. Московско-Курской ж. д. станція Коренная Пустынь, Аѳ. Аѳ. Щеншину.

Досточтимый Отецъ!

Насколько позволяютъ мнѣ мои невралгіи, работаю надъ французскимъ сочиненіемъ по новому плану. Пишу и съ начала, и съ конца, и съ середины. По послѣднему указанію Вашему, уничтожилъ „La théocratie dans l'histoire“. Пусть будетъ пока: „La Réunion des Eglises et les devoirs (la mission historique?) de la Russie“. Одобряете ли послѣднюю прибавку и въ какой формѣ? „Les devoirs“ было бы болѣе адэкватно моей мысли.

Имѣю особенныя причины не откладывать этой работы въ долгій ящикъ. Со времени моего послѣдняго письма произошла важная перемѣна въ моихъ дѣлахъ. Совершенно неожиданно безъ всякихъ стараній съ моей стороны, Богъ послалъ мнѣ средства для печатанія второго тома „Теократіи“.

Такимъ образомъ, окончивши французское сочиненіе и еще одну полемическую брошюру, о которой Вамъ сообщитъ о. Мартыновъ, я долженъ отдаться исключительно обработкѣ второго тома „Теократіи“.

Можетъ-быть, отъ такого благопріятнаго поворота, но у меня явилось внутреннее чувство, что и съ французскимъ сочиненіемъ дѣло пойдетъ на ладъ...

Чѣмъ яснѣе вижу я все зло, проистекающее изъ націонализма, тѣмъ болѣе проникаюсь великимъ и священнымъ значеніемъ единой международной или сверхнародной церкви. Переводя теперь въ часы досуга „Энеиду“ русскими стихами, я съ особенною живостью ощущаю въ иныя минуты ту таинственную и вмѣстѣ естественную

необходимость, которая сдѣлала изъ Рима центръ Вселенской Церкви.

Dum domus Aeneae Capitoli immobili Saxum (πετρα)
Accolet, imperiumque Pater Romanus habebit.

Домъ Энеевъ пока Капитолія *камень недвижный*
Обитаетъ и власть за *Римскимъ Отцемъ* пребываетъ.

Чѣмъ это не пророчество? Конечно Виргилій думалъ не о папѣ... Но это предметъ тонкій, о которомъ слѣдуетъ писать утромъ, а не въ полночь. Я и то, кажется, заболтался.

Въ заключеніе упомяну, что и сегодняшнее солнечное затмѣніе, какъ наблюдавшееся всего полнѣе именно въ Россіи, не лишено, по моему, нѣкотораго таинственнаго значенія. Ближайшимъ образомъ оно относится къ министерству народнаго просвѣщенія, упразднившему университеты, и къ духовному вѣдомству, изгнавшему (по новому уставу) изъ семинарій и академій три древніе языка. Да пройдетъ это умственное помраченіе такъ же быстро, какъ сегодняшняя тѣнь на солнцѣ.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

О. Мартынову пишу длинное письмо и посылаю, согласно его желанію, VI томъ сочиненій Самарина.

11.

31 августа (12 сент.) 1887. Съ 1 октября пишите въ Москву.

Досточтимый Отецъ!

Очень обрадовали Вы меня какъ извѣстіемъ о книгѣ Abbé Villoy, такъ еще болѣе тѣмъ, что раздѣляете мои хорошія предчувствія. Съ интересомъ прочту Вашу историческую статью. Одну изъ прежнихъ Вашихъ работъ, о царѣ Димитріи, я читалъ еще при жизни моего отца, найдя ее у него на столѣ.

Продолжаю писать французское сочиненіе съ прежнею увѣренностью въ успѣшномъ окончаніи. Около 20-го сентября (ст. ст.) полагаю выѣхать отсюда на Москву и по пути заѣду въ одно имѣніе около Серпухова...

По цѣлой трети Вамъ легко будетъ составить опредѣленное мнѣніе о шансахъ найти издателя. Къ первымъ числамъ октября ст. ст. я долженъ быть непремѣнно въ Москвѣ, гдѣ адресъ мой прежній: Пречистенка, д. Лихутина.

Я вполнѣ согласенъ съ Вашимъ мнѣніемъ о полемическомъ памфлетѣ Самарина; *особаго* опроверженія онъ не стоитъ. Но что Вы скажете о рядѣ брошюръ подъ общимъ заглавіемъ: „Русская полемика противъ католичества въ XIX столѣтіи“? У меня еще въ прошломъ году былъ приготовленъ матерьялъ для четырехъ такихъ брошюръ:

1) Славянофилы и Іезуиты.
2) Митрополитъ Филаретъ и Вселенская Церковь.
3) Архіепископъ Никаноръ и папское главенство.
4) Архіепископъ Анатолій (Авдій Востоковъ) и А. Муравьевъ о православіи и католичествѣ.

Впрочемъ, объ этомъ еще рано говорить. Нужно сперва кончить французское сочиненіе. Относительно заглавія сего послѣдняго не будетъ-ли всего проще: „La Russie et l'Eglise universelle“?

Желаю Вамъ добраго здоровья и успѣшной работы, остаюсь душевно преданный Вамъ

Владиміръ Соловьевъ.

12.

Москва. Пречистенка, домъ Лихушина 4 (16) окт. 87.

Досточтимый Отецъ!

Одновременно съ этимъ письмомъ посылаю (почтовою посылкою) первые 30 листовъ моего французскаго сочиненія, для котораго я остановился на простомъ заглавіи: „La Russie et l'Eglise universelle“.

Посылаю пока меньше, чѣмъ думалъ: двукратное переписываніе нѣсколько замедляетъ дѣло, но надѣюсь, что все будетъ вполнѣ готово еще въ этомъ году.

Очень радъ, что Вы одобряете мое намѣреніе относительно полемическихъ брошюръ. Примусь за нихъ, какъ только покончу съ французскимъ сочиненіемъ. Впрочемъ, весь матерьялъ для этихъ брошюръ, равно какъ и для втораго тома „Теократіи“ у меня уже заготовленъ. Представьте себѣ, что судьба моего невиннаго перваго тома до сихъ поръ еще не рѣшена. Все это время онъ разсматривался свѣтскою цензурой, которая, наконецъ, признала свою некомпетентность и передала его въ духовную; отъ этой я ничего хорошаго не ожидаю. Впрочемъ, запрещеніе будетъ для меня неудобно только въ матерьяльномъ отношеніи: самъ по себѣ первый томъ въ отдѣльности отъ послѣдующихъ имѣетъ мало значенія. Болѣе озабочиваетъ меня печальное состояніе моего здоровья, но надѣюсь съ Божьей помощью не свалиться совсѣмъ прежде окончанія начатыхъ работъ. Кстати: не можете ли Вы пособить мнѣ однимъ указаніемъ? Величайшее мое страданіе состоитъ въ невозможности спать при малѣйшемъ звукѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я слышалъ, что какой то англичанинъ изобрѣлъ противъ этого средство: двѣ маленькія машинки вкладываются въ уши и совершенно предохраняютъ отъ всякаго звукового впечатлѣнія. Для меня это было бы благодѣяніемъ, и я при всей своей бѣдности готовъ заплатить хотя бы до 100 рублей за такую машину. Но въ московскихъ и петербургскихъ магазинахъ ничего о такомъ изобрѣтеніи не слыхали. Не знаете ли Вы объ этомъ или о какомъ бы то ни было способѣ оглохнуть? Не смѣйтесь надо мною: я и теперь пишу Вамъ послѣ двухъ совершенно безсонныхъ ночей.

Истинно Васъ уважающій

Влад. Соловьевъ.

13.

6/18 ноября 1887. Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Досточтимый Отецъ!

Окончаніе первой части готово, переписываю второй экземпляръ и на-дняхъ Вамъ вышлю. А вотъ пока заключительные тезисы, резюмирующіе эту первую часть.—

1) Il n'y a aucune raison de croire à un grand avenir pour la Russie dans le domaine de la culture purement humaine (institutions sociales, sciences, philosophie, arts et lettres).

2) La vraie orthodoxie du peuple russe n'a rien de particulier et ne saurait nous séparer de l'Occident.

3) Il ne se trouve ni dans l'église officielle, ni chez les dissidents aucun élément positif déterminant l'avenir religieux de la Russie.

4) Le césaropapisme russe est un principe d'origine étrangère et essentiellement antichrétien.

5) Il est absolument impossible de trouver ou de créer en Orient un centre d'unité et une garantie de liberté pour l'Eglise.

Благодарю Васъ за совѣтъ противъ безсонницы. Воспользуюсь имъ, если опять будетъ плохо. Теперь чувствую себя лучше. Этому способствуетъ постоянная веселость, возбуждаемая во мнѣ ежедневными глупостями со стороны господствующаго у насъ обскурантизма. Одна изъ послѣднихъ: на выставкѣ картоновъ, приписываемыхъ Рафаэлю, изъятъ рисунокъ, изображающій Христа, вручающаго ключи ап. Петру. А вотъ Вамъ подлинный отрывокъ

изъ проповѣди, произнесенной въ церкви однимъ извѣстнымъ протоіереемъ на поминкахъ по Катковѣ: „Общественное служеніе сего достохвальнаго покойника можетъ по справедливости быть названо *богослуженіемъ*, ибо онъ служилъ царю, который есть помазанникъ Божій.“

Все это весело, ибо чувствуется начало конца.

Будьте здоровы.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

14.

Москва, Пречистенка, д. Лихутина. 24 ноября 1887.

Досточтимый Отецъ!

На прошлой недѣлѣ послалъ Вамъ 46—121 страницы французской рукописи. Это съ прежнимъ около половины всего сочиненія, такъ какъ двѣ слѣдующія части меньше первой.

Съ большимъ интересомъ жду Вашего отзыва о моей критикѣ главныхъ русскихъ притязаній.

Надѣюсь въ декабрѣ (ст. ст.) прислать вторую, а въ январѣ—третью часть...

На-дняхъ получилъ оффиціальное извѣщеніе о запрещеніи моей книги. Это отчасти хорошо: къ тому времени, какъ снимется запрещеніе и будетъ возможна серьезная критика, я, быть можетъ, успѣю приготовить болѣе исправное и вооруженное изданіе перваго тома, да и слѣдующіе томы выйдутъ, дастъ Богъ. У насъ мракобѣсіе все возрастаетъ, также какъ и финансовое разстройство. Все предвѣщаетъ недалекую перемѣну къ лучшему.

Получилъ письмо отъ Леруа-Больё, который хвалитъ мою „Теократію“.

Здоровье мое лучше.

Будьте здоровы и не забывайте душевно преданнаго Вамъ

Влад. Соловьева.

15.

30 дек. 1887. Сергіевъ Посадъ.

Съ новымъ годомъ—съ новымъ счастьемъ, досточтимый Отецъ!

Подъ счастьемъ разумѣю я (по крайней мѣрѣ, для насъ съ Вами): 1) сносное здоровье, 2) поменьше матеріальныхъ заботъ и 3) спокойствіе духа, необходимое для успѣшной работы.

Моя, послѣ краткаго перерыва, пошла опять довольно быстро и легко, хотя вторая, положительная часть гораздо труднѣе первой. До конца (нашего) января надѣюсь прислать Вамъ заразъ все остальное.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

16.

15—27 янв. 1888 г. Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Досточтимый Отецъ!

Книга моя французская кончена и подвергнута первой перепискѣ, затѣмъ послѣдуетъ исправленіе слога и вторая, окончательная переписка. Все это возьметъ еще нѣсколько недѣль. Вѣроятно, я пришлю Вамъ и эту часть въ два пріема. Разумѣется, при печатаніи нужно будетъ еще пересмотрѣть всю книгу. Для этого, я полагаю, самое лучшее было бы пріѣхать мнѣ въ Парижъ. Ибо посылка корректуръ изъ Парижа въ Москву и обратно была бы не только замедленіемъ, но при моей мнительности и большимъ мученіемъ. Итакъ, если не встрѣтится какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ препятствій, то полагаю въ самомъ началѣ весны представиться лично Вамъ и о. Мартынову.

Сейчасъ прочелъ и отослалъ корректуру моей статьи: „Россія и Европа“, печатающейся въ „Вѣстникѣ Европы“. Содержаніе этой статьи совпадаетъ *отчасти* съ началомъ французской книги (критика нашего общественнаго, научнаго, философскаго и литературнаго состоянія). Редакторъ „Вѣстника Европы“ очень доволенъ этой статьей и даже называетъ ее „добрымъ дѣломъ“. Не знаю, покажется ли она добрымъ дѣломъ нашей цензурѣ.

Будьте здоровы. Истинно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

17.

1/13 февр. 1888. Москва, Пречистенка, домъ Лихутина.

Досточтимый Отецъ!

За-границу мнѣ все равно ѣхать нужно для 2-го тома „Теократіи“, который желательно бы напечатать болѣе исправно, нежели 1-ый. Жить въ Парижѣ все время печатанія французской книжки (буде я рѣшу ее печатать) нѣтъ необходимости. Я могу пріѣхать на 2—3 недѣли, чтобы помочь Вамъ найти для нея издателя и затѣмъ вернуться опять, чтобы, какъ Вы говорите, lancer le livre, а промежуточное время жить въ Австріи.

Впрочемъ, окончательное рѣшеніе мое относительно этой поѣздки будетъ отчасти зависѣть отъ Вашего отвѣта на настоящее письмо.

Съ истиннымъ уваженіемъ

преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

18.

21 февр. 1888. Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Досточтимый Отецъ!

Въ ожиданіи отвѣта Вашего на мое послѣднее письмо ничего новаго о своихъ дѣлахъ и намѣреніяхъ сообщить Вамъ не имѣю.

На сѣверо-западъ отъ Москвы вѣтеръ какъ будто начинаетъ мѣняться. На-дняхъ въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“ появилась безпрепятственно статья моя: „Россія и Европа“. Всего три мѣсяца тому назадъ подобная же и еще болѣе безобидная статья была найдена невозможною и уничтожена цензурою.

Кромѣ этого, есть и другіе признаки благопріятнаго поворота. Въ виду этого я предполагаю во всякомъ случаѣ значительно смягчить политическую часть моего французскаго сочиненія.

Войною у насъ не пахнетъ, не знаю, какъ у Васъ, въ Парижѣ.

Будьте здоровы.

Съ совершеннымъ почтеніемъ

Влад. Соловьевъ.

19.

7—19 апр. 1888. Москва.

Досточтимый Отецъ!

Наконецъ, вернувшись изъ Петербурга, выбралъ я свободную минуту написать Вамъ. Въ Петербургѣ (отчасти благодаря моей ужасной статьѣ) меня приняли съ такимъ empressement въ разныхъ кругахъ общества, начиная съ самыхъ высокихъ и кончая „умственнымъ пролетаріатомъ“, что я вмѣсто десяти предположенныхъ дней пробылъ тамъ цѣлый мѣсяцъ и не видѣлъ, какъ проходило время. То, что Вы пишете по поводу этой моей статьи, меня нѣсколько удивило. Что псевдо-патріотическая клика, которую я назвалъ „хрюкающимъ и завывающимъ воплощеніемъ національной идеи“, отозвалась на этотъ комплиментъ соотвѣтственною бранью — это было вполнѣ естественно и мною предусмотрѣно. Впрочемъ, какъ Вы увидите изъ прилагаемаго листка, не всѣ псевдо-патріотическіе органы отнеслись ко мнѣ такъ, какъ „Новое Время“ или какъ мой пріятель В. В. Стасовъ. Что же касается до органовъ не-шовинистскихъ, то всѣ они отозвались болѣе или менѣе сочувственно на моюстатью (напримѣръ, „Новости“ въ Петербургѣ, „Русскія Вѣдомости“ въ Москвѣ, „Кіевлянинъ“ въ Кіевѣ и т. д.). Подъ конецъ „Новое Время“, несмотря на свою особенную обиду, должно было понизить тонъ. (Если у Васъ въ Парижѣ получается эта газета, то посмотрите въ № отъ 27-го марта ст. ст. передовую статью подъ заглавіемъ: „Идея націи“, гдѣ на меня клевещутъ и ругаются уже не такъ самоувѣренно, какъ сначала.) Не могу не придать значенія тому факту, что небольшая журнальная статья въ *теченіе двухъ мѣсяцевъ* служитъ предметомъ оживленныхъ толковъ въ обществѣ и печати. Такъ какъ Вы интересуетесь моимъ личнымъ впечатлѣніемъ, то я долженъ Вамъ сказать, что *безусловно доволенъ* дѣйствіемъ моей статьи и рѣшительно продолжаю въ томъ же направленіи. Вторая, гораздо

болѣе обширная статья уже вышла въ апрѣльскомъ № „Вѣстника Европы“ и дальнѣйшія, трактующія объ „историческихъ грѣхахъ Россіи“, хотя и представляютъ болѣе трудностей съ цензурной точки зрѣнія, однако, какъ увѣряютъ меня опытные люди, могутъ быть все-таки напечатаны при нѣкоторомъ искусствѣ въ изложеніи. Сочувствіе лучшей части русскаго общества мнѣ обезпечено, а относительно худшей могу только сослаться на свой уже извѣстный Вамъ девизъ: Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ.

Я уже запасся паспортомъ и въ виду грозящаго дальнѣйшаго паденія курса—французскими банковыми билетами. Черезъ недѣлю думаю выѣхать и, заѣхавъ дня на два въ Карлсруэ,—явиться къ Вамъ. Если бы Вы написали мнѣ въ Карлсруэ poste restante адресъ той парижской гостиницы, которую Вы мнѣ рекомендуете, то я былъ бы Вамъ очень благодаренъ. Мнѣ нужно гостиницу дешевую и главное *тихую*. Но вотъ еще затрудненіе: я *давнишній* (хотя и не педантичный) *вегетаріанецъ*, и потому пансіонъ съ обязательнымъ табль д'отомъ для меня не годится. Но надѣюсь, что можно будетъ какъ-нибудь устроить.

Простите, что надоѣдаю Вамъ этими подробностями.

До скораго свиданія.

Истинно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

Въ моей библіотекѣ есть брошюра Вл. С.: „Еврейство и христіанскій вопросъ“, Москва 1884 г., съ собственноручными замѣтками автора на поляхъ. Привожу главнѣйшія изъ нихъ.—

Стр. 32, въ самомъ концѣ § II: *Здѣсь духовнымъ цензоромъ выпущено около 10 страницъ.*

Стр. 37. Вл. С. зачеркнулъ слова: „которыя наилучшимъ образомъ воплощали іерархическій элементъ христіанской теократіи“, и помѣтилъ: *здѣсь духовнымъ цензоромъ выпущено мѣсто о значеніи папства.*

Стр. 39. Вл. С. зачеркнулъ слова: „отсюда многія и другія злоупотребленія властью“ и замѣтилъ: *здѣсь духовнымъ цензоромъ выпущено мѣсто о враждѣ византійскихъ императоровъ противъ папъ.*

Ред.

Изъ записной книжки И. П. Лапшина (когда ему было 7 лѣтъ).

Милый Ваня!

Такъ какъ твой папа хочетъ, чтобы я написалъ тебѣ что-нибудь назидательное и такъ какъ я не знаю, какіе будутъ твои пути въ будущемъ, то я могу указать тебѣ только такую истину, которая обязательна для всѣхъ людей и на всѣхъ путяхъ.

Колеблется воля людей, что волна,
Но есть неизмѣнная воля святая.
Превыше временъ и пространства—одна
Красою сіяетъ идея живая,
И въ вѣчной тревогѣ одинъ недвижимъ
Духъ мощный все движетъ покоемъ своимъ.

Влад. Соловьевъ.

25-го сентября 1877 г.

Письма въ редакцію „Новаго Времени“.

1.

Изъ Загреба письмо первое. [1]) № 3738, 27 іюля 1886.

Между всѣми славянскими народностями хорваты отличаются тѣмъ, что у нихъ не одинъ только простой народъ, но и большинство „интеллигенціи“, всѣ выдающіеся дѣятели и патріоты твердо сохраняютъ добрыя чувства къ Россіи и смотрятъ на нее какъ на главную опору всего славянства. У прочихъ нашихъ единоплеменниковъ такія чувства и взгляды остались въ простомъ народѣ—и лишь въ меньшинствѣ образованнаго класса (о черногорцахъ здѣсь, конечно, нѣтъ рѣчи уже потому, что у нихъ образованный классъ еще не выдѣлился въ сакостоятельную величину). Чехи, совершивъ свое національно-вультурное возрожденіе подъ знаменемъ общей славянской идеи и въ живомъ общеніи съ русскими славянофилами, нынѣ вдались почти исключительно въ мѣстную національную политику, и главные вожди ихъ старались быть тонкими дипломатами, заигрывать не только съ поляками, но и мадьярами. Сербы и болгары отдались во власть враждебныхъ Россіи партій, а тѣ изъ нихъ, которые еще смотрятъ въ сторону Россіи, видятъ въ ней большею частью не законную предводительницу всего славянскаго міра, а лишь орудіе для своихъ мѣстныхъ партійныхъ интересовъ. Вообще у этихъ народовъ славянская идея, не успѣвъ еще опредѣлиться, попала на заносную почву религіознаго индифферентизма и мѣстнаго себялюбія и (говоря словами одного русскаго автора) быстро размѣнялась на мелочи. Въ недавнее время не только перомъ газетныхъ публицистовъ, но уже устами болѣе или менѣе вла-

---

[1]) Больше писемъ изъ Загреба не было. *Прим. ред.*

дѣтельныхъ (?) особъ было возвѣщено міру явленіе „сербской идеи“, „болгарскаго идеала“ и т. п. Эта сербская идея состоитъ въ томъ, чтобы захватить побольше чужихъ земель, этотъ болгарскій идеалъ заключается какъ разъ въ томъ же самомъ. Понятно, что для носителей такихъ стремленій славянство какъ цѣлое вовсе не существуетъ, а Россіи они боятся, инстинктивно чуя, что она не допуститъ осуществленія упомянутыхъ идей и идеаловъ, т. е. взаимнаго пожиранія однихъ славянъ другими. А сверхъ личнаго національнаго самолюбія все духовное содержаніе образованныхъ, т. е. говоря точнѣе — полуобразованныхъ сербовъ и болгаръ состоитъ изъ слѣпой вѣры въ послѣднія слова европейскаго просвѣщенія. Поэтому отъ такихъ сербскихъ и болгарскихъ патріотовъ можно услышать откровенное признаніе, что если они не могутъ быть самостоятельною и сильною націей, оставаясь сербами или болгарами, то они охотно сдѣлаются нѣмцами, французами, англичанами, а до славянства имъ дѣла нѣтъ; тогда какъ хорватскіе патріоты говорятъ въ такомъ случаѣ: если мы не можемъ быть хорватами, то сдѣлаемся русскими, чтобы все-таки остаться славянами [1]).

Насколько сильны у образованныхъ хорватовъ симпатіи къ Россіи можно видѣть изъ того, что въ бесѣдахъ съ ними мнѣ нерѣдко приходится умалчивать о разныхъ темныхъ сторонахъ русской жизни или говорить о нихъ съ оговорками и смягченіемъ, чтобы не оскорбить руссофильскихъ чувствъ моихъ собесѣдниковъ. Между тѣмъ, у насъ иногда представляютъ хорватовъ, какъ орудіе австро-венгерскаго правительства, употребляемое имъ противъ Россіи для облатыненія православнаго Востока и т. п. Чтобы показать на живомъ и понятномъ примѣрѣ дѣйствительное отношеніе между хорватами и ихъ правительствомъ и именно въ области религіозной, я разскажу Вамъ одну характеристическую исторію, составляющую здѣсь новость дня.

Загребскій университетъ, основанный и поддерживаемый на средства хорватской націи безъ всякой помощи нынѣшняго правительства, былъ доселѣ проникнутъ и въ профессорахъ, и въ студентахъ духомъ славянскаго патріотизма и долженъ былъ служить первымъ средствомъ для воспитанія и развитія народнаго сознанія въ положительномъ религіозно-національномъ направленіи. Такой характеръ этого университета не могъ быть пріятенъ анти-

---

1) Такое именно заявленіе сдѣлалъ въ австрійскомъ рейхстагѣ хорватскій депутатъ, священникъ (католическій) Павлиновичъ.

христіанскому и антиславянскому правительству Тиссы, и вотъ подъ покровительствомъ властей проникаетъ въ университетъ на каоедру исторіи нѣкій профессоръ Спевецъ, братъ управляющаго духовными и учебными дѣлами Кроаціи и Славоніи, и начинаетъ наполнять свои лекціи не только грубыми и избитыми нападеніями на христіанскую религію и нравственность, но и кощунственными выходками противъ самого лица Христова. Въ патріотической (и слѣдовательно, оппозиціонной) газетѣ „Obzor“ были напечатаны двѣ статьи съ выписками изъ стенографированныхъ и литографированныхъ лекцій названнаго профессора. Въ этихъ выпискахъ, между прочимъ, заключались такія утвержденія: что вся евангельская исторія есть чистый вымыселъ, что о происхожденіи христіанства и о личности Христа до насъ не дошло никакихъ достовѣрныхъ извѣстій; далѣе, что христіанское ученіе враждебно относится къ браку, ставя на его мѣсто заповѣдь цѣломудрія (sic), и что, съ другой стороны, отнимая у брака его настоящую основу—свободное чувство, христіанская мораль сводитъ бракъ къ одной физической связи. На это названный профессоръ напечаталъ отвѣтъ въ оффиціальномъ здѣшнемъ журналѣ „Narodne Novine“, гдѣ, подъ видомъ самозащиты, онъ не только повторяетъ сущность тѣхъ утвержденій, въ которыхъ его обвиняли, но и присоединяетъ къ нимъ нѣсколько новыхъ въ томъ же родѣ. При этомъ онъ ссылается, какъ на безусловный авторитетъ, не только на отрицательную тюбингенскую школу, но даже на „Kulturgeschichte der Menschheit“ Кольба—посредственную компиляцію грубо матеріалистическаго направленія. Эта послѣдняя ссылка достаточно показываетъ, на какой ступени научнаго развитія находятся агенты австрійскаго правительства. То обстоятельство, что этотъ отвѣтъ только подтвердилъ и усилилъ выставленныя въ „Обзорѣ“ обвиненія, нисколько не мѣшаетъ этому удивительному вольнодумцу обрушиваться на своихъ противниковъ съ самой жестокою бранью, при чемъ онъ объявляетъ, что его одушевляютъ благородныя мысли, которыхъ не могутъ понять темныя души его враговъ. Рѣдко приходилось намъ читать что-нибудь болѣе глупое, невѣжественное и безплодное, нежели эта апологія вульгарнаго атеизма въ правительственномъ австрійскомъ органѣ. Обвиненный профессоръ, хотя и не особенно ловко, но во всякомъ случаѣ усердно служащій правительственнымъ цѣлямъ—развращенію хорватскаго юношества, нашелъ горячую защиту въ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ органахъ не только Загреба,

но и Пешта. Болѣе осторожная вѣнская „Neue Freie Presse“ ограничилась краткимъ сообщеніемъ, ссылаясь также на безусловную свободу университетскаго преподаванія. Ссылка эта не совсѣмъ основательна, ибо въ университетскомъ уставѣ есть параграфъ, предусматривающій злоупотребленія академическою свободою. Къ тому же, служебная присяга обязываетъ всякаго профессора не говорить ничего противъ вѣры и нравственности. Въ виду того, что мѣстное правительство стало рѣшительно на сторону атеизма ex cathedrâ хорватскіе патріоты намѣрены обратиться къ самымъ высшимъ инстанціямъ.

Чѣмъ бы ни кончилась эта печальная исторія, она во всякомъ случаѣ позволяетъ намъ сдѣлать два слѣдующія заключенія: 1) что правительство, которому подчинены хорваты, хотя и занимается пропагандою, но не католичества, а безвѣрія и разврата, а потому 2) и самимъ хорватамъ-католикамъ едва-ли возможно заниматься латинскою пропагандою въ чужихъ странахъ, когда имъ приходится у себя дома защищать самыя основы религіи противъ своего собственнаго правительства.

Вл. С.

2.

№ 3864. 30 ноября 1886.

М. Г.!

Въ нѣкоемъ Харьковскомъ журналѣ „Благовѣстъ“ № 21 напечатана статья подъ заглавіемъ „В. Соловьевъ, ратующій противъ православія въ заграничной печати“.Неизвѣстный авторъ этого произведенія нашелъ нужнымъ сообщить читателямъ, что я „просто чиновникъ министерства юстиціи“. Это лжесвидѣтельство, совершенно маловажное само по себѣ, оказывается весьма характеристичнымъ для всей статьи „Благовѣста“. Ибо все остальное, что тамъ обо мнѣ говорится, столь же достовѣрно, какъ и то, что я—чиновникъ министерства юстиціи.

Такъ какъ „Благовѣстъ“ представляетъ не единственный примѣръ безцеремоннаго ябедничества, коего жертвою я сталъ въ послѣднее время, и такъ какъ это ябедничество можетъ имѣть тяжелыя практическія послѣдствія для моей дѣятельности, то это вынуждаетъ меня къ слѣдующимъ заявленіямъ: 1) Имѣя и открыто — насколько это отъ меня зависитъ,—высказывая свои особыя мнѣнія по спорнымъ церковнымъ вопросамъ, я остаюсь и уповаю всегда остаться членомъ православной церкви не только формально, но и дѣйствительно, ничѣмъ не нарушая своего исповѣданія и исполняя соединенныя съ нимъ религіозныя обязанности. 2) Желая полнаго и плодотворнаго соединенія обѣихъ церквей ради общественнаго блага Россіи и всего христіанскаго міра, я никогда и никого не убѣждалъ переходить изъ восточной церкви въ западную, а, напротивъ, имѣлъ случай рѣшительно отговаривать иныхъ отъ такого намѣренія, ибо всякое личное „обращеніе“ (равно какъ и внѣшнюю унію) считаю не только ненужнымъ, но и вреднымъ для вселенскаго дѣла, хотя, конечно, не могу бросать камня въ „обращающихся“ по искреннему или ошибочному убѣжденію. 3) Никакихъ статей для заграничной публики я до-

селѣ не печаталъ, кромѣ одной, на хорватскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Je li je isto na Crkva pravoslavna?“ (т. е. „Православна-ли восточная церковь“), въ которой, становясь на точку зрѣнія своихъ католическихъ читателей, я доказываю, что и съ этой точки зрѣнія *наша Восточная церковь должна быть признана какъ правовѣрная*. Этотъ мой тезисъ о правовѣріи или православіи нашей церкви защищается мною въ названной статьѣ *противъ римско-католическаго богослова* францисканца Маркевича, который высказывалъ противоположный взглядъ въ своемъ сочиненіи, а затѣмъ возражалъ противъ меня особою статьею „Na obranu“. На эти возраженія *моего католическаго противника* я послалъ съ своей стороны краткій отвѣтъ, но былъ ли онъ напечатанъ—не знаю.

Эти заявленія, полагаю, будутъ достаточны для добросовѣстныхъ читателей и избавятъ меня отъ необходимости дальнѣйшаго опроверженія той систематической клеветы, которая, очевидно, разсчитана на причиненіе мнѣ *практическихъ* затрудненій.

Влад. Соловьевъ.

Москва. 28 ноября.

3.

№ 4934. 22 ноября 1889.

М. Г.!

Въ № 4934 „Новаго Времени“ (18-го ноября) напечатана слѣдующая замѣтка:

„Въ Москвѣ вышла первая книжка новаго философскаго журнала „Вопросы философіи и психологіи“, въ которой помѣщены статьи гг. А. Козлова, Влад. Соловьева, Николая Грота, Лесевича, кн. С. Трубецкаго. Усердно расхваливая французскую и нѣмецкую философію и съ пренебреженіемъ отзываясь о русской, наши философы, тѣмъ не менѣе, на каждомъ шагу ссылаются на свои философскія сочиненія, очевидно русскія, а князь Трубецкой въ выноскѣ даже пишетъ: сравнить нашъ трудъ, имѣющій выйти изъ печати, „Метафизика въ древней Греціи“. Какимъ это образомъ и съ помощью какой философіи читатель можетъ сравнить трудъ не вышедшій, а лишь имѣющій выйти изъ печати?“

Замѣтка эта основана на невѣрныхъ указаніяхъ, которыя считаю нужнымъ исправить.—

1) Ни у одного изъ названныхъ и не названныхъ авторовъ статей, въ первой книгѣ философскаго журнала, нѣтъ пренебрежительныхъ отзывовъ о „русской философіи“, да и не могло то быть по причинѣ, которая будетъ объяснена ниже.

2) Ни у проф. Грота, ни у г. Лесевича, ни у г. Шишкина, ни у г. Ланге, ни у меня нѣтъ ни одной ссылки на свои философскія сочиненія. Есть нѣсколько такихъ ссылокъ у заслуженнаго проф. Козлова. Есть у меня указаніе на одно французское сочиненіе религіозно-исторического содержанія („La Russie et l'Eglise universelle“). Что касается кн. Трубецкого, то авторъ

хроники избавилъ бы себя и читателя отъ всякаго недоумѣнія и не обращаясь къ помощи какой бы то ни было философіи, если бы только привелъ поразившую его ссылку такъ, какъ она въ дѣйствительности напечатана на стр. 95 (философскаго журнала), а именно: „ср. нашъ трудъ, имѣющій на-дняхъ выйдти изъ печати: „Метафизика въ древней Греціи"; Москва, 1888 г.; стр. 161, 254, 353, 453 и др." Слова: „на-дняхъ" и точное указаніе страницъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что дѣло шло о сочиненіи, уже напечатанномъ и готовомъ къ выходу въ свѣтъ.

3) Если редакція и сотрудники философскаго журнала заслуживаютъ лишь голословнаго порицанія, то, очевидно, они не считаются причастными къ той русской философіи, для которой тутъ же требуется особое уваженіе. Значитъ, существуетъ какая-то совершенно намъ неизвѣстная русская философія. Любопытно было бы узнать хоть одного ея представителя, хоть одного русскаго мыслителя, создавшаго самостоятельное философское ученіе, достойное стать наряду съ философскими системами Германіи и Франціи. Если же дѣло идетъ только о чаяніяхъ будущаго, то во всякомъ случаѣ гораздо менѣе странно ссылаться на книгу, непремѣнно имѣющую выйдти на-дняхъ, нежели требовать уваженія для философіи, можетъ-быть, имѣющей появиться въ неопредѣленномъ будущемъ. Вмѣсто этихъ требованій невозможнаго уваженія къ предметамъ несуществующимъ, не лучше ли было бы отнестись если не уважительно, то по крайней мѣрѣ безпристрастно къ дѣйствительнымъ проявленіямъ русской мысли, хотя бы, напримѣръ, къ талантливой статьѣ кн. Трубецкого.

Владиміръ Соловьевъ.

4.

№ 5016. 15 февраля 1890.

Спѣшу исправить непріятную ошибку въ статьѣ Д. Ѳ. Самарина: „Поборникъ вселенской правды“ („Нов. Вр.“, № 5015). „Это вы говорите, обращается ко мнѣ г. Самаринъ, будто по словамъ Кирѣевскаго эта сила [1]) исходитъ отъ молящихся, или выражаясь подлинными вашими словами, что молящіеся намагнитили икону. Эти три слова вы прибавили отъ себя; въ разсказѣ Кирѣевскаго (по редакціи Герцена) не только нѣтъ этихъ словъ, но нельзя ихъ и вывести безъ искаженія мысли Кирѣевскаго, такъ какъ онъ заканчиваетъ свой разсказъ словами: „икона сдѣлалась живымъ органомъ, мѣстомъ встрѣчи между Творцомъ и людьми“. По вашему толкованію слова эти оказываются совершенно излишними, не имѣющими никакого значенія; вы ихъ и опускаете, между тѣмъ какъ въ нихъ-то и заключается мысль Кирѣевскаго. Согласитесь, что посредствомъ такихъ пріемовъ, т. е. вставки отъ себя словъ и исключеніемъ неподходящихъ для васъ выраженій, очень нехитро исказить любую мысль.“ Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, какъ всякій легко можетъ убѣдиться, подчеркнутыя г. Самаринымъ слова, будто бы мною опущенныя, напечатаны мною сполна („Вѣст. Евр.“, іюнь, стр. 739) и ни одного слова отъ себя я не вставилъ въ приведенный (въ кавычкахъ) разсказъ Герцена. „Три слова“, о которыхъ говоритъ г. Самаринъ, принадлежатъ мнѣ, и я ни Кирѣевскому, ни кому-либо другому ихъ не приписывалъ. Г. Самаринъ можетъ оспаривать мое пониманіе взгляда Кирѣевскаго, но это уже другой вопросъ.

Не считая г. Самарина способнымъ выступать въ печати съ завѣдомо ложнымъ свидѣтельствомъ, ограничиваюсь фактическимъ

---

[1]) Рѣчь идетъ о чудотворной силѣ иконъ.

указаніемъ его непонятной ошибки. Главное возраженіе или лучше сказать обвиненіе, выставленное противъ меня почтеннымъ защитникомъ стараго славянофильства, падаетъ само собою. Для дальнѣйшаго отвѣта (если онъ окажется нужнымъ и возможнымъ) подожду окончанія статьи г. Самарина.

Владиміръ Соловьевъ.

5.

№ 5026. 25 февраля 1890.

Съ удивленіемъ узнавши изъ газетъ, что доцентъ здѣшней Духовной Академіи, іеромонахъ Антоній, читаетъ публичныя лекціи на тему „о превосходствѣ православнаго христіанства передъ папистическимъ ученіемъ Владиміра Соловьева“ (или по другой редакціи „о превосходствѣ ученія православной церкви передъ папистическими увлеченіями Владиміра Соловьева“) считаю необходимымъ заявить слѣдующее.—

1) Я никогда не мѣнялъ вѣроисповѣданія и едва ли о. Антоній имѣетъ право отлучать меня отъ церкви.

2) Я всегда готовъ оправдать свои убѣжденія и показать въ публичномъ спорѣ, почему я увѣренъ въ полномъ своемъ согласіи съ православнымъ ученіемъ, основаннымъ на словѣ Божіемъ, на опредѣленіи семи вселенскихъ соборовъ и на свидѣтельствѣ святыхъ отцевъ и учителей церкви.

3) Я отклоняю отъ себя всякую отвѣтственность за мысли и взгляды, которые приписываются мнѣ на основаніи произвольныхъ выводовъ и ссылокъ на отдѣльныя мѣста изъ сочиненій, не находящихся въ обращеніи среди русской публики, и по предметамъ, не подлежащимъ гласному обсужденію.

Владиміръ Соловьевъ.

6.

№ 6400. 21 декабря 1893.

По поводу появившихся въ нѣкоторыхъ французскихъ (а также русскихъ) газетахъ сообщеній о моей бесѣдѣ въ Cercle du Luxembourg считаю нужнымъ заявить, что текстъ моей рѣчи будетъ напечатанъ въ Марсельскомъ періодическомъ изданіи Le vingtième siècle, Revue d'études sociales, а затѣмъ выйдетъ отдѣльной брошюрой въ Парижѣ.

Владиміръ Соловьевъ.

7.

№ 7382. 15 сентября 1896.

М. Г.! Въ субботнемъ приложеніи къ „Новому Времени“ (№ 296), въ статьѣ: „Инцидентъ изъ жизни Гельсингфорскаго университета“, упоминается русскій профессоръ этого университета Соловьевъ. Такъ какъ въ перепискѣ Я. К. Грота съ Н. А. Плетневымъ (откуда заимствованъ разсказъ) издатель не сдѣлалъ достаточнаго пояснительнаго указанія къ фамиліи этого Соловьева, а главное, въ виду уже ранѣе проникшаго въ печать недоразумѣнія (вызвавшаго разъясненіе Н. А. Попова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ № 283, 1887), считаю необходимымъ напомнить, что названный гельсингфорскій профессоръ должно быть только однофамилецъ С. М. Соловьева, автора „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. Гельсингфорскій Соловьевъ (значительно старше моего отца) никогда не былъ профессоромъ въ Москвѣ, а мой отецъ никогда не преподавалъ ни въ какомъ другомъ университетѣ, кромѣ Московскаго, и во всю свою жизнь ни разу не былъ въ Гельсингфорсѣ и въ Финляндіи вообще. Впрочемъ, напрасно въ статьѣ „Новаго Времени“ гельсингфорскій профессоръ обозначенъ презрительно словомъ „нѣкто“. Дурной характеръ и безтактность, которыми, судя по письмамъ Грота, отличался этотъ Соловьевъ, не мѣшали ему имѣть серьезныя заслуги въ другихъ отношеніяхъ. Кромѣ преподаванія русскаго языка и литературы, онъ усердно занимался историческими изысканіями въ шведскихъ архивахъ, гдѣ нашелъ важныя записки дьяка Котошихина (изд. въ 1838 г.).

Прим. и пр.

Владиміръ Соловьевъ.

8.

№ 7384. 17 сентября 1896.

М. Г.! Многократно повторявшееся даже въ печати смѣшеніе моего отца съ его гельсингфорскимъ однофамильцемъ, доставившее мнѣ лично уже не мало хлопотъ (въ видѣ путешествій по бурнымъ озерамъ и дальнимъ островамъ и т. п.), побудило меня воспользоваться случаемъ, чтобы публично устранить это недоразумѣніе. Г. профессоръ Константинъ Гротъ въ своемъ изданіи переписки Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ вовсе не имѣлъ обязанности противодѣйствовать упомянутому смѣшенію, о случаяхъ котораго онъ даже могъ ничего не знать. Поэтому, говоря о недостаточности его поясненій къ имени гельсингфорскаго Соловьева, я разумѣлъ, очевидно, лишь недостаточность по отношенію къ особому, близкому мнѣ предмету. Если бы второе, болѣе подробное примѣчаніе издателя было помѣщено подъ текстомъ, или если бы по крайней мѣрѣ на него была сдѣлана ссылка, то и я готовъ бы былъ признать его достаточнымъ. Но въ изданіи проф. Грота подробныя примѣчанія къ письмамъ собраны вмѣстѣ въ концѣ тома и никакихъ ссылокъ на нихъ при текстѣ не имѣется (это опять не упрекъ, а объясненіе), а много ли найдется читателей, которые, прочтя страницу, станутъ по собственной любознательности рыться въ другомъ мѣстѣ, нѣтъ ли еще какихъ-нибудь замѣчаній. Конечно, если нѣтъ особаго побужденія, всякій ограничится въ настоящемъ случаѣ подстрочною замѣткой о профессорствѣ Соловьева, рѣшительно недостаточною въ томъ отношеніи, о которомъ идетъ рѣчь. Проф. Гротъ имѣетъ полное право сказать, что ему нѣтъ дѣла до небрежныхъ чита-

телей, но это его право не упраздняетъ моей обязанности, которую онъ, вѣроятно, и самъ бы призналъ, если бы освѣдомился, въ чемъ дѣло, хотя бы изъ статьи Н. А. Попова, мною указанной. Впрочемъ, я искренно благодаренъ почтенному профессору, что онъ своимъ возраженіемъ въ „Новомъ Времени“ способствовалъ единственной цѣли моего письма—сдѣлать невозможнымъ дальнѣйшее смѣшеніе двухъ Соловьевыхъ, къ чему, надѣюсь, болѣе уже не придется возвращаться.

Владиміръ Соловьевъ.

9.

№ 7618. 14 мая 1897.

М. Г.! Въ виду существенной неточности относящихся ко мнѣ словъ почтеннаго ген. А. А. Киреева (въ послѣднемъ засѣданіи Славянскаго Благотворительнаго Общества), считаю нужнымъ еще разъ повторить то, что неоднократно мною заявлялось съ 1883 г.

1) Никакой внѣшней оффиціальной уніи съ Римомъ (въ смыслѣ А. А. Киреева) я никогда не предлагалъ, во-первыхъ, потому, что считаю ее невозможной, во-вторыхъ, потому, что нахожу ее не желательной, и, въ-третьихъ, потому, что никакихъ полномочій для переговоровъ о ней никогда не имѣлъ отъ предержащихъ властей той или другой стороны.

2) Принадлежащее всякому христіанину полномочіе, о которомъ говоритъ ап. Іоаннъ Богословъ („имѣете помазаніе отъ святыхъ и вѣдаете все"), побуждаетъ меня судить о между-церковныхъ отношеніяхъ лишь въ томъ смыслѣ: согласны ли они съ духомъ Христовымъ? Какъ явно чуждыя этому духу, они не могутъ быть признаны нормальными.

3) Цѣлое тысячелѣтіе такихъ антихристіанскихъ отношеній неизбѣжно породило тучу всякихъ недоразумѣній и предвзятыхъ мыслей, и первый практическій шагъ къ тому, чтобы поставить церковное дѣло на истинно-христіанскую почву, есть открытое, всестороннее и безбоязненное обсужденіе всѣхъ религіозныхъ и церковныхъ вопросовъ, а для этого необходима у насъ прежде всего полная свобода богословскаго и церковно-историческаго изслѣдованія, безъ чего невозможно правильное внутреннее движеніе религіозной мысли и чувства. Безъ такого движенія духовная жизнь общества слабѣетъ, а при духовномъ снѣ, что можетъ

дать наружное, формальное соединеніе церквей, кромѣ лишняго кошмара? Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, внѣшній результатъ не зависитъ отъ насъ, но онъ и не имѣлъ бы важности самъ по себѣ. А то, что важно и чѣмъ рѣшается дѣло, то въ нашей власти: неутомимое исканіе правды съ искреннимъ желаніемъ мира.

Владиміръ Соловьевъ.

10.

№ 8530. 25 ноября 1899.

М. Г.! Въ виду справедливаго нѣудовольствія разныхъ лицъ, не получающихъ отъ меня никакого отвѣта на свои вопросы, желанія и требованія, я долженъ представить слѣдующее объясненіе. Недавно болѣзнь глаза принудила меня къ двухмѣсячному воздержанію отъ книги и пера. Получивши это первое предостереженіе и не желая вызывать дальнѣйшихъ, я рѣшилъ отказаться впредь отъ всякой побочной работы, какъ-то: отъ чтенія чужихъ рукописей и редактированія чужихъ переводовъ, отъ писанія рецензій, замѣтокъ и критическихъ статей по текущей литературѣ, а также отъ переписки съ посторонними лицами. Такая рѣшимость не есть слѣдствіе дурного характера, и я немедленно отъ нея откажусь, лишь только окончу начатые мною большіе труды, которые кажутся мнѣ главною и прямою моей обязанностью, къ которымъ принадлежатъ: 1) переводъ Платона съ этюдами о немъ, 2) теоретическая философія, 3) эстетика, 4) эстетическій разборъ Пушкина, 5) библейская философія съ переводомъ и толкованіемъ Библіи.

Если Богъ и добрые люди дозволятъ мнѣ кончить все это, то, конечно, вмѣстѣ съ досугомъ я пріобрѣту и ту высокую степень старческой экспансивности, которая сдѣлаетъ меня пріятнѣйшимъ почтовымъ собесѣдникомъ для всѣхъ, малознакомыхъ или вовсе незнакомыхъ лицъ, пишущихъ мнѣ о своихъ дѣлахъ.

Владиміръ Соловьевъ.

23 ноября 1899.

11.

№ 8596. 1 февраля 1900.

М. Г.! Въ одномъ изъ первыхъ №№ „Гражданина“ за этотъ годъ была напечатана статья: „ бракѣ“, подписанная В. оловьевъ. Многіе приписывали ее мнѣ, и я заявилъ въ „Недѣлѣ“, что никогда такой статьи не писалъ и что авторъ ея мнѣ не извѣстенъ. Но такъ какъ тѣмъ не менѣе въ послѣднемъ (8) № „Гражданина“ появилась замѣтка „Сторонняго читателя“, который, обличая В. Соловьева въ какой-то ошибкѣ, повидимому отожествляетъ это лицо со мною, то я считаю нужнымъ повторить свое заявленіе о совершенной моей непричастности къ статьѣ незнакомаго мнѣ однофамильца. Прошу и другія газеты напечатать это заявленіе.

Влад. Соловьевъ.

30 января.

Письма къ о. Архимандриту Антонію Вадковскому, нынѣ Митрополиту С.-Петербургскому и Ладожскому [1]).

1.

8 апрѣля 1886 г.

Глубокоуважаемый

Отецъ Инспекторъ!

Посылаю для Васъ, для о. Михаила, для о. Антонія и для раздачи по Вашему усмотрѣнію свои книжки, какія и сколько могъ найти. На-дняхъ соберу еще и пришлю. При семъ случаѣ позвольте мнѣ выразить сердечную радость и глубокую признательность всѣмъ вамъ за братскую пріязнь ко мнѣ и вниманіе къ моимъ мыслямъ и трудамъ.

Вчера я чувствовалъ себя среди общества дѣйствительно христіанскаго, преданнаго дѣлу Божію прежде всего. Это ободряетъ и обнадеживаетъ меня, а я съ своей стороны могу Васъ обнадежить, что *въ латинство никогда не перейду.*

Если и будутъ какія-нибудь искушенія и соблазны, то увѣренъ съ Божьей помощью и Вашими молитвами ихъ преодолѣть.

Въ концѣ Святой, можетъ быть, я еще пріѣду на нѣсколько

---

[1]) Письма эти были отпечатаны отдѣльной брошюрой въ СПБ. въ 1901 году.

дней въ Петербургъ и въ такомъ случаѣ надѣюсь увидѣться съ Вами еще до за-границы, а по возвращеніи оттуда—навѣрно.

Передайте, пожалуйста, мой сердечный поклонъ о. Михаилу, о. Антонію и всѣмъ новымъ знакомымъ.

Испрашивая Вашего пастырскаго благословенія, остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію.

Влад. Соловьевъ.

2.

29 ноября 1886 г.

Глубокоуважаемый

тецъ Архимандритъ!

Позвольте напомнить Вамъ о себѣ и обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбой по дѣлу, какъ увидите, имѣющему нѣкоторую важность.

Я вернулся изъ за-границы, познакомившись ближе и наглядне какъ съ хорошими, *такъ и съ дурными* сторонами Западной церкви и еще болѣе утвердившись на той своей точкѣ зрѣнія, что для соединенія церквей не только не требуется, но даже была бы зловредной всякая внѣшняя унія и всякое частное обращеніе. На попытки обращенія, направленныя противъ меня лично, я отвѣчалъ прежде всего тѣмъ, что (въ необычайное для сего время) исповѣдался и причастился въ православной сербской церкви въ Загребѣ, у настоятеля ея о. іеромонаха Амвросія.—Вообще я вернулся въ Россію,—если можно такъ сказать,—*болѣе православнымъ*, нежели какъ изъ нея уѣхалъ. Но тутъ, быть можетъ, для испытанія моей твердости, на меня обрушились неожиданныя бѣдствія. Во-первыхъ, безусловное запрещеніе духовною цензурою всего представляемаго мною къ печати, хотя бы оно даже вовсе не касалось соблазнительнаго вопроса о соединеніи церквей. И во-вторыхъ, одновременно съ этимъ яростныя нападенія и клеветы въ различныхъ журналахъ, большею частью духовныхъ, голословно выставляющихъ меня отступникомъ и противникомъ православной церкви. Эти клеветническія обвиненія, если останутся безъ отвѣта, сдѣлаютъ для

меня невозможною всякую дѣятельность не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Быть можетъ, именно этого и хотятъ. Но спрашивается: cui bono?—Ближайшее подтвержденіе сказаннаго найдете въ прилагаемомъ письмѣ въ редакцію „Церковнаго Вѣстника“, которое и прошу Васъ покорнѣйше передать по принадлежности для напечатанія. Если же, паче чаянія, найдете невозможнымъ исполнить эту мою просьбу, то усерднѣйше прошу извѣстить меня по прилагаемому адресу.

Испрашивая Вашего пастырскаго благословенія, остаюсь душевно преданный Вамъ.

Влад. Соловьевъ.

3.

14 января 1887 г.

Высокоуважаемый

Отецъ Архимандритъ!

Приношу Вамъ запоздалую (по причинѣ нездоровья и разныхъ хлопотъ) благодарность за любезное посредничество Ваше для напечатанія моей замѣтки въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, которая если и не укротила, то до нѣкоторой степени обезоружила „ищущихъ души моей“. Чтобы еще болѣе отъ нихъ обезопаситься, я рѣшился исключить изъ 1-го тома моей „Исторіи теократіи“ спорный вопросъ о первенствѣ Ап. Петра, такъ что собственно не останется никакого повода къ запрещенію этого 1-го тома. А съ двумя остальными подожду лучшихъ временъ.

Вѣроятно, мнѣ не придется пріѣхать въ Петербургъ въ этомъ году. Прошу Васъ передать мой сердечный поклонъ сослужив-цамъ Вашимъ оо. Антонію и Михаилу.

Я уже три недѣли какъ живу у Троицы, гдѣ гораздо удобнѣе заниматься, чѣмъ въ Москвѣ. Если бы не то положеніе, о которомъ Вы писали, я имѣлъ бы теперь большую склонность пойти въ монахи. Но пока это невозможно. Я вовсе не сторонникъ *безусловной свободы*, но полагаю, что между такою свободою и *безусловною неволею* должно быть нѣчто среднее, именно *свобода, обусловленная искреннимъ подчиненіемъ тому, что свято и законно. Эта* свобода, мнѣ кажется, не противорѣчитъ и спеціально монашескому обѣту послушанія, когда дѣло касается всецерковныхъ интересовъ. А между тѣмъ допустятъ ли у насъ такую свободу, не потребуютъ ли подчиненія *всему безъ разбора*, свято ли оно и законно, или нѣтъ?

Поручая себя Вашимъ священнымъ молитвамъ, остаюсь душевно преданный и истинно уважающій Васъ.

Влад. Соловьевъ.

Письмо въ „Церковный Вѣстникъ“.

1.

„Церковный Вѣстникъ“, № 49, 1886.

Въ разъясненіе недоразумѣнія (письмо въ редакцію).

М. Г.!

Изъ замѣтки, помѣщенной въ № 46 „Церковнаго Вѣстника“, узналъ я, что въ заграничныхъ газетахъ напечатаны девять „вопросовъ“, съ которыми „я обратился къ одному изъ извѣстныхъ членовъ московскаго духовенства“. Дѣло идетъ, очевидно, о тѣхъ вопросахъ, которые болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ были напечатаны мною въ журналѣ покойнаго И. С. Аксакова (въ одномъ изъ сентябрскихъ №№ „Руси“ за 1883 г.). *Къмъ*, въ *какихъ* заграничныхъ газетахъ [1]) и въ *какомъ* видѣ воспроизведены теперь эти вопросы,—мнѣ совершенно неизвѣстно. Никакихъ указаній на нихъ я за-границей не дѣлалъ и воспроизводить ихъ никому разрѣшенія не давалъ. Что касается до главной мысли этихъ вопросовъ, то она приблизительно вѣрно передана въ замѣткѣ „Церковнаго Вѣстника“ и сводится къ тому указанію, что спорные пункты между нашею и западною церквами требуютъ вселенскаго собора для своего окончательнаго и безспорнаго (на почвѣ вселенской церкви) рѣшенія. Впрочемъ, эта мысль принадлежитъ не мнѣ, а покойному митрополиту московскому Филарету, который примѣнялъ такую точку

[1]) Вопросы напечатаны Эммануелемъ въ Revue de l'Eglise grecque unie и оттуда перепечатаны въ Annales Catholiques отъ 16 октября 1886 г. *Ред. „Церк. Вѣстн.“.*

зрѣнія *даже къ протестантству* (противъ чего, конечно, можно спорить). Въ извѣстныхъ „Запискахъ о жизни и времени святителя Филарета“ (стр. 282) передается его прямое заявленіе, что для рѣшенія вопроса о томъ, что такое протестантство: ересь, или нѣтъ?—нуженъ непремѣнно вселенскій соборъ.

Такимъ образомъ, мнѣ кажется, что заключительное предостереженіе въ замѣткѣ „Церковнаго Вѣстника“ относительно опасности той почвы, на которую я будто бы вступилъ, вызвано лишь недоразумѣніемъ, которое я и счелъ необходимымъ разъяснить посредствомъ настоящаго письма. Позвольте обратиться къ посредству вашего уважаемаго журнала и съ другимъ разъясненіемъ еще болѣе необходимымъ, но которое, къ сожалѣнію, связано не съ однимъ только недоразумѣніемъ.

Въ нѣкоемъ харьковскомъ журналѣ „Благовѣстъ“ (№ 21) напечатана цѣлая статья подъ заглавіемъ: „В. Соловьевъ, ратующій противъ православія въ заграничной печати“. Неизвѣстный авторъ этого произведенія нашелъ нужнымъ сообщить своимъ читателямъ, что я (В. Соловьевъ) „просто чиновникъ министерства юстиціи“. Это лжесвидѣтельство, совершенно маловажное само по себѣ, оказывается однако характеристичнымъ для всей статьи „Благовѣста“. Ибо все остальное, что тамъ обо мнѣ говорится, столь же достовѣрно, какъ и то, что я—чиновникъ министерства юстиціи. Такъ какъ „Благовѣстъ“ представляетъ не единственный примѣръ голословнаго ябедничества, коего жертвою я сталъ въ послѣднее время, то вынужденъ сдѣлать слѣдующія заявленія, чисто фактическаго свойства: 1) имѣя свои особыя мнѣнія относительно спорныхъ церковныхъ вопросовъ, я остаюсь и уповаю всегда остаться членомъ восточной православной церкви не только формально, но и дѣйствительно, ничѣмъ не нарушая своего исповѣданія и исполняя соединенныя съ нимъ религіозныя обязанности; 2) желая полнаго и плодотворнаго соединенія обѣихъ церквей—прежде всего въ духѣ и истинѣ, я никогда и никого не убѣждалъ переходить изъ восточной церкви въ западную, а напротивъ, имѣлъ случай отговаривать иныхъ отъ такого намѣренія; ибо какъ *внѣшнюю* унію, такъ равно и всякое *частное* „обращеніе“, считаю не только не нужнымъ, но и весьма вреднымъ для вселенскаго дѣла, хотя, конечно, и не могу бросать камня въ „обращающихся“ по искреннему, если и ошибочному, убѣжденію; 3) никакихъ статей *для заграничной публики* я доселѣ не печаталъ, кромѣ одной,

на хорватскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Je li je istocna crkva pravoslavna?“ (т. е. „Православна ли восточная церковь?“), въ которой я, становясь на точку зрѣнія своихъ католическихъ читателей, доказываю, что и съ этой точки зрѣнія *наша восточная церковь должна быть признана православной*. Этотъ тезисъ о православіи нашей восточной церкви защищается мною въ названной статьѣ *противъ римско-католическаго богослова*, францисканца Марковича, который высказывалъ противоположное мнѣніе въ одномъ своемъ сочиненіи, а затѣмъ возражалъ противъ меня въ статьѣ: „Na obranu“ (т. е. „Въ защиту“). На эти возраженія моего *католическаго противника* я послалъ съ своей стороны краткій отвѣтъ, но былъ ли онъ напечатанъ, не знаю.

Эти заявленія, полагаю, будутъ достаточны для добросовѣстныхъ читателей и избавятъ меня отъ необходимости опровергать систематическую клевету, очевидно разсчитанную на причиненіе мнѣ *практическихъ* затрудненій.

Владиміръ Соловьевъ.

Письмо къ М. И. Горчакову.

7 декабря 91. Петербургъ.

Досточтимый Отецъ Протоіерей!

Покорнѣйше прошу Васъ прочесть и передать по назначенію прилагаемое письмо въ редакцію „Юридической Лѣтописи“. А двѣ статьи изъ „Русскихъ Вѣдомостей“ посылаю собственно Вамъ на случай, если онѣ Вамъ неизвѣстны. Хотя я и не имѣю удовольствія знать Васъ лично, но не допускаю и мысли о томъ, чтобы Вы могли принадлежать къ числу людей, способныхъ печатно распространять во вредъ ближнему завѣдомую неправду. Поэтому Вашу ошибку относительно меня приписываю единственно невольной небрежности и невнимательности, въ чемъ всѣ мы, пишущіе, иногда грѣшимъ.

Если бы Вы нашли почему-либо неудобнымъ передавать мое письмо въ „Юридическую Лѣтопись“, или если бы редакція этого журнала не пожелала его печатать, покорнѣйше прошу Васъ не оставить меня извѣщеніемъ. Мнѣ необходимо на этихъ же дняхъ знать навѣрное, будетъ или нѣтъ моя замѣтка напечатана въ ближайшемъ № „Юридической Лѣтописи“.

Съ совершеннымъ почтеніемъ остаюсь Вашего Высокопреподобія покорный слуга

Владиміръ Соловьевъ.

Письма въ „Московскія Вѣдомости“.

1.

1891. №-292.

Письмо въ редакцію.

22 октября 1891 года.

Прочтя въ 291 № „Московскихъ Вѣдомостей“ статьи гг. Ю. Николаева и Аѳанасьева, посвященныя моему реферату въ Психологическомъ Обществѣ, считаю нужнымъ заявить, что въ этихъ статьяхъ мои мысли переданы совершенно невѣрно, въ чемъ легко можно будетъ убѣдиться, когда означенный рефератъ появится въ печати.

Владиміръ Соловьевъ.

2.

26 октября 1891. № 296.

Письмо въ редакцію.

Въ дополненіе къ моему краткому заявленію (въ № 292 „Московскихъ Вѣдомостей“) прошу васъ напечатать слѣдующее.

1. Слова: „мошенничество и обманъ“ (а не „мошенники и обманщики“), употребленныя мною въ закрытыхъ преніяхъ послѣ реферата, не имѣли и, по ходу разговора, не могли имѣть никакого отношенія къ христіанскимъ или какимъ бы то ни бы отшельникамъ и подвижникамъ, а относились исключительно къ тѣмъ мірянамъ худой жизни, которые лицемѣрно стоятъ за идеалъ личной святости и благочестія, чтобы подъ этимъ предлогомъ избавить себя отъ всякаго труда на общую пользу.

2. Я никогда не говорилъ и не могъ говорить, что христіанство произвело одну только инквизицію.

3. Ни „сплошнаго“, ни отрывочнаго „глумленія надъ Христіанскою Церковью“ въ моемъ рефератѣ не было.

4. Церковь по существу (со стороны божественной или благодатной) вовсе не была предметомъ моихъ разсужденій, которыя ограничивались только историческими судьбами христіанскаго человѣчества.

5. „Ироническаго порицанія первыхъ христіанъ“ у меня не было; я сказалъ, напротивъ, что они, какъ и апостолы послѣ Пятидесятницы, были дѣйствительно перерождены Духомъ Христовымъ, имѣя, по словамъ Дѣяній Апостольскихъ, одно сердце и одну душу.

6. Какъ въ моемъ чтеніи не было никакого нападенія на Христіанскую Церковь, такъ и въ спорахъ послѣ чтенія не было никакой защиты ея.

7. Если мой рефератъ, читанный съ большими сокращеніями, будетъ напечатанъ, то лишь въ полномъ видѣ, съ болѣе обстоятельною фактическою аргументаціей, но безъ малѣйшаго измѣненія мыслей и взглядовъ.

Къ этимъ семи пунктамъ, относящимся до обвиненій, высказанныхъ гг. Николаевымъ и Аѳанасьевымъ, могу присоединить и отвѣтъ на три вопроса, предложенные мнѣ В. А. Грингмутомъ (№ 293 „Московскихъ Вѣдомостей“).

8. По ученію в. Церкви, дѣйствіе благодати Христовой не ограничивается одними таинствами церковными, но имѣетъ различные виды. Слѣдовательно, мое сравненіе между невѣрующимъ священникомъ и невѣрующимъ историческимъ дѣятелемъ имѣетъ такой смыслъ: какъ благодать одного вида (церковно-таинственная) имѣетъ свою силу и въ невѣрующемъ исполнителѣ таинства, такъ и благодать другого вида (нравственно-практическая) можетъ имѣть свою силу и въ невѣрующемъ публичномъ дѣятелѣ. Въ обоихъ случаяхъ благодать дѣйствуетъ не по вѣрѣ: въ первомъ она дѣйствуетъ по апостольскому званію священнослужителя для душевнаго блага людей; а во второмъ — по историческому призванію общественнаго дѣятеля для практическаго блага тѣхъ же людей. Впрочемъ, мой аргументъ можно выразить прямѣе и сильнѣе, взявши для примѣра, вмѣсто таинства св. жертвы, таинство св. крещенія. Въ самомъ дѣлѣ; если простой міряninъ, или даже язычникъ, можетъ по нуждѣ совершить таинство св. крещенія, то *тѣмъ болѣе* можетъ онъ служить Христу при совершеніи Его историческаго дѣла. Вѣдь рѣчь шла именно о томъ, что *бываетъ по нуждѣ*, а не объ идеальной нормѣ.

9. Второй вопросъ В. А. Грингмута основанъ на недоразумѣніи, или даже на двухъ недоразумѣніяхъ. Во-первыхъ, изъ того, что я противополагаю дѣйствительныхъ христіанъ христіанамъ номинальнымъ или притворнымъ, никакъ не слѣдуетъ, чтобы существовали, по моему, только эти двѣ категоріи. Напротивъ, у меня даже упомянуто, что между этими крайними предѣлами находится множество оттѣнковъ болѣе или менѣе глубокаго, болѣе или менѣе поверхностнаго христіанства. А во-вторыхъ, само собою разумѣется, что при нравственной оцѣнкѣ дѣятельнаго христіанства важенъ не только объемъ, но и качество дѣятельности. Я совершенно согласенъ съ В. А. Грингмутомъ, что дѣйствовать въ духѣ истиннаго христіанства могутъ въ своей сферѣ и женщины, не занимающіяся никакими широкими общественными задачами. Я обличалъ не женщинъ, дѣлаю-

щихъ свое приватное дѣло, а публичныхъ людей, уклоняющихся отъ общественнаго и государственнаго дѣла подъ предлогомъ индивидуально-трансцендентныхъ паренiй ума.

10. Третiй вопросъ В. А. Грингмута связанъ съ невѣрнымъ исторически предположенiемъ. Послѣ реформацiи религiозныя преслѣдованiя и казни не только усилились въ католической церкви, но появились и въ общинахъ отъ нея отдѣлившихся (сожженiе Михаила Сервета Кальвиномъ, кровавыя гоненiя на „папистовъ“ въ Англiи при Елизаветѣ и т. д.). Затѣмъ мнѣ не совсѣмъ ясно: въ какомъ смыслѣ В. А. Грингмутъ совѣтуетъ мнѣ подражать примѣру Лютера, и если это иронiя, то въ чемъ ея сила? Вѣдь Лютеръ, какъ извѣстно, отдѣлился отъ своей римско-католической церкви и произвелъ въ ней расколъ. Я не могу поступить такимъ образомъ относительно римскаго католичества уже по той причинѣ, что не принадлежу къ нему. А подражать Лютеру въ данныхъ условiяхъ, то есть отдѣлиться отъ нашей Греко-Россiйской Церкви и произвести въ ней расколъ,—этого, конечно, не посовѣтуетъ мнѣ В. А. Грингмутъ съ своей точки зрѣнiя. А съ моей собственной—бороться нужно не противъ какого нибудь вѣроисповѣданiя или церкви, а единственно противъ антихристiанскаго духа, гдѣ бы и въ чемъ бы онъ ни выражался.

Владiмiръ Соловьевъ.

3.

30 октября 1891 г. № 300.

Въ № 296 *Московскихъ Вѣдомостей* къ прежнимъ невѣрнымъ сообщеніямъ о чтеніи 19-го октября присоединено нѣсколько новыхъ. Въ примѣчаніи къ передовой статьѣ говорится: „первыми христіанами называютъ христіанъ первыхъ трехъ вѣковъ, которыхъ г. Соловьевъ и обвинялъ въ одностороннемъ эгоизмѣ“. Хотя первыми христіанами я всегда называлъ и буду называть христіанъ первоначальныхъ апостольскихъ церквей въ Іерусалимѣ и Антіохіи, но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что и христіанъ послѣдующей эпохи—эпохи мучениковъ и апологетовъ—я никогда не обвинялъ въ одностороннемъ эгоизмѣ. Вотъ что говорится о нихъ въ моемъ рефератѣ: „Возможность мученичества всегда и вездѣ висѣла надъ христіанами и придавала очищающій, трагическій характеръ ихъ жизни. Важное преимущество тѣхъ вѣковъ передъ послѣдующими состояло въ томъ, что христіане могли быть и бывали гонимыми, но ни въ какомъ случаѣ не могли быть гонителями. Вообще принадлежать къ новой религіи было гораздо болѣе опасно, чѣмъ выгодно, и потому къ ней обращались обыкновенно лучшіе люди, съ искреннимъ убѣжденіемъ и одушевленіемъ. Жизнь тогдашней церкви, если и не была проникнута *вполнѣ* духомъ Христовымъ, то во всякомъ случаѣ высшіе религіозно-нравственные мотивы въ ней преобладали. *Было* среди языческаго міра дѣйствительно христіанское общество, далеко несовершенное, но все-таки управляемое инымъ лучшимъ началомъ жизни.“

Въ той же передовой статьѣ указывается на публику, будто бы наградившую меня рукоплесканіями за бойкія слова, между прочимъ—объ отношеніями трополита Филарета къ освобожденію крестьянъ. Но ни о митрополитѣ Филаретѣ, ни о какомъ-либо другомъ

русскомъ іерархѣ я не говорилъ ни слова въ своемъ рефератѣ, а при закрытыхъ преніяхъ никакой рукоплещущей публики не было.

Въ фельетонѣ, подписанномъ: Ю. Николаевъ (тотъ же нумеръ „Московскихъ Вѣдомостей"), заслуживаетъ вниманія одинъ пунктъ, показавшійся любопытнымъ и самому автору. Лица, бывшія въ закрытомъ засѣданіи послѣ реферата, припомнятъ, что въ спорѣ съ однимъ членомъ-соревнователемъ по вопросу о религіозныхъ гоненіяхъ я сдѣлалъ два историческія указанія: во-первыхъ, я указалъ на тотъ извѣстный фактъ, что начало *инквизиціи какъ учрежденія* было положено императоромъ Ѳеодосіемъ въ Константинополѣ; а во-вторыхъ, какъ яркій примѣръ религіозныхъ преслѣдованій въ Византійской имперіи я напомнилъ избіеніе Павликіанъ (еретиковъ-дуалистовъ въ Малой Азіи) при императрицѣ Ѳеодорѣ. Эти два факта, отдаленные другъ отъ друга на пять слишкомъ вѣковъ и, повидимому, одинаково неизвѣстные моему оппоненту, смѣшались въ его воспоминаніяхъ, а неумѣлая справка съ учебникомъ превратила ихъ въ третій фактъ, о которомъ не было и не могло быть рѣчи, такъ какъ онъ вовсе къ дѣлу не относится. Въ результатѣ получилась такая путаница, которую, конечно, не могъ бы разобрать читатель, не бывшій въ закрытомъ засѣданіи Психологическаго Общества. Ѳеодосій, основывающій инквизицію, и Ѳеодора, избивающая Павликіанъ, являются подъ перомъ г. Ю. Николаева въ видѣ Ѳеодосія, избивающаго... *Солунянъ*! И затѣмъ выписывается изъ учебника исторія этого избіенія, что бы доказать (какъ будто въ этомъ кто-нибудь сомнѣвался), что оно не имѣло никакого отношенія къ религіознымъ преслѣдованіямъ. Но почему же г. Ю. Николаевъ не выписалъ изъ другого учебника разсказа о битвѣ на поляхъ Каталаунскихъ или о Бородинскомъ сраженіи? Вѣдь тутъ также были избіенія и также не имѣвшія никакого отношенія къ инквизиціи. И почему же, съ другой стороны, онъ не освѣдомился о фактахъ, на которые ссылался я: объ избіеніи Павликіанъ Ѳеодорой и объ учрежденіи инквизиціи Ѳеодосіемъ Великимъ?

Вѣроятно, онъ нуждается въ дальнѣйшихъ указаніяхъ, которыя я съ удовольствіемъ готовъ ему дать. Массовыя казни Павликіанъ (съ инквизиціоннымъ процессомъ, а также и безо всякаго процесса) были произведены въ 848 году, о нихъ сообщаютъ византійскіе писатели: продолжатель Ѳеофана и другіе; число казненныхъ опредѣляется различно—не менѣе десяти тысячъ и не болѣе

ста тысячъ. Во всякомъ порядочномъ учебникѣ по церковной или по византійской исторіи этотъ фактъ излагается болѣе или менѣе подробно [1]).

Что касается до законодательнаго учрежденія инквизиціи въ Византіи, то я не буду затруднять своего оппонента ссылками на византійскіе своды законовъ. Въ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ навѣрное есть Брокгаузъ или Мейеръ. У этого послѣдняго (Meyers Conversationslexicon, 4. Aufl., VIII. B., S. 970) въ статьѣ „Inquisition“ г. Ю. Николаевъ можетъ прочесть слѣдующее краткое, но на первый разъ достаточное извѣстіе: „Уже при императорахъ Ѳеодосіи Великомъ и Юстиніанѣ учреждены были особые судьи (Gerichtspersonen) для розыска тѣхъ, которые не принадлежали къ православной вѣрѣ, напримѣръ, манихеевъ, и затѣмъ разысканные подвергались обыкновенно церковнымъ, но также и градскимъ наказаніямъ.“ Если же, не довольствуясь этимъ, г. Ю. Николаевъ обратится къ законодательнымъ актамъ, то онъ увидитъ, что эти наказанія противъ еретиковъ или даже противъ такихъ раскольниковъ, какъ донатисты,—доходили до смертной казни.

Въ томъ же № „Московскихъ Вѣдомостей“ В. А. Грингмутъ ссылается противъ меня на посланіе греческихъ патріарховъ, утверждающихъ, что св. крещеніе можетъ быть совершено только *православнымъ* и притомъ *понимающимъ важность таинства*. Такая ссылка нисколько не убѣдительна. Когда рѣчь идетъ объ изначальномъ ученіи церкви, то ссылаться нужно на свидѣтельства, имѣющія вселенскій непогрѣшительный авторитетъ, а не на мнѣніе позднѣйшихъ іерарховъ, такого авторитета не имѣющихъ. Утвержденіе греческихъ патріарховъ, кромѣ своего несогласія съ никейскими и карѳагенскими постановленіями, прямо противорѣчитъ давнишней и общеизвѣстной практикѣ нашей россійской церкви. Г. Грингмуту, вѣроятно, извѣстны примѣры протестантовъ, или католиковъ, присоединенныхъ къ нашей церкви безъ повторенія крещенія. Слѣдовательно, ихъ прежнее крещеніе, хотя совершенное

---

1) Догадываюсь, что для замѣны еретиковъ-Павликіанъ неповинными ни въ какой ереси жителями Салоникъ г. Ю. Николаевъ нашелъ лишній поводъ въ томъ обстоятельствѣ, что противъ избіенія солунянъ протестовалъ св. Амвросій миланскій, а объ этомъ великомъ святителѣ я упоминалъ въ своемъ рефератѣ. Но вѣдь я упоминаю о немъ не по поводу солунянъ (о которыхъ ни въ рефератѣ, ни въ преніяхъ мнѣ не было никакихъ причинъ говорить), а по поводу того, что онъ вмѣстѣ съ св. Мартиномъ турскимъ протестовали принципіально противъ казни еретиковъ (когда вожди *присцилліанской* ереси были казнены въ Трирѣ императоромъ-узурпаторомъ Максимомъ).

неправославными, признавалось дѣйствительнымъ. Что же касается до крещенія умирающихъ младенцевъ простецами или женщинами, то, очевидно, нѣтъ никакой возможности при такихъ обстоятельствахъ чинить розыскъ, насколько повивальная бабка (быть можетъ, еврейка или совершенно невѣрующая) понимаетъ важность таинства. Такимъ образомъ ссылка В. А. Гринмута доказываетъ слишкомъ много и потому ничего не доказываетъ.

Тутъ же В. А. Гринмутъ спрашиваетъ: „Неужели Вл. С. Соловьевъ серіозно думаетъ, что все дѣло въ одномъ *обрядѣ*, а не въ томъ, кто совершаетъ этотъ обрядъ?“ На этотъ вопросъ могу отвѣчать только другимъ: въ чемъ же, наконецъ, меня обвиняютъ? Въ оскорбленіи всего священнаго, или въ поклоненіи обряду? Въ кощунственномъ раціонализмѣ или въ слѣпомъ ритуализмѣ? Въ либерализмѣ, или въ папизмѣ? Въ нападеніи на историческое христіанство, или въ защитѣ католичества?

Не знаю, какъ мои противники согласуютъ такія обвиненія, я же полагаю, что настоящая причина этихъ нападеній есть мое пониманіе христіанства, какъ живого духа Христова, всеобъемлющаго и ничѣмъ не связаннаго.

Владиміръ Соловьевъ.

4.

№ 304. 3 ноября 1891.

М. Г.!—Находя правильнымъ (при данныхъ обстоятельствахъ) требованіе, высказанное въ передовой статьѣ № 300 „Московскихъ Вѣдомостей“, честь имѣю сообщить, что, помимо напечатанія моего реферата въ распространенной и литературно-обработанной формѣ, онъ будетъ также воспроизведенъ и въ томъ видѣ, въ какомъ читался 19-го октября, безо всякихъ измѣненій, пропусковъ или дополненій (въ протоколахъ засѣданія Психологическаго Общества), а затѣмъ подлинникъ рукописи, по которой я читалъ, будетъ представленъ мною по начальству [1]). Слова: „если“ или „когда будетъ напечатанъ“ относились *исключительно* къ цензурнымъ послѣдствіямъ предпринятой противъ меня газетной кампаніи, и я могу только радоваться, если въ этомъ случаѣ ошибался и если нападенія „Московскихъ Вѣдомостей“ не будутъ имѣть того практическаго дѣйствія, котораго я опасался.

А пока дѣло не выяснится окончательно чрезъ напечатаніе реферата въ обоихъ его видахъ, считаю необходимымъ нѣкоторое объясненіе съ В. А. Грингмутомъ, а также опроверженіе несогласныхъ съ истиною заявленій въ послѣдней статьѣ, подписанной: Ю. Николаевъ (№ 300 „Московскихъ Вѣдомостей“).

Прежде всего на „главный и коренной вопросъ“ г. Грингмута я охотно дамъ ясный и категорическій отвѣтъ: *Да*. Свое пониманіе христіанства я считаю совершенно согласнымъ съ ученіемъ Св. Православной Церкви, которое находится въ священномъ пи-

---

[1]) Въ моемъ чтеніи не было ни одного выраженія, которое я хотѣлъ бы взять обратно; читать же весь рефератъ вполнѣ въ видѣ окончательно обработаннаго трактата я не имѣлъ физической возможности, по условіямъ мѣста и времени.

саніи, въ вѣроопредѣленіяхъ семи вселенскихъ соборовъ и въ твореніяхъ св. отцовъ, начиная отъ мужей апостольскихъ и кончая свв. Максимомъ Исповѣдникомъ, Іоанномъ Дамаскинымъ, Ѳеодоромъ Студитомъ, Тарасіемъ и Игнатіемъ Константинопольскими.

А затѣмъ я нисколько не сомнѣваюсь, что ясные вопросы и опредѣленные отвѣты суть непремѣнное условіе серіознаго научнаго спора. Но въ виду тѣхъ практическихъ нападеній, которымъ я подвергся въ передовыхъ статьяхъ „Московскихъ Вѣдомостей“, можно ли было догадаться, что дѣло идетъ о научномъ спорѣ въ интересахъ теоретической истины? Эти нападенія если и имѣли отношеніе къ какой нибудь наукѣ, то развѣ только къ наукѣ уголовнаго права, въ которой я совершенно не компетентенъ. Самые вопросы, предложенные В. А. Грингмутомъ, хотя и не заключали въ себѣ прямыхъ обвиненій въ преступленіяхъ, не совсѣмъ однако нарушали общее впечатлѣніе, произведенное на меня этою полемикой. Содержаніе моего реферата,—хорошо ли, худо ли,—во всякомъ случаѣ относится къ извѣстной наукѣ, называемой философіей исторіи. Но къ какой же собственно наукѣ относится, напримѣръ, вопросъ: почему я, Владиміръ Соловьевъ, не подражаю примѣру Лютера?

Если же въ самомъ дѣлѣ г. Грингмутъ имѣетъ въ виду теоретическій споръ о такихъ важныхъ и интересныхъ, хотя и не совсѣмъ подходящихъ для политической газеты вопросахъ, какъ разные виды благодати, отношеніе субъективнаго и объективнаго элементовъ въ таинствѣ и т. п. и если „Московскія Вѣдомости“ согласны открыть свои столбцы свободному обсужденію этихъ предметовъ, то, несмотря на всю безпримѣрность такого явленія, я, разумѣется, съ величайшимъ удовольствіемъ воспользуюсь столь благопріятнымъ для меня обстоятельствомъ. В. А. Грингмутъ дважды увѣряетъ, что въ основаніи моихъ взглядовъ и дѣйствій лежитъ стремленіе сѣсть между двухъ стульевъ. Если такъ, то я уже совсѣмъ не понимаю усиленныхъ нападеній на меня. Одна мудрая талмудическая пословица говоритъ: „Не толкай пьянаго, онъ и самъ упадетъ“. Еще безполезнѣе, кажется, толкать человѣка, садящагося между двухъ стульевъ.

Переходя къ „мнимой инквизиціи“, я долженъ заявить, что фактъ моей ссылки на избіеніе Павликіанъ, а не Солунянъ, готовы засвидѣтельствовать весьма многіе члены Психологическаго Общества, бывшіе въ закрытомъ засѣданіи 19-го октября. Авторъ

названной статьи не сообразилъ, насколько его утвержденіе неправдоподобно. Еслибъ онъ говорилъ только, что за *неимѣніемъ* хорошихъ аргументовъ, я способенъ пускать въ ходъ никуда негодные, то, конечно, большинство читателей „Московскихъ Вѣдомостей“ охотно бы ему повѣрили. Но чтобы, зная факты прямо подходящіе къ моему тезису, я сталъ ссылаться на другіе, совершенно неподходящіе, вовсе къ дѣлу не относящіеся, — этому никто не повѣритъ. Но именно это и взводитъ на меня авторъ „мнимой инквизиціи“. Онъ и самъ признаетъ (по крайней мѣрѣ, теперь) существованіе дѣйствительныхъ религіозныхъ гоненій на Востокѣ; что они извѣстны мнѣ,—этого онъ также не отрицаетъ и хорошо дѣлаетъ, ибо о нихъ неоднократно упоминается въ моихъ печатныхъ сочиненіяхъ (напр., въ статьяхъ: „Великій споръ и христіанская политика“; также въ книгѣ „La Russie et l'Eglise Universelle“). Имѣя такимъ образомъ полную возможность ссылаться на факты религіознаго избіенія еретиковъ, я не имѣлъ никакого повода упоминать о политическомъ избіеніи православныхъ Солунянъ. Точно также по вопросу объ инквизиціи въ Россіи зачѣмъ стану я ссылаться на Бородинское сраженіе (какъ пародируетъ мою шутку г. Ю. Николаевъ), когда я могу прямо ссылаться на несомнѣнный фактъ существованія инквизиціоннаго трибунала въ Москвѣ не далѣе какъ въ концѣ XVII вѣка. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ рѣшено было существовавшее при Заиконоспасскомъ монастырѣ духовное училище превратить въ высшее богословское, научное и вмѣстѣ съ тѣмъ церковно-практическое. учрежденіе, сообщивъ ему, между прочимъ, формальную привилегію инквизиціоннаго судилища для розыска, сужденія и приговора къ сожженію и другимъ наказаніямъ всѣхъ обвиняемыхъ въ различныхъ религіозныхъ преступленіяхъ. Передавъ въ своей „Исторіи Россіи“ подробности этой „привилегіи“, С. М. Соловьевъ дѣлаетъ такое заключеніе: „Московская Академія по проекту царя Ѳеодора—эта цитадель, которую хотѣла устроить для себя Православная Церковь при необходимомъ столкновеніи своемъ съ иновѣрнымъ Западомъ:—это не училище только, это *страшный инквизиціонный трибуналъ*: произнесутъ блюстители съ учителями слова: „виновенъ въ неправославіи“,—и костеръ запылаетъ для преступника.“ (С. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнихъ временъ“, томъ XIII, изд. 2-ое, М. 1870, стр. 314). Преобразованіе Академіи со стороны научной было осуществлено весьма неполно, но инквизиціонный трибуналъ въ Москвѣ сталъ

фактомъ и принялся за свое дѣло съ такимъ чрезмѣрнымъ усердіемъ, что защищалъ огнемъ не только наше собственное православіе, но и лютеранскую ортодоксію. Такъ, въ 1689 году былъ судимъ (по доносу пастора) и сожженъ въ Москвѣ первый появившійся въ Россіи философъ, мистикъ Квиринъ Кульманъ.

Возвращаюсь къ Византіи. Въ поученіе г. Николаева, не слыхавшаго о восточной инквизиціи, я выписалъ изъ словаря Мейера (статья „Inquisition“) краткое извѣстіе о спеціальныхъ византійскихъ судахъ противъ еретиковъ. Вмѣсто того, чтобы поблагодарить меня за эту легкую, но все-таки не лишнюю для него помощь, онъ обвиняетъ меня же въ фальшивой цитатѣ! Опять неправдоподобно и неосторожно. Вѣдь къ словарю Мейера можетъ обратиться всякій, и всякій увидитъ, что приведенное мною извѣстіе дѣйствительно находится въ указанной статьѣ, что оно составляетъ отдѣльную фразу, и что ничего другого относящагося къ спорному вопросу въ статьѣ не имѣется, и выписывать мнѣ оттуда больше нечего. Слѣдовательно, не только о фальшивой, но и объ урѣзанной (какъ болѣе осторожно выражается передовая статья „Московскихъ Вѣдомостей“) цитатѣ не можетъ быть и рѣчи. Свое невѣроятное обвиненіе г. Николаевъ оправдываетъ только тѣмъ, что я не выписалъ изъ той статьи другихъ извѣстій, говорящихъ... о *римской инквизиціи*. Да развѣ о ней былъ какой-нибудь споръ? Вѣдь это тѣ же солуняне, та же Бородинская битва! Если бы г. Николаевъ отрицалъ римскую инквизицію, то я бы выписалъ ему и о римской, но такъ какъ онъ отрицалъ только византійскую, то я и ограничился лишь тѣмъ, что относилось къ ней. Но онъ, вѣроятно, думаетъ, что настоящій способъ цитированія состоитъ не въ томъ, чтобы выписывать то, что относится къ дѣлу, но также и все прочее, что стоитъ по близости. Ну, какъ назвать по совѣсти такую выходку?

Такъ какъ авторъ „мнимой инквизиціи“ упоминаетъ съ чужихъ словъ и о самомъ постановленіи 382 г., но, какъ видно изъ его замѣчаній, не знаетъ не только текста закона, но и титула, къ которому онъ относится, то я сообщу ему, что этотъ законъ (V) *Theodosii M quarta in haereticos Constitutio* помѣщается въ *Cod. Theod. l. b. XVI, titulus* V *de haereticis, c. 9.* и что въ немъ находятся между прочимъ такія слова: *Sublimitas itaque tua dat Inquisiteres, aperiet forum*, indices denunciatoresque sine invidia delationis accipiat nemo praescriptione communi

exordium accusationis hujus infringat". Законовъ карательныхъ противъ еретиковъ подъ однимъ этимъ титуломъ находится 66.

Въ заключеніе г. Николаевъ съ удареніемъ и подчеркиваніемъ настаиваетъ на томъ, что мнѣніе о византійскомъ началѣ инквизиціи и вообще о существованіи ея на Востокѣ есть мое *единолично*е мнѣніе. „Въ наукѣ (sic), говоритъ онъ, если исключить краткіе и многотомные папистскіе памфлеты противъ Восточной Церкви—такого мнѣнія *никогда не существовало*" (курсивъ его). Конечно, когда дѣло идетъ о наукѣ, то нѣтъ лица болѣе авторитетнаго, чѣмъ авторъ „Мнимой инквизиціи". Тѣмъ не менѣе и этому авторитету приходится предпочесть ясную и очевидную истину. Извѣстный ученый, профессоръ Петербургской Духовной Академіи Чельцовъ никогда въ папизмѣ заподозрѣнъ не былъ. Вотъ что онъ говоритъ по нашему вопросу въ своей рѣчи, произнесенной въ годичномъ торжественномъ собраніи Духовной Академіи и затѣмъ напечатанной въ „Христіанскомъ Чтеніи": „Не папистическая церковь изобрѣла, мм. гг., инквизицію; она была въ этомъ отношеніи только достойною ученицей византійской церковной политики" („Христіанское Чтеніе", 1877 г., № III и IV, стр. 508).

Я не обвиняю г. Ю. Николаева въ незнаніи. Конечно, лучшее знакомство съ русскою духовною литературой было бы для него прилично, но нравственной обязанности въ этомъ нѣтъ. Не обвиняю я его и за то, что онъ говоритъ о томъ, чего не знаетъ: присяжному журналисту избѣжать этого грѣха очень трудно. Но выступать по совершенно незнакомымъ предметамъ съ рѣшительными, категорическими и подчеркнутыми утвержденіями, противными истинѣ, прибавляя къ нимъ ругательства противъ людей болѣе компетентныхъ—это уже совсѣмъ стыдно.

Владиміръ Соловьевъ.

Письма къ Н. Я. Гроту. [1)]

Многоуважаемый

Николай Яковлевичъ!

По неожиданнымъ и совершенно *неотвратимымъ* обстоятельствамъ не могу къ Вамъ пріѣхать, о чемъ искренно сожалѣю. Завтра или послѣ-завтра заѣду и (буде потребуется) дамъ объясненіе.

До свиданія.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

[1)] Перепечатываемъ 4 письма Вл. С. Соловьева къ Н. Я. Гроту изъ книги „Николай Яковлевичъ Гротъ“ (Спб., 1911 г.), въ дополненіе къ серіи писемъ, помѣщенныхъ въ 1-омъ томѣ „Писемъ Вл. С. Соловьева“.
Прпм. ред.

2.

Вторникъ, с. Выныркн (1889).

Дорогой Николай Яковлевичъ!

Все готово. Завтра утромъ (въ среду) буду у Васъ. Въ происшедшей маленькой задержкѣ не виноватъ: корректуру, отправленную въ пятницу, получилъ только въ воскресенье вечеромъ, вернувшись къ Трубецкому изъ Москвы, гдѣ три раза былъ у Васъ, но не заставалъ дома.

Итакъ, до завтра. Будьте здоровы.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

3.

(Финляндія) 22 ноября 1894 г.

Любезные друзья
Николай Яковлевичъ,
Драконъ Михайловичъ,
Сергѣй Николаевичъ.

(NB сему пишу на-дняхъ отдѣльно.)

Благодарю Васъ за внимательное отношеніе къ моей статьѣ. Безусловно согласенъ съ вашимъ заключеніемъ, что безъ передѣлокъ ее печатать не годилось. Также безусловно согласенъ, что въ частности пунктъ о дыханіи обоснованъ крайне слабо. Согласенъ juxta modum съ тѣмъ, что ты, Гротъ, возражаешь на счетъ размноженія. Дѣло въ томъ, что я употребилъ это слово, чтобы избѣжать термина (coitus), принятаго въ медицинской и зоологической, но не въ философской литературѣ. Размноженіе же въ точномъ смыслѣ, т. е. дѣторожденіе, по справедливому твоему замѣчанію, не есть грѣхъ, а по моему справедливому дополненію есть даже искупленіе грѣха,—для матери прямо и принудительно, для отца косвенно и факультативно. Имѣю, однако, два возраженія:

1. Conceptum generationemque futuram in actu coitus praescire non est mortalibus datum.

2. Любовь безплодная сама по себѣ не можетъ быть грѣхомъ, грѣховность же мѣръ предупрежденія concedo въ принципѣ.

Безусловно несогласенъ съ возраженіемъ относительно неполнаго исчисленія физіологическихъ функцій. Это возраженіе происходитъ единственно отъ вашей разсѣянности, ибо я начинаю съ заявленія, что имѣю въ виду *главныя физіологическія* функціи, а вы мнѣ указываете или на такія, которыя не суть глав-

ныя, или на такія, которыя относятся вовсе не къ физіологіи, а къ психологіи.

О столпничествѣ и бичеваніи у меня будетъ рѣчь въ главѣ о ложномъ аскетизмѣ. Бичеваніе всегда было нѣкоторымъ способомъ мастурбаціи и суррогатомъ coitus'a. Борьба съ болтливостью и помыслами никакого физіологическаго значенія не имѣетъ. Вѣдь предметомъ обузданія здѣсь были не механическія движенія языка и мозговыхъ молекулъ, о которыхъ аскеты ничего не знали, а самое психическое содержаніе словъ и мыслей.

Согласенъ я съ замѣчаніемъ Трубецкаго, что подходъ къ аскетизму имѣетъ у меня метафизическую видимость, которую легко устранить.

Чтобы не утруждать васъ чрезмѣрно грустными матеріями, перехожу къ баснѣ, *давно мною написанной* и не имѣющей никакого отношенія ни къ аскетизму, ни къ политикѣ.—Honni soit qui mal y pense.[1])

---

1) Слѣдуетъ басня „Бревно и эѳіопы"; она была напечатана въ I-омъ томѣ „Писемъ", стр. 206 *Прим ред.*

4.

Выборгъ. 12 ноября 1896 г.

Невронъ [1]) финляндскій, страждущій *невритомъ*,
Привѣтъ свой шлетъ московскому *неврону!*
Все бытіе земное—что *ни ври тамъ*—
Все въ рѣку брошено (въ рѣку временъ)—*не въ Рону!*

Πάντα ῥεῖ

. . . . . .
И съ каждымъ годомъ, подбавляя ходу,
Рѣка временъ несется все быстрѣй,
И, чуя издали и море, и свободу,
Я говорю спокойно: панта рэй!
Но мнѣ грозитъ Левонъ неустрашимый,—
Субстанцій динамическихъ мѣшокъ
Свезти къ рѣкѣ и массою незримой
Вдругъ запрудить весь Гераклитовъ токъ.
Левонъ, Левонъ! Оставь свою затѣю,
И не шути съ водою и огнемъ...
Субстанцій нѣтъ! Прогналъ ихъ Гегель въ шею;
Но и безъ нихъ мы славно заживемъ!

А что касается до статьи, то значительный кусокъ ея уже готовъ и будетъ на-дняхъ отправленъ въ Москву, а затѣмъ и

---

1) Какъ этотъ терминъ, такъ и нижеслѣдующее стихотворное обращеніе къ Л. М. Лопатину находятъ себѣ объясненіе въ вышедшей тогда же книжкѣ „Вопросовъ Философіи и Психологіи“ (кн. 34, сент.-окт., 1896), гдѣ помѣщены, между прочимъ, статья С. Суханова: „Ученіе о нейронахъ въ приложеніи къ объясненію нѣкоторыхъ психическихъ явленій“ и изложеніе преній по реферату Лопатина: „Понятіе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта“—о субстанціяхъ (въ „В. Ф. и П.“, 1896, кн. 2). *Прим. К. Я. Грота.*

остальное, и что принадлежитъ до меня, книжка можетъ безпрепятственно выйти, если не 1-го, то въ первыхъ числахъ декабря. Думаю, и не безъ основанія, что по части запаздыванія на меня только слава, а настоящіе кунктаторы сидятъ въ Москвѣ. Это, впрочемъ, не упрекъ: знаю по собственному опыту, что въ этихъ—прости Господи—столицахъ не только писать..., за суетою не успѣваешь. Порядочные люди, особливо ежели они придворные или же дамскіе ферлакуры, прямо наживаютъ нефриты, и кому, какъ мнѣ, доктора говорятъ только о невритѣ (о, не врите!), тотъ долженъ благодарить Бога и больше ничего.

Относительно лекціи въ мартѣ что скажу? Развѣ то, что вмѣсто лекціи въ мартѣ могу самъ оказаться Мартой, которой будутъ пѣть: Марта! Марта! Куда ты скрылась? Ибо въ животѣ, равно какъ и въ смерти, одинъ Богъ воленъ.—Послѣ-завтра я буду въ Петербургѣ и оттуда пришлю рукопись.

Будь здоровъ. Обнимаю тебя и всѣхъ друзей. Сердечно кланяюсь Наталіи Николаевнѣ.

Прилагаю сегодняшнее произведеніе музы, посѣтившей меня во время утренняго шатанія по выборгскимъ улицамъ и бульварамъ:—

Эти финскія малютки
Безконечно бѣлокуры!
Хоть попробовать для шутки
Имъ въ *серьезъ* устроить куры?
Отъ меня сѣдыхъ бы зайцевъ
Родили они навѣрно.
Мяса я не ѣмъ, и былъ бы
Имъ папаша я примѣрный.
Пустяки! На бѣломъ свѣтѣ
Проживу безъ бѣлыхъ финнокъ,
А кому угодно зайцевъ,—
Ихъ зимою полонъ рынокъ!

Влад. Соловьевъ.

Въ виду слуховъ, вызванныхъ извѣстнымъ письмомъ Николая Толстого отъ 21-го августа 1910 г., перепечатываемъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 253, 3-го ноября 1910 г.) ппсьмо священника Н. Колосова.

„Московскія Вѣдомости“, № 253, среда, 3 (16) ноября 1910 г.

Объ исповѣданіи В. С. Соловьева.

(Письмо къ издателю).

М. Г.! Въ виду напечатаннаго въ „*Русскомъ Словѣ*“ раз сказа бывшаго священника Н. Толстого о томъ, какъ онъ причастилъ покойнаго русскаго философа Владиміра Сергѣевича Соловьева по уніатскому обряду, не откажите помѣстить въ „*М. В.*“ разсказъ православнаго русскаго священника о томъ, какъ онъ исповѣдалъ и причастилъ Владиміра Сергѣевича передъ его смертью. Священникъ этотъ, С. А. Бѣляевъ, въ настоящее время состоитъ при Московской Сокольнической больницѣ, а во время предсмертной болѣзни и смерти Владиміра Сергѣевича былъ священникомъ въ селѣ Усковѣ, Московскаго уѣзда, гдѣ находится имѣніе князя П. Н. Трубецкого, и можетъ подтвердить помѣщаемый разсказъ. Вотъ что разсказываетъ онъ:

„Лѣто 1900 года князь П. Н. Трубецкой не жилъ въ Усковѣ, а жилъ тамъ покойный братъ его Сергѣй Николаевичъ, впослѣдствіи ректоръ Московскаго университета, другъ Влад. Серг. Соловьева. Сюда къ нему и пріѣхалъ въ іюлѣ погостить Владиміръ Сергѣевичъ, уже больной. Еще только-что выѣхавъ изъ Москвы, за Калужской заставой, Влад. Серг. почувствовалъ себя дурно и хотѣлъ было вернуться назадъ, въ Москву, но передумалъ и поѣхалъ въ Усково; но, пріѣхавъ туда, въ тотъ же день, по совѣту врача, слегъ въ постель, съ которой уже не всталъ. И вотъ какъ-то вечеромъ приходитъ

ко мнѣ человѣкъ Трубецкихъ съ просьбой отъ Сергѣя Николаевича отслужить на другой день литургію и послѣ нея придти причастить обѣденными Дарами [1]) (личное желаніе Влад. Серг.) пріѣхавшаго изъ Москвы больного барина. На другой день, въ концѣ утрени, пришла нянька Трубецкихъ—съ просьбой исповѣдать больного до обѣдни (при этомъ она назвала и имя больного—Владиміръ, а кто онъ, она не знала). Отслуживъ утреню, я отправился въ домъ Трубецкихъ. Въ передней встрѣтилъ меня самъ князь Сергѣй Николаевичъ и, повторивъ просьбу больного, спросилъ меня: знаю-ли я его? Я отвѣтилъ, что не знаю. Вслѣдъ за этимъ князь ввелъ меня въ кабинетъ, гдѣ лежалъ на диванѣ Влад. Сергѣевичъ, и познакомилъ съ нимъ (помню, между прочимъ, что волосы у Влад. Серг. были острижены). Исповѣдался Влад. Серг. съ истинно христіанскимъ смиреніемъ (исповѣдь продолжалась не менѣе получаса) и, между прочимъ, сказалъ, что не былъ на исповѣди уже года три, такъ какъ, исповѣдавшись послѣдній разъ (въ Москвѣ или Петербургѣ—не помню), поспорилъ съ духовникомъ по догматическому вопросу (по какому именно, Влад. Серг. не сказалъ) и не былъ допущенъ имъ до Св. Причастія.—„Священникъ былъ правъ,—прибавилъ Влад. Серг., а поспорилъ я съ нимъ единственно по горячности и гордости; послѣ этого мы переписывались съ нимъ по этому вопросу, но я не хотѣлъ уступить, хотя и хорошо сознавалъ свою неправоту; теперь я вполнѣ сознаю свое заблужденіе и чистосердечно каюсь въ немъ.“—Когда кончилась исповѣдь, я спросилъ Влад. Серг., не припомнитъ ли онъ еще какихъ-нибудь грѣховъ.

— „Я подумаю и постараюсь припомнить“,—отвѣчалъ онъ. „Я предложилъ ему подумать, а самъ сталъ-было собираться идти служить литургію, но онъ остановилъ меня и попросилъ прочитать ему разрѣшительную молитву, такъ какъ боялся впасть въ безпамятство. Я прочиталъ надъ нимъ разрѣшительную молитву и пошелъ въ церковь служить обѣдню. Отслуживъ обѣдню, я съ обѣденными Св. Дарами пришелъ снова къ Влад. Серг. и спросилъ его: не припомнилъ ли онъ за собой еще какого-либо грѣха?.

— „Нѣтъ батюшка,—отвѣтилъ онъ.—Я молился о своихъ

---

[1]) Т.е. освященными на только-что отслуженной литургіи.

грѣхахъ и просилъ у Бога прощенія въ нихъ, но новаго ничего не припомнилъ."

„Тогда я причастилъ его Св. Таинъ. При этомъ присутствовали князь Сергѣй Николаевичъ и супруга его Прасковья Владиміровна. Въ этотъ-же день Влад. Серг. впалъ въ безпамятство и до самой кончины не приходилъ въ себя.

„Между прочимъ, помню, что князь Сергѣй Николаевичъ въ разговорѣ со мной энергически опровергалъ молву, будто Влад. Серг. былъ алкоголикъ. Помню еще, что самъ Влад. Серг. говорилъ мнѣ, что его считаютъ вегетаріанцемъ—на томъ основаніи, что онъ не ѣстъ мяса, но что хотя онъ и на самомъ дѣлѣ не ѣстъ мяса, но только отнюдь не потому, что придерживается вегетаріанства.

„Когда прахъ Влад. Сергѣевича былъ опущенъ въ могилу, я, простившись съ кн. С. Н., вышелъ за ворота монастыря и взялъ перваго попавшагося извозчика. Извозчикъ спросилъ меня, кого это хоронили?—Я отвѣтилъ, что хоронили одного извѣстнаго русскаго ученаго и писателя.

— „Ужъ не Владиміра-ли Сергѣевича Соловьева?"

„Я отвѣтилъ, что его, и при этомъ спросилъ извозчика: почему онъ его знаетъ?—Извозчикъ отвѣчалъ, что онъ всегда стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Влад. Серг. останавливался по пріѣздѣ въ Москву, т. е. у квартиры его матери.

— „И какъ узнаешь, бывало, что пріѣхалъ Влад. Серг., такъ и поджидаешь его всегда у подъѣзда, и какъ онъ только выйдетъ, спрашиваешь: куда ѣхать? А о цѣнѣ не говоришь, потому что онъ самъ платилъ всегда больше, чѣмъ слѣдовало. Добрый былъ баринъ: такихъ нынѣ мало. Если увидитъ нищаго, сейчасъ тебя остановитъ и слѣзетъ подать милостыню."

Свящ. Н. Колосовъ.

25 октября 1910 г.

Не изданныя и не вошедшія въ собраніе сочиненій статьи.

Нѣсколько словъ о настоящей задачѣ философіи.

(сказано на философскомъ диспутѣ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ 24-го ноября 1874 г.) [1]).

Мм. Гг.!

Для всѣхъ, кто признаетъ какой-нибудь смыслъ въ исторіи человѣчества, не подлежитъ сомнѣнію, что историческая жизнь народовъ опредѣляется прежде всего ихъ основными убѣжденіями, ихъ общимъ міровоззрѣніемъ. Въ извѣстныя эпохи и въ извѣстныхъ общественныхъ слояхъ могутъ появляться *отдѣльные люди*, совершенно освободившіеся отъ всякихъ убѣжденій, лишенные всякаго внутренняго содержанія,—люди *пустые* однимъ словомъ,—но пустыхъ *народовъ* не знаетъ исторія. Да что и для отдѣльнаго человѣка неестественно существовать безъ высшихъ духовныхъ началъ, жить въ умственной и въ нравственной пустотѣ,—это слишкомъ убѣдительно доказывается нѣкоторыми явленіями какъ прошедшей, такъ и современной исторіи. Извѣстно въ самомъ дѣлѣ, что въ тѣ эпохи, когда прежнія начала жизни ослабѣли и исчезаютъ, а другихъ еще не является, когда старое умерло, а новое еще не нарождалось,—въ такія эпохи развивается и достигаетъ огромныхъ размѣровъ *манія самоубійствъ*;—я разумѣю такія самоубійства, которыя не могутъ быть удовлетворительно объяснены изъ однѣхъ внѣшнихъ частныхъ причинъ. Такъ, я думаю, всякій изъ васъ могъ замѣтить, что въ большей части тѣхъ много

---

[1]) Рѣчь на магистерскомъ диспутѣ 24-го ноября 1874 г.; рукопись любезно доставлена княземъ П. В. Чегодаевымъ княземъ Татарскимъ. *Прим. ред.*

численныхъ самоубійствъ, что совершаются въ наши дни, если и существуютъ внѣшніе поводы, то поводы настолько ничтожные, что во всякое другое время они не могли бы возбудить и мысли о самоубійствѣ. А бываютъ случаи, что и безо всякаго внѣшняго повода въ самой счастливой обстановкѣ люди сильные и здоровые равнодушно лишаютъ себя жизни, объявляя, что жить не стòитъ, не изъ чего. Если оставить произвольныя и ничего не говорящія объясненія, то придется признать, что дѣйствительно причина въ томъ, что жить не изъ чего, что съ исчезновеніемъ глубокихъ убѣжденій, всеобщихъ безусловныхъ идей опустѣлъ міръ внутренній, и потерялъ свою красоту міръ внѣшній. Каждый почти день приноситъ намъ убійственно-реальныя доказательства того, что человѣкъ есть существо изъ двухъ міровъ, что чистый эфиръ міра духовнаго такъ же необходимъ для его жизни, какъ и воздухъ міра вещественнаго. Когда человѣкъ, освободившись ото всякихъ безусловныхъ началъ и стремленій, обращается исключительно къ непосредственнымъ практическимъ интересамъ, то скоро для него самаго обнаруживается та парадоксальная истина, что всѣ эти наслажденія и радости обыкновенной жизни, которыя кажутся такими непосредственными и себѣ довлѣющими, въ дѣйствительности имѣютъ значеніе только при чемъ нибудь *другомъ*, только какъ матеріальная подкладка, внѣшняя среда другой, высшей жизни, сами же по себѣ, поставленныя какъ *цѣль*, лишены всякаго положительнаго содержанія и радикально не способны дать какое нибудь удовлетвореніе. По извѣстному миѳологическому вѣрованію многихъ народовъ въ одну таинственную лѣтнюю ночь земля открываетъ всѣ свои сокровища, но только мудрые, вѣщіе люди, употребляющіе магическія силы для высокихъ цѣлей познанія и подчиненія себѣ природы, получаютъ эти сокровища и пользуются ими; тѣ же, которые искали только этихъ вещественныхъ сокровищъ ради нихъ самихъ, приносятъ домой вмѣсто воображаемаго золота только обгорѣлые уголья и навозъ.—Сокровища непосредственной жизни имѣютъ цѣну лишь когда за ними таится безусловное содержаніе, когда надъ ними стоитъ безусловная цѣль. Если же это содержаніе, эта цѣль перестали существовать для человѣка, а интересы матеріальной жизни обнаружили между тѣмъ все свое ничтожество, то понятно, что ничего болѣе не остается кромѣ самоубійства.

Итакъ, Мм. Гг., безусловно необходимы для жизни человѣческой убѣжденія и воззрѣнія высшаго порядка, т. е. такія, что

разрѣшали бы существенные вопросы *ума*, вопросы объ истинѣ сущаго, о смыслѣ или разумѣ явленій, и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяли бы высшимъ требованіямъ *воли*, ставя безусловную цѣль для хотѣнія, опредѣляя верховную норму дѣятельности, давая внутреннее содержаніе всей жизни; необходимы, говорю я, такія общія воззрѣнія, что разрѣшали бы тѣ вопросы и удовлетворяли бы тѣмъ требованіямъ, которыхъ не разрѣшаютъ и которымъ не удовлетворяютъ ни непосредственная практическая жизнь, ни положительная наука. Такія общія воззрѣнія, какъ извѣстно, существовали и существуютъ и притомъ въ двухъ формахъ: религіи и философіи. Но тутъ представляется великое затрудненіе. Если насъ и не долженъ останавливать тотъ для многихъ соблазнительный фактъ, что какъ религія, такъ и еще болѣе философія лишены повидимому всякаго единства, представляясь въ видѣ множества отдѣльныхъ системъ, не признающихъ другъ друга; если это, говорю я, и не должно насъ останавливать, потому что для болѣе глубокаго пониманія уже давно открылось, что какъ всѣ религіозныя системы суть лишь различные болѣе или менѣе ограниченные фазисы одного и того же религіознаго содержанія, такъ равно и множественность философскихъ системъ есть лишь необходимое условіе для послѣдовательнаго и многосторонняго развитія однихъ и тѣхъ же умственныхъ началъ; если, такимъ образомъ, въ высшемъ конкретномъ единствѣ исчезаетъ кажущееся противорѣчіе внутри религіозной сферы и внутри сферы философской, то однако все еще остается раздвоеніе между религіей вообще и философіей вообще, двойственность вѣры и разума. Правда, это раздвоеніе существовало не всегда. Такъ, чтобы не обращаться къ слишкомъ глубокой древности, можно вспомнить, что въ лучшія времена христіанства лучшіе его представители соединяли искреннюю вѣру съ философскимъ глубокомысліемъ и не находили никакого противорѣчія между догматами своей религіи и послѣдними результатами тогдашней философіи. Но такое счастливое единство не было продолжительно. Сначала сознаніе разума отдѣлилось отъ религіозной вѣры, потомъ стало относиться къ ней прямо отрицательно, враждебно. Этому раздѣленію во внутреннихъ началахъ жизни приблизительно соотвѣтствуетъ и раздѣленіе во внѣшней жизни народовъ, раздѣленіе между такъ называемымъ образованнымъ обществомъ, которое болѣе или менѣе сознательно стало подъ знамя разсудочнаго просвѣщенія, получающаго свои высшія начала отъ философіи, — и такъ назы-

ваемымъ простымъ народомъ, который остался вѣренъ религіозному преданію.

Теперь спрашивается: нормально ли это двоякое раздѣленіе? Одна русская литературно-научная школа—такъ называемые славянофилы — отвѣчали на это безусловно отрицательно. Признавая указанное раздѣленіе явленіемъ вполнѣ ненормальнымъ, какимъ то историческимъ грѣхопаденіемъ, она требовала всецѣлаго возвращенія къ первоначальному единству, требовала, чтобы личный разумъ совершенно отказался отъ своей самостоятельности въ пользу общей религіозной вѣры и церковнаго преданія. Теперь уже и противники славянофильства признали важныя услуги, оказанныя русской мысли представителями этой школы. Тѣмъ не менѣе очевидно, что основныя начала ея могутъ быть приняты лишь послѣ кореннаго измѣненія. Со стороны теоретической, признавая все умственное развитіе запада явленіемъ безусловно ненормальнымъ, произвольнымъ, это воззрѣніе вноситъ колоссальную безсмыслицу во всемірную исторію; со стороны же практической оно представляетъ неисполнимое требованіе возвратиться назадъ къ старому, давно пережитому. Но если должно вопреки славянофильскому воззрѣнію признать западное развитіе, т. е. данное историческое раздвоеніе разумнаго сознанія и религіозной вѣры законнымъ произведеніемъ логической и исторической необходимости, то отсюда очевидно не слѣдуетъ, чтобы такое раздвоеніе было вѣчнымъ абсолютнымъ закономъ, чтобы философское сознаніе по существу своему противорѣчило религіозной вѣрѣ. Дѣйствительно, мы находимъ, что это раздвоеніе и противорѣчіе есть нормальное явленіе только какъ временное переходное состояніе, что если разумъ въ извѣстный моментъ своего развитія становится необходимо въ отрицательное отношеніе къ содержанію религіозной вѣры, то въ дальнѣйшемъ ходѣ этого развитія онъ съ такой же необходимостью приходитъ къ признанію тѣхъ началъ, что составляютъ сущность истинной религіи. Мы видимъ, что та самая западная философія, которая прежде чуждалась всѣхъ религіозныхъ началъ или относилась къ нимъ отрицательно, нынѣ по внутренней необходимости своего развитія стала на такую точку зрѣнія, которая требуетъ положительнаго отношенія къ религіи, вступила на такую почву, на которой возможно ея соединеніе съ религіей. И хотя это соединеніе еще не совершилось и весьма вѣроятно, что никогда не совершится въ *западной* философіи, но тѣмъ не менѣе весь предшествующій ходъ философскаго развитія заставляетъ признать его послѣднимъ результатомъ высшей

синтезъ философскаго познанія и религіозной вѣры. Теперь же, когда этотъ результатъ еще не достигнутъ, онъ составляетъ необходимую, настоящую *задачу* философской мысли.

Владиміръ Соловьевъ.

Учебникъ практической (?) логики, изложенной примѣнительно къ разбору образцовъ словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, сочин. И. С. Боровскій. СПБ., 1881. Цѣна 75 коп. [1]).

Книжка г. Боровскаго имѣетъ притязаніе на нѣкоторый особенный характеръ, отчасти обозначаемый уже ея заглавіемъ и поясняемый далѣе въ предисловіи. Впрочемъ, авторъ во всякомъ случаѣ лучше сдѣлалъ бы, если бы озаглавилъ свою книжку: „Практическій учебникъ логики“, а не учебникъ практической логики, ибо это послѣднее выраженіе едва-ли имѣетъ какой нибудь смыслъ.

Логика вообще есть теорія мышленія, и поскольку эта теорія примѣняется въ конкретныхъ случаяхъ дѣйствительнаго мышленія, логику можно, пожалуй, назвать практическою, но особой практической логики, очевидно, быть не можетъ. Авторъ прямо не объясняетъ этого страннаго заглавія, изъ того же, что онъ говоритъ въ предисловіи, и изъ самой книжки явствуетъ, что онъ имѣлъ въ виду учебникъ практическій въ смыслѣ приспособленія къ особенной дидактической цѣли, именно къ сближенію преподаванія логики съ преподаваніемъ словесности, или къ оживленію логическихъ положеній примѣрами изъ изящной литературы. Самая эта цѣль, однако, едва-ли можетъ опираться на какія нибудь объективныя основанія. Между логикой и изящной словесностью не существуетъ никакой особенной и спеціальной связи, въ силу которой было бы удобнѣе и разумнѣе иллюстрировать логику примѣрами изъ художественной литературы, а не изъ какой либо другой области человѣческаго духа. Напротивъ, можно съ увѣренностью сказать, что примѣры изъ математики и другихъ точныхъ наукъ были бы въ данномъ случаѣ гораздо болѣе близкими и цѣлесообразными. Ибо, конечно, ученый въ своей умственной работѣ болѣе заботится о логической формѣ, нежели художникъ, имѣющій въ виду форму эстетическую, а не логическую; эта послѣдняя для него есть лишь общее формальное условіе всякаго словеснаго выраженія, которому онъ под-

---

[1]) Эта рецензія, а также и слѣдующія три, заимствованы изъ бумагъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія. *Прим. ред.*

чиняется безотчетно и не намѣренно, а никакъ не существенная цѣль его творчества. Между тѣмъ когда приводятъ поэтическіе образы какъ примѣры логическихъ формъ и законовъ, то на первый планъ выдвигаютъ именно ту сторону этихъ образовъ, которая по ихъ собственному художественному смыслу должна быть совсѣмъ не замѣтна. При явномъ несоотвѣтствіи между дидактической задачей и художественной идеей, самый смыслъ поэтическихъ образовъ извращается, и толкованіе ихъ становится фальшивымъ, натянутымъ, а иногда и весьма комическимъ. Примѣрами такой несообразности, доходящей до комизма, очень богата книжка г. Боровскаго. Укажу на нѣкоторые.

Прежде изложенія собственной логики авторъ, какъ водится, сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній изъ психологіи, поясняя ихъ примѣрами изъ поэтическихъ произведеній. Пользоваться этими послѣдними при изъясненіи психическихъ явленій высшаго порядка— сложныхъ душевныхъ волненій, движеній человѣческихъ страстей— было бы вполнѣ разумно. Но элементарный учебникъ не разсматриваетъ сложныхъ проявленій человѣческаго духа, ограничиваясь лишь первичными формами душевной жизни, общими у человѣка съ другими животными. И для поясненія этихъ-то элементарныхъ явленій авторъ обращается къ поэзіи. Такъ, изложивъ въ § 4 свое понятіе объ ощущеніи въ такихъ словахъ: „Ощущеніе есть сознательное принятіе душою нервнаго потрясенія какого нибудь (sic) органа, которое произведено въ немъ тѣмъ или другимъ раздражителемъ“, авторъ въ поясненіе приводитъ весь заключительный эпизодъ „Тараса Бульба“. Между тѣмъ этотъ поэтическій отрывокъ представляетъ картинное описаніе послѣдняго подвига стараго атамана и имѣетъ въ виду его героизмъ, а вовсе не его физическія ощущенія, ради которыхъ приведено все это мѣсто въ учебникѣ; и напрасно г. Боровскій подчеркиваетъ нѣкоторыя отдѣльныя фразы—и въ нихъ ничего не говорится о физическихъ ощущеніяхъ Тараса Бульбы, такъ что автору учебника приходится читать между строкъ, и читать не удачно; такъ, подчеркивая слова „гвоздемъ прибивши ему руки“, г. Боровскій, очевидно, предполагалъ ощущеніе физической боли, которое долженъ былъ испытывать Бульба. Между тѣмъ не только объ этомъ ничего не говорится у Гоголя, но изъ всего послѣдующаго можно заключить, что именно Тарасъ въ эту минуту и не сознавалъ физической боли, всецѣло погруженный въ то, что дѣлали его хлопцы, уходившіе отъ погони. Но не говоря уже объ этомъ, т. е. о неудачномъ выборѣ примѣра,

слѣдуетъ замѣтить вообще, что хотя тѣлесныя наказанія и не употребляются въ гимназіяхъ, едва-ли однако ученики этихъ заведеній настолько счастливы, чтобы имъ нужно было за свѣдѣніемъ объ ощущеніи физической боли обращаться къ литературнымъ памятникамъ.

Едва-ли также понятіе о памяти станетъ болѣе ясно или болѣе твердо въ умѣ учащихся, когда они прочтутъ слѣдующіе „пояснительные“ стихи изъ Байрона.

Звукъ, ноты пѣсни музыкальной,
Іюльскій вечеръ, ночь, луна,
Букетъ цвѣтовъ, зефиръ, волна,
Веселый видъ и видъ печальный—
Все можетъ рану въ насъ раскрыть
И скорби цѣпь зашевелить. (Стр. 17.)

Какъ одинъ изъ логическихъ пріемовъ знанія разсматривается въ логикѣ *гипотеза*, и нашъ авторъ находитъ хорошій примѣръ гипотезы въ стихотвореніи Пушкина: „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“. Привожу начало его длиннаго разсужденія по этому поводу: „Такъ, Пушкинъ въ пѣсни о „вѣщемъ Олегѣ“ принялъ вѣроятнѣйшую изъ гипотезъ при объясненіи душевнаго мотива, которымъ руководился Олегъ, обращаясь къ кудеснику съ вопросомъ о своей смерти. При написаніи стихотворенія Пушкинъ пользовался лѣтописью Нестора, гдѣ сказано только, что Олегъ однажды спросилъ кудесника: „отчего я умру?“ Требовалось объяснить (sic), что побуждало Олега къ такому вопросу. Человѣкъ, соображаетъ Пушкинъ (sic), можетъ волноваться мыслью о своей смерти или вслѣдствіе страха смерти, или по пустому любопытству, или по сильному желанію—непремѣнно довести до конца какое нибудь важное дѣло“ и т. д. Въ болѣе понятливыхъ ученикахъ старшихъ классовъ гимназіи такое разсужденіе вызвало бы, конечно, только насмѣшку, а болѣе наивныхъ заставило бы, пожалуй, подумать, что Пушкинъ въ самомъ дѣлѣ сложилъ свою „пѣснь“ единственно съ цѣлью логическаго объясненія встрѣченнаго имъ въ лѣтописи факта.

Но совершенная несостоятельность усвоеннаго авторомъ „практическаго“ пріема оказывается въ концѣ книжки, при изложеніи самыхъ важныхъ отдѣловъ логики: объ умозаключеніи и законѣ мышленія. Для силлогизма самъ авторъ не находитъ ни одного примѣра въ поэзіи и принужденъ довольствоваться двумя передѣ-

ланными фразами изъ Цицерона и затѣмъ примѣрами собственнаго сочиненія. Только какъ образецъ „послѣшности при составленіи умозаключеній“ читатель не безъ удивленія встрѣчаетъ слѣдующіе стихи изъ Евгенія Онѣгина:—

Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ;
Остриженъ по послѣдней модѣ;
Какъ дэнди лондонскій одѣтъ:
И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
Онъ по французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ;
Легко мазурку танцовалъ,
И кланялся непринужденно:
Чего жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

Отдѣлъ о законѣ мышленія не поясняется ни однимъ литературнымъ примѣромъ.

Впрочемъ, и собственные примѣры автора далеко не удовлетворительны, а нѣкоторые и очень странны. Таковы примѣры на неправильное образованіе сужденій. „Рожденіе Александра Македонскаго въ ту самую ночь, когда Геростратъ сжегъ знаменитый храмъ Діаны въ Ефесѣ, было предметомъ размышленія многихъ умовъ древности“—и далѣе: „Однажды англійскіе крестьяне вскрыли осла, чтобы вынуть изъ него луну. Это свѣтило отражалось въ прозрачномъ источникѣ и вдругъ изчезло, пока оселъ пилъ воду. Крестьяне вообразили, что вислоухое животное проглотило царицу ночи. Нашъ русскій народъ вѣритъ, что вѣдьма можетъ похищать звѣзды. Звѣзды случайно скрываются за тучи въ то время, когда появляется на дворѣ подозрительная женщина: совмѣстность этихъ фактовъ такъ и закрѣпляется въ памяти суевѣрнаго человѣка —изчезли звѣзды: значитъ, утащила злая женщина“. (Стр. 74.) Авторъ, однако, могъ бы сообразить, что случайное исчезновеніе звѣзды не могло бы быть поставлено въ связь именно съ появленіемъ подозрительной женщины, а не съ какимъ-нибудь другимъ изъ множества фактовъ, происходившихъ въ это время, если бы не существовало уже вѣрованіе въ вѣдьмъ и ихъ способность похищать звѣзды. Частное случайное совпаденіе получаетъ свое суевѣрное значеніе отъ уже существующаго суевѣрія, а слѣдовательно, это послѣднее должно имѣть иныя, общія основанія, которыя до

нѣкоторой степени уже и изслѣдованы наукою миѳологіи. Такъ же неосновательно разсуждаетъ авторъ по поводу кометъ: появилась комета на небѣ въ годъ сильнаго неурожая или кровопролитной войны; появленіе кометы и въ другое время непремѣнно возбудитъ въ суевѣрномъ умѣ мысль о неизбѣжности войны или неурожая (стр. 73). На самомъ дѣлѣ, помимо всякихъ случайныхъ совпаденій, при существованіи убѣжденія, что всѣ небесныя явленія вообще, весь звѣзный міръ управляютъ явленіями земными—а такое убѣжденіе имѣло глубокіе корни въ религіозныхъ и философскихъ воззрѣніяхъ прошлыхъ временъ—при существованіи такого общаго убѣжденія совершенно естественно было предположить, что если правильныя и постоянныя явленія на небѣ, каковы круговращенія солнца, луны и планетъ, управляютъ обычнымъ теченіемъ земныхъ дѣлъ, то небесныя явленія необычайныя и неправильныя, каковы появленія кометъ, вызываютъ такія же необычайныя событія и на землѣ. При такомъ взглядѣ случайное совпаденіе явившейся кометы съ какимъ нибудь необычайнымъ событіемъ оказывалось лишь прямымъ подтвержденіемъ уже существующаго вѣрованія, отсутствіе же такого совпаденія могло приниматься за исключеніе и скоро забывалось. Напротивъ, если бы никакого вѣрованія въ звѣздныя вліянія не существовало, то случаи совпаденія кометъ съ бѣдственными годами уравновѣшивались бы случаями несовпаденія и не давали бы повода ни къ какому положительному заключенію.

Еще неудачнѣе примѣръ находимъ мы на стр. 68. „Есть много сужденій, въ которыхъ мысль человѣка далеко выходитъ за предѣлъ его прошлаго опыта и обнимаетъ собою кругъ предметовъ несравненно обширнѣе того, который подлежалъ его наблюденію. Напр., всѣ организмы разрушаются; всѣ животныя *имѣютъ нервную систему*. Въ этихъ сужденіяхъ человѣкъ выражаетъ свою увѣренность, что и тѣ организмы, которые еще не разрушились, также подлежатъ неотразимому закону разрушенія; что и тѣ животныя, въ которыхъ наблюденіе еще пока не открыло нервной системы, должны ее имѣть, насколько эти животныя обнаруживаютъ произвольное движеніе“. Неизвѣстно, какого „человѣка“, выражающаго такую увѣренность, разумѣетъ авторъ; во всякомъ случаѣ это не есть человѣкъ сколько-нибудь свѣдущій въ зоологіи, ибо таковой хорошо знаетъ о существованіи цѣлыхъ группъ животныхъ, у которыхъ никакой нервной системы нѣтъ,—не потому, чтобы наблюденіе пока не открыло ее, а потому, что ея и быть въ нихъ не можетъ, такъ какъ все тѣло подобнаго животнаго есть гораздо

болѣе простое и элементарное органическое образованіе, нежели самая незначительная вѣточка какого нибудь нерва.

Вообще неудачныхъ примѣровъ довольно въ книжкѣ г. Боровскаго. Не мало также погрѣшностей и странностей въ изложеніи самой логики. Укажу нѣкоторыя.

На стр. 1 читаемъ: „Внѣшнихъ чувствъ шесть: зрѣніе, обоняніе, вкусъ, слухъ, осязаніе и мускульное чувство. Они состоятъ изъ нервовъ (бѣлыхъ шнурковъ мозговой массы), идущихъ отъ различныхъ точекъ периферіи тѣла къ одному изъ мозговыхъ центровъ, головному мозгу.“ Вся эта фраза представляетъ рядъ неточныхъ и даже безсмысленныхъ выраженій. Какъ можно сказать про чувства, что они состоятъ изъ нервовъ? Это все равно, что сказать: движенія человѣка состоятъ изъ мускуловъ. Далѣе, какъ можно нервы назвать шнурками мозговой массы, когда самъ мозгъ есть сложный нервный органъ производнаго образованія, именно соединеніе мелкихъ нервныхъ узловъ, такъ что въ элементарныхъ формахъ нервной системы (у низшихъ животныхъ—полиповъ, лучистыхъ червей и др.) существуютъ нервныя нити и отдѣльные центры, а мозга еще вовсе нѣтъ. Что значитъ мозговой центръ? Наконецъ, можно ли такъ называемое мускульное чувство считать шестымъ на-ряду съ извѣстными пятью чувствами, тогда какъ оно совершенно съ ними не однородно—какъ съ физіологической, такъ и съ психологической точки зрѣнія. Съ физіологической—извѣстнымъ пяти чувствамъ соотвѣтствуютъ опредѣленныя нервныя реакціи на тѣ или другія внѣшнія возбужденія специфическаго характера, тогда какъ мускульное чувство вызывается произвольнымъ движеніемъ собственныхъ органовъ тѣла. Психологически же извѣстныя пять чувствъ даютъ намъ такія ощущенія, посредствомъ которыхъ мы познаемъ окружающій насъ физическій міръ, при чемъ самое содержаніе этихъ ощущеній принимается душою (основательно или нѣтъ—это другой вопросъ) за прямое выраженіе тѣхъ или другихъ свойствъ въ самихъ внѣшнихъ предметахъ, тогда какъ мускульное чувство вовсе не имѣетъ для души такого объективнаго значенія, выражая лишь напряженность нашихъ собственныхъ усилій и только косвеннымъ образомъ способствуя познанію внѣшняго міра. Въ послѣднее время въ извѣстныхъ психо-физическихъ теоріяхъ мускульному чувству придается большое значеніе при образованіи пространственныхъ представленій, но во всякомъ случаѣ въ элементарномъ учебникѣ логики ста-

вить безъ всякихъ оговорокъ мускульное чувство, какъ шестое внѣшнее чувство, есть ошибка непозволительная.

На стр. 4 читаемъ: „Если бы мы не имѣли способности получать ощущеній отъ нервнаго раздраженія, то, очевидно (sic), знаніе наше равнялось бы совершенному нулю. Еще въ древности ученые замѣчали, что въ умѣ человѣка нѣтъ ничего такого, чего первоначально не было бы въ одномъ изъ чувствъ (nihil est in intellectu quod non fuerit ante in sensu); основательность такого взгляда на ощущеніе наглядно доказывается примѣромъ увѣчныхъ, которые не имѣютъ никакого знанія иногда о цѣлой области явленій міра, вслѣдствіе недостатка въ нихъ того или другого внѣшняго органа: слѣпые ничего не знаютъ о цвѣтахъ, о блескѣ, глухіе о звукахъ“. Приведенныя положенія авторъ считаетъ основательными, но основаны они кажется только на игрѣ словами, именно на неопредѣленномъ употребленіи словъ: *знаніе*, *знать*. Если разумѣть подъ этимъ чувственное воспріятіе, то тогда, конечно, слѣпые не знаютъ цвѣтовъ, т. е. не видятъ ихъ, глухіе не знаютъ звуковъ, т. е. не слышатъ ихъ,— но въ такомъ случаѣ это будетъ совершенно ненужною тавтологіей; если же подъ знаніемъ разумѣть также и отвлеченное теоретическое познаніе о тѣхъ или другихъ явленіяхъ міра, то ничто не препятствуетъ слѣпому знать законы и объективные признаки свѣтовыхъ явленій, и самъ авторъ приводитъ впослѣдствіи примѣръ слѣпого оптика. А возможно ли познаніе вообще безъ всякой чувственной подкладки—это другой вопросъ, вопросъ метафизическій, котораго автору элементарной логики не слѣдовало бы и касаться.

На той же страницѣ утверждается: „въ ряду ихъ (внѣшнихъ чувствъ) первое мѣсто принадлежитъ ощущеніямъ зрѣнія: $^{9}/_{10}$ всѣхъ нашихъ знаній относится къ органу зрѣнія“. Можетъ быть, это и такъ; но желательно было бы знать: откуда это извѣстно автору съ такою точностью, а также что онъ собственно разумѣетъ подъ „всѣми нашими знаніями“?

Глава о сужденіи начинается такъ: „Форма сужденія. Человѣкъ судитъ, когда выражаетъ свои внутреннія—тѣлесныя и душевныя состоянія, напр., весело, больно. „И вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко.“ Человѣкъ судитъ, когда выражаетъ ощущеніе, возбуждаемое въ немъ или предметомъ неизвѣстнымъ, напр., гремитъ, мерцаетъ, стучитъ (кто-то, что-то); или же пред-

метомъ для него извѣстнымъ, напр. вѣтеръ воетъ, молнія сверкаетъ“ (стр. 61).

Все здѣсь сказанное совсѣмъ не идетъ къ дѣлу, ибо для логической формы сужденія совершенно безразлично, относится ли ихъ содержаніе къ какимъ бы то ни было нашимъ состояніямъ и ощущеніямъ, да и по содержанію бо̀льшая часть нашихъ сужденій вовсе не имѣетъ въ виду какихъ бы то ни было субъективныхъ состояній и ощущеній, а выражаютъ предполагаемые объективные признаки вещей и явленій. Таковы прежде всего всѣ сужденія точныхъ наукъ. Г. Боровскому слѣдовало бы подумать, какія внутреннія состоянія души и тѣла, или какія ощущенія выражаются, напр., слѣдующими сужденіями: сумма угловъ треугольника равняется двумъ прямымъ, или сила притяженія между тѣлами обратно пропорціональна квадратамъ разстояній. Существуетъ, правда, философское мнѣніе скептическаго эмпиризма, по которому всѣ наши мысли и познанія сводятся такъ или иначе къ извѣстнымъ нашимъ субъективнымъ состояніямъ, не выражая никакой предметной дѣйствительности; но можетъ ли быть допущено въ учебникѣ логики изложеніе спорныхъ философскихъ мнѣній въ формѣ догматическихъ положеній? Впрочемъ, самъ г. Боровскій черезъ нѣсколько страницъ забываетъ свои прежнія опредѣленія и даетъ болѣе правильное понятіе о сужденіи (стр. 64).

Въ заключеніи книжки на трехъ страницахъ изложенъ весь важный и интересный отдѣлъ логики о законахъ мышленія, при чемъ авторъ признаетъ лишь одинъ законъ противорѣчія, а о законѣ тождества и законѣ достаточнаго основанія не говоритъ ни слова. Уже это весьма странно; но еще страннѣе то, что авторъ говоритъ о законѣ противорѣчія. Всѣ эти три страницы представляютъ непрерывную путаницу и смѣшеніе разнородныхъ предметовъ. Авторъ ставитъ на одну доску въ логическомъ отношеніи формальное противорѣчіе съ фактическимъ; приводитъ въ примѣръ нарушенія закона противорѣчія такія сужденія, въ которыхъ нѣтъ никакого логическаго противорѣчія, каковы: трудъ есть страданіе, вѣтеръ происходитъ отъ движенія земли—и вообще не дѣлаетъ никакого различія между мыслями противорѣчивыми и только не основательными, относя къ закону противорѣчія то, что по настоящему принадлежитъ закону достаточнаго основанія, о которомъ совсѣмъ не упоминается. Можно, пожалуй, сводить всѣ законы мышленія къ одному закону противорѣчія; но авторъ не дѣлаетъ этого сведенія, а только предполагаетъ его и на основаніи такого

предположенія считаетъ позволительнымъ сваливать все безъ разбору въ одну кучу,—и это, въ элементарномъ учебникѣ?

Въ виду столь крупныхъ недостатковъ нѣтъ надобности указывать еще другія погрѣшности и неточности въ логикѣ г. Боровскаго. Служить учебнымъ руководствомъ эта книжка не можетъ ни въ какомъ случаѣ. Но въ виду нѣсколькихъ вѣрныхъ замѣчаній объ участіи воли въ логическомъ процессѣ и попытки (не всегда, впрочемъ, удачной) прослѣдить это участіе по всѣмъ отдѣламъ логики (что̀ авторъ въ предисловіи ставитъ себѣ въ особенную заслугу), я полагаю, что если бы авторъ въ другомъ изданіи согласился исправить, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя наиболѣе явныя изъ указанныхъ погрѣшностей и вновь написать отдѣлъ о законахъ мышленія, то его логика могла бы быть допущена какъ учебное пособіе.

(1880.)

А. Паспати.

1. Εἰσαγωγὴ τῆς φιλοσοφίας. 1879.
2. Ψυχολογία Ἀριστοτέλους. 1879.
3. Λογική подъ общимъ заглавіемъ.

Первая изъ трехъ книжекъ: „Введеніе въ философію“ начинается признаніемъ философской потребности какъ основной потребности человѣческаго ума и утвержденіемъ философіи какъ основной науки, заключающей въ себѣ окончательное объясненіе и истинный критерій всѣхъ другихъ знаній. По опредѣленію автора, ἡ φιλοσοφία ἐστὶν ἡ ἐπιστήμη τῶν ἀρχικῶν λόγων καί τῶν τελικῶν αἰτιῶν τῶν ὄντων.

За истинный методъ философіи признается авторомъ соединеніе эмпиріи, дающей матерьялъ знанія, съ умозрѣніемъ, которое посредствомъ безусловныхъ законовъ разума восходитъ отъ данныхъ въ опытѣ явленій къ ихъ первымъ началамъ и основаніямъ.

Въ общихъ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ авторъ стоитъ на почвѣ греческой (платоно-аристотелевой) философіи, подновляя ее взглядами французской такъ называемой спиритуалистической школы. Изъ представителей послѣдней авторъ ссылается на Декарта, Мальбранша, Фенелона и Мэнъ де Бирана.

Книжка о психологіи раздѣляется на три главныя части, изъ коихъ первая περὶ τῆς οὐσίας τῆς ψυχῆς; эта сущность полагается въ самопроизвольности или самоопредѣляемости души (τὸ ψυχικὸν αὐτόμαθον), самоопредѣляемость же эта проявляется въ двухъ видахъ: во-первыхъ, какъ теоретическая способность души познавать себя саму во всѣхъ своихъ состояніяхъ какъ подлежащее имъ „я“ и такимъ образомъ различать себя отъ всего другого (συνείδησις), и, во-вторыхъ, какъ свойство души оцѣнивать для себя, т. е. опредѣлять такъ или иначе (положительно или отрицательно) субъективную цѣнность своихъ состояній, ощущая ихъ какъ пріят-

ныя или непріятныя (συναίσθησις). Вторая часть психологіи разсматриваетъ душевную жизнь (ὁ ψυχικὸς βίος) въ самомъ ея содержаніи по тремъ видамъ какъ волю, опредѣляемую идеей добра, какъ разумъ опредѣляемый идеей истины, и какъ эстетическую производительность, опредѣляемую идеей красоты, Предметъ послѣдней части психологіи есть ἡ ψυχὴ ἐν τῇ ἁρμονικῇ ἑνότητι τῶν δυνάμεων αὐτῆς; въ связи съ нимъ безсмертіе души.

Книжка о логикѣ имѣетъ характеръ по преимуществу гносеологическій, разсматривая мыслительныя способности какъ источникъ объективнаго знанія (πηγὴ τῶν γνώσεων). Значительная часть книги посвящена опроверженію скептицизма.

(1880.)

Систематическое изложеніе логики. Сочиненіе проф. Карпова. 1856.

Авторъ этой книги, извѣстный переводчикъ Платона, въ основаніе своей логики кладетъ платоническій взглядъ на природу человѣческаго мышленія и познанія и развиваетъ этотъ взглядъ съ несомнѣнною оригинальностью.

Содержаніе мышленію дается, съ одной стороны, чувственнымъ воспріятіемъ (при посредствѣ органовъ чувствъ), съ другой стороны—*умственнымъ созерцаніемъ* посредствомъ присущей душѣ идеи. И въ томъ и другомъ душа (познающій субъектъ) пассивна и безсознательна. Активное же и сознательное отношеніе души къ матерьялу чувственнаго воспріятія производитъ чувственное воззрѣніе, и такое же сознательное и активное отношеніе души къ содержанію умственнаго созерцанія выражается въ умозрѣніи. Эти двѣ познавательныя дѣятельности имѣютъ противоположный другъ другу характеръ и направленіе. Чувственное воззрѣніе познаетъ предметъ въ его матеріальномъ явленіи, множественномъ и измѣнчивомъ, видитъ его только въ опредѣленномъ мѣстѣ (здѣсь) и въ одинъ моментъ времени (мгновенно или теперь), умозрѣніе же, напротивъ, беретъ идеальную сущность предмета, единую и неизмѣнную, ту же самую вездѣ и всегда.

Точная противоположность этихъ двухъ направленій души, имѣющихъ, однако, одну общую цѣль— познаніе истинно-сущаго, вызываетъ душу къ нѣкоторой новой дѣятельности, примиряющей и посредствующей, именно къ дѣятельности разсудка, составляющей собственный предметъ логики. Основные законы разсудочной дѣятельности выводятся изъ самаго понятія разсудка, какъ посредствующей функціи между идеальнымъ и чувственнымъ воззрѣніемъ, и это выведеніе безспорно составляетъ заслугу автора передъ логическою наукой. Далѣе (во 2-ой части книги) общія формы мышленія излагаются авторомъ съ достаточною полнотой и яс-

ностью, безъ значительныхъ отступленій отъ общепринятаго въ руководствахъ логики порядка.

Послѣдняя часть посвящена ученію о методикѣ и о построеніи системы; здѣсь встрѣчается не мало оригинальныхъ замѣчаній и дѣльныхъ указаній. Вообще, эта книга проф. Карпова, не имѣя характера учебника, вполнѣ заслуживаетъ быть рекомендованною въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи логики, а равно и для фундаментальныхъ библіотекъ средне-учебныхъ заведеній.

(1881.)

Очеркъ элементарныхъ свѣдѣній изъ психоло іи и логики съ педагогическими выводами, составленный примѣнительно къ инструкціи для учительскихъ семинарій М. Н. П. инспекторомъ-руководителемъ Вымыслинской учительской семинаріи И. Соломоновскимъ. Варшава. 1811. Цѣна 50 к.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что хотя онъ рѣшилъ составить свой краткій очеркъ вполнѣ согласно съ указаніями инструкціи, безъ всякихъ притязаній какъ на самостоятельность плана, такъ и на оригинальность воззрѣній, однако позволилъ себѣ нѣкоторыя отступленія отъ общепринятыхъ въ наукѣ опредѣленій. Эти отступленія не могутъ быть признаны удачными. Такъ, о различіи познаванія и мышленія говорится слѣдующее: „Познаваніе до нѣкоторой степени возможно и безъ мышленія (напр., въ произведеніяхъ фантазіи или у животныхъ); мышленіе же неизбѣжно составляетъ часть процесса познаванія.“ Произведенія фантазіи, т. е. вымыслы, принадлежатъ къ области мышленія, но отнюдь не познаванія, такъ какъ въ нихъ ничего дѣйствительно не познается. Вообще автору, повидимому, неясно настоящее различіе между познаваніемъ и мышленіемъ, заключающееся въ томъ, что познаваніе непремѣнно имѣетъ какое-нибудь предметное содержаніе, мышленіе же, какъ субъективный процессъ ума, можетъ и не имѣть такого содержанія.

Далѣе, авторъ отожествляетъ синтезъ съ механическимъ соединеніемъ частей, что̀ уже совсѣмъ невѣрно.

Идею авторъ опредѣляетъ такъ: „все, что̀ когда-либо возбуждало дѣятельность нашего ума—утрачено ли оно навсегда памятью или сохранилось въ ней—оставляетъ въ нашей душѣ особый слѣдъ, называемый идеей.“ Тутъ же, черезъ нѣсколько строкъ, въ прямомъ противорѣчіи съ этимъ, говорится о „врож-

денныхъ человѣку идеяхъ истины, добра и красоты“. Очевидно, что, допуская такія идеи, нельзя опредѣлять идею вообще, какъ слѣдъ умственной дѣятельности.

Столь же неудачно опредѣленіе „гипотезы“: первоначальное обобщеніе, выведенное изъ немногихъ случаевъ и не вполнѣ согласующееся со всѣми однородными частными фактами, называется въ наукѣ „гипотезой или предположеніемъ“. Это не есть опредѣленіе гипотезы вообще, а развѣ только гипотезы негодной. Вообще же гипотезой называется такое обобщеніе, котораго достовѣрность еще не провѣрена.

Укажу еще на нѣсколько ошибокъ и неточностей. На стр. 12 говорится: „представленіямъ соотвѣтствуютъ въ языкѣ имена собственныя и слова, ихъ замѣняющія (я, мой, этотъ и проч.), а понятіямъ всѣ остальныя слова“. Это совершенно ошибочно: несомнѣнно, что слова: я, мой, этотъ и т. п. сами по себѣ никакому представленію не соотвѣтствуютъ, а выражаютъ общія и притомъ весьма отвлеченныя понятія,—такъ, „я“ обозначаетъ всѣхъ возможныхъ субъектовъ, „этотъ“ можетъ указывать на всѣ возможные предметы. Также и имена собственныя сами по себѣ не пріурочены къ опредѣленнымъ представленіямъ,—такъ, имя Александръ обозначаетъ всѣхъ возможныхъ Александровъ, Петербургомъ можно назвать сколько угодно новыхъ городовъ. Вообще никакія слова сами по себѣ не выражаютъ единичныхъ представленій, а могутъ служить для этой цѣли лишь въ опредѣленныхъ сочетаніяхъ.

На стр. 14 различается воображеніе отъ фантазіи; но различіе это недостаточно обосновывается и въ дальнѣйшемъ разъясненіи исчезаетъ у самого автора. Память опредѣляется (стр. 22) „какъ способность сохранять и возобновлять слѣды прошедшей дѣятельности души“. Что это за слѣды—неизвѣстно. Какъ мы видѣли, и идеи авторъ также называетъ слѣдами. Вообще же этотъ терминъ, какъ предполагающій уже нѣкоторыя психо-физіологическія теоріи, не долженъ имѣть мѣста въ элементарномъ учебникѣ.

Что касается до дидактическихъ замѣчаній въ очеркѣ г. Соломоновскаго, то противъ нихъ ничего нельзя сказать за исключеніемъ разсужденій „объ отношеніи мышленія къ практической жизни“ (стр. 42). Здѣсь авторъ допускаетъ вещи совсѣмъ несообразныя. „Во всѣ времена, говоритъ онъ, человѣчество отмежевывало мышленію сферу науки и ревниво оберегало практическую

жизнь отъ его разлагающаго вліянія. Величайшіе мыслители древнихъ и новыхъ временъ, перестраивая въ своихъ твореніяхъ все зданіе человѣческой жизни, всегда старались оставить въ немъ нетронутымъ хоть одинъ уголокъ, гдѣ бы сами могли спокойно дожить свой вѣкъ; уголокъ этотъ—религія, правила нравственности, законы и обычаи страны и общественныя приличія." Совершенная напраслина на величайшихъ мыслителей, которые, конечно, не были бы таковыми, если бы такъ боялись мышленія и такъ заботились объ уголкѣ для спокойнаго доживанія своего вѣка,—а съ другой стороны, слишкомъ не лестно и для религіи съ нравственностью служить такимъ уголкомъ.

Указанные недостатки не настолько важны, чтобы отказать г. Соломоновскому въ одобреніи его книжки какъ учебнаго руководства для учительскихъ семинарій.

„Новости“. 12 іюня 1891 г. № 160 и 25 іюля № 173.

Русская философія и литература.

«Вопросы философіи и психологіи»; книги 6 и 7. М. 1891 г.

Странные упреки, которые дѣлались московскому философскому журналу за его будто-бы безпринципный эклектизмъ, лучше всего опровергаются тѣмъ хотя свободнымъ и широкимъ, но всетаки опредѣленнымъ единствомъ направленія, которое установилось въ этомъ интересномъ и полезномъ изданіи. Полная свобода философской мысли при искреннемъ и внимательномъ отношеніи ко всѣмъ высшимъ задачамъ человѣческой жизни—вотъ неизмѣнный характеръ, который профессоръ Гротъ и его ближайшіе сотрудники успѣли сообщить своему дѣлу. Полагаю, что въ этомъ случаѣ ничего болѣе и не требуется; да и возможна ли въ настоящее время для здравомыслящаго человѣка безусловная и исключительная преданность какой нибудь односторонней философской системѣ?

Въ Россіи, во всякомъ случаѣ, мы нуждаемся не въ искусственной поддержкѣ разныхъ, потерявшихъ кредитъ, *измовъ* и не въ предумышленномъ созданіи новыхъ, заранѣе обреченныхъ на ту же участь, а единственно только въ распространеніи философскаго образованія и въ развитіи разумныхъ и сознательныхъ взглядовъ на вещи; а этой цѣли московское изданіе служитъ неуклонно и довольно успѣшно, хотя, разумѣется, на первыхъ порахъ попадаются иногда и не совсѣмъ удачные опыты философскихъ разсужденій и построеній, принадлежащіе, обыкновенно, почтеннымъ спеціалистамъ по другимъ наукамъ. Во всякомъ случаѣ, со стороны этихъ ученыхъ желаніе связать частный пред-

мѣтъ ихъ занятій съ общими вопросами философіи заслуживаетъ всякаго одобренія.

Какъ бы мы ни относились къ тѣмъ разнообразнымъ и по содержанію, и по достоинству работамъ, которыя наполняютъ вышедшія книжки философскаго журнала, мы должны признать, что въ немъ мы имѣемъ журналъ дѣйствительно-философскій, т. е. пофилософски относящійся къ существеннымъ вопросамъ жизни и знанія и уже поэтому самому свободный отъ исключительной принадлежности какой нибудь отдѣльной школѣ, каковыхъ, впрочемъ, въ Россіи и не существуетъ.

I.

Шестая книга „Вопросовъ“ начинается обширною и интересною по замыслу статьею проф. Бекетова (ботаника): „Нравственность и естествознаніе». Почтенный авторъ имѣетъ въ виду найти въ области естественныхъ наукъ важное подтвержденіе для нравственнаго принципа христіанства. Онъ даже думаетъ и „старается доказать, что естествознаніе и точная наука, вообще, способны служить опорою христіанской нравственности въ несравненно большей степени, чѣмъ всякое другое проявленіе человѣческаго ума“ (стр. 7). При всѣхъ вѣрныхъ мысляхъ, которыя проф. Бекетовъ высказываетъ по этому поводу, самая задача его—обосновать нравственность и притомъ, именно, христіанскую нравственность на данныхъ естествознанія—обусловлена нѣкоторымъ недоразумѣніемъ, которое намъ будетъ довольно легко обнаружить при собственной помощи почтеннаго автора.

„Ясно, какъ день,—говоритъ онъ,—что дальше *движенія* точная наука идти не можетъ. Она, по самому свойству своему, осуждена на изслѣдованіе одного только движенія, такъ какъ и форма есть не что иное, какъ результатъ движенія. Такимъ образомъ, рѣзко очерчивается кругъ, среди котораго точная наука безошибочно можетъ дѣйствовать: расширить этотъ кругъ невозможно. Тѣ, которые утверждаютъ, что наука безконечна, что никто не можетъ предвидѣть, до чего могутъ простираться ея открытія, ласкаютъ себя напрасною надеждою, потому что и теперь уже ясно, что всякое механическое объясненіе только приводитъ данное явленіе къ тому или другому роду движенія“ (стр. 11 и 12). И далѣе: „Переходя къ физіологіи, мы должны признать, что и

она, будучи лишь приложеніемъ механики, со включеніемъ физики и химіи, должна стремиться къ тому, чтобы всѣ отправленія организма свести къ движенію. Она, дѣйствительно, такъ и поступаетъ. Главное, основное ея положеніе заключается въ томъ, что въ организмѣ никакое движеніе не происходитъ иначе, какъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ стимуловъ“ (стр. 12).

Итакъ, точная наука *по самому свойству своему* ограничена изслѣдованіемъ механическаго движенія. Это ясно, какъ день,—говоритъ нашъ авторъ; но, вѣдь, не менѣе ясно и то, что нравственность также по самому свойству своему ничего общаго съ механическимъ движеніемъ не имѣетъ. Если физіологія,—какъ утверждаетъ проф. Бекетовъ,—не допускаетъ въ организмѣ никакихъ движеній и дѣйствій, кромѣ вызываемыхъ *внѣшними* стимулами, а съ другой стороны—несомнѣнно, что нравственныя понятія и требованія относятся только къ дѣйствіямъ, вызваннымъ *внутренними* стимулами, то очевидно, тѣмъ самымъ нравственность оказывается отрѣзанною даже отъ физіологіи, не говоря уже о космической механикѣ и т. п.

Между тѣмъ проф. Бекетовъ хочетъ обосновать на данныхъ точной науки не только нравственность вообще, но именно ея самое высшее выраженіе—христіанскую заповѣдь любви,—а она, какъ извѣстно, гласитъ: „Люби Бога всѣми силами своими и ближняго, какъ самаго себя“. Несомнѣнно, и по формѣ, и по содержанію такой принципъ совершенно несоизмѣримъ съ механическимъ движеніемъ. Во-первыхъ, это движеніе есть только фактъ, изъ котораго не вытекаетъ никакого требованія или предписанія, никакого повелительнаго наклоненія, которое необходимо для заповѣди; во-вторыхъ, самое содержаніе этой послѣдней вполнѣ исчерпывается тремя понятіями: извѣстнымъ внутреннимъ душевнымъ актомъ (любовь) и двумя его предметами (Богъ и ближній); но ни одно изъ этихъ понятій не можетъ быть переведено на языкъ механики. Что значитъ „душевное состояніе“, что, значитъ „Богъ“ и „ближній“ съ точки зрѣнія механическаго движенія?

Эта очевидная несоизмѣримость христіанской заповѣди съ предметами точной науки не могла, конечно, ускользнуть отъ вниманія нашего автора. Но, вмѣсто того, чтобы отказаться отъ невозможной задачи, онъ пытается построить мостъ чрезъ зіяющую бездну между двумя разнородными областями. Главные устои этого моста: съ одной стороны, понятіе справедливости, а съ другой—

понятіе равновѣсія. Если между христіанскою любовью и механическимъ движеніемъ явно нѣтъ ничего общаго, то справедливость и равновѣсіе какъ будто между собою сходятся. Благодаря этому сходству, мы можемъ, не впадая въ нелѣпость, называть справедливость нравственнымъ равновѣсіемъ, а равновѣсіе—физическою справедливостью, подобно тому, какъ мы говоримъ, напримѣръ, о *свѣтѣ* разума, о душевныхъ *волненіяхъ*, а съ другой стороны—о *злобномъ* вихрѣ, о *печальномъ* ликѣ луны и т. п. Такія соотвѣтствія или аналогіи между предметами разныхъ сферъ или порядковъ бытія весьма полезны для оживленія и украшенія слога, а также для иллюстраціи извѣстныхъ метафизическихъ идей, но никакъ не для научнаго реальнаго обоснованія чего бы то ни было. Можно ли что нибудь извлечь для ученія о познаніи или даже для психологіи изъ того факта, что дѣятельность ума уподобляется свѣту? [1]) Но такъ-же странно искать научной опоры для этики въ аналогіи между справедливостью и механическимъ равновѣсіемъ.

Когда двѣ чашки вѣсовъ, изъ которыхъ на одной положены гири, а на другой—товаръ, остаются неподвижно на одинаковой высотѣ и мы это называемъ *равновѣсіемъ*, то этимъ словомъ совершенно точно выражается опредѣленный и объективный фактъ, именно—тотъ, что данное количество гирь и данное количество товара имѣютъ *равный вѣсъ*. Отсюда для этики можно извлечь развѣ только эмблематическій аттрибутъ богини Ѳемиды, которую, обыкновенно, изображаютъ съ вѣсами въ рукахъ; подобнымъ же образомъ еще древняя астрономія воспользовалась представленіемъ вѣсовъ для изображенія того знака зодіака, въ которомъ солнце находится во время осенняго равноденствія.

Но какъ только изъ области чисто механическихъ (въ тѣсномъ смыслѣ) отношеній, на которыхъ основанъ рычагъ, вѣсы и т. п., мы переходимъ въ болѣе сложную область природы, напр., хотя бы въ область органической жизни, слово *равновѣсіе* уже теряетъ всякій опредѣленный объективный смыслъ. Между тѣмъ проф. Бекетовъ, толкуя о подвижномъ равновѣсіи, какъ космическомъ законѣ, имѣетъ болѣе всего въ виду именно

---

[1]) Конечно, поскольку всякая жизнь на землѣ, слѣдовательно, и жизнь мыслящаго существа, зависитъ отъ солнечнаго свѣта, постольку можно утверждать реальную связь между свѣтомъ и нашимъ мышленіемъ; но эта связь такъ далека и обща, что, конечно, никому не придетъ въ голову строить на ней какое нибудь научное объясненіе умственныхъ явленій.

органическій міръ. Въ каждомъ явленіи этого міра онъ усматриваетъ фактъ подвижнаго равновѣсія, т. е. или нарушеніе даннаго равновѣсія, или возстановленіе нарушеннаго. Насколько это основательно, легко видѣть на любомъ конкретномъ примѣрѣ изъ жизни органическихъ существъ. Вотъ, напр., свирѣпый левъ задралъ и съѣлъ кроткую корову. Мы готовы скорбѣть объ этомъ грустномъ фактѣ и, примѣняя къ нему нравственное мѣрило, находимъ, что левъ поступилъ несправедливо и жестоко, хотя и не подлежитъ никакой отвѣтственности. Но проф. Бекетовъ, находящій для этики опору въ механикѣ, не можетъ ограничиться однимъ субъективнымъ порицаніемъ льва и столь-же субъективнымъ сожалѣніемъ о безвременно погибшей коровѣ: онъ долженъ еще объяснить ея погибель, какъ фактъ подвижнаго равновѣсія. Если онъ видитъ нарушеніе равновѣсія даже въ опрокинутомъ бурею деревѣ (стр. 41), то тѣмъ болѣе долженъ онъ признать такое нарушеніе въ безобразномъ поступкѣ льва. Чье же, однако, равновѣсіе здѣсь нарушено? Конечно, не равновѣсіе самой природы, такъ какъ левъ не сдѣлалъ ничего противнаго ея порядку, а къ исчезновенію единичной коровы, какъ и всякаго отдѣльнаго экземпляра своихъ твореній, природа совершенно равнодушна, какъ неоднократно замѣчаетъ нашъ авторъ, который собственно къ этому равнодушію и сводитъ всемірное равновѣсіе. Но, оставляя въ сторонѣ равнодушную природу и ограничиваясь заинтересованными въ дѣлѣ особями, было бы весьма странно видѣть тутъ съ точки зрѣнія съѣденной коровы нарушенное равновѣсіе ея бытія, когда самое бытіе упразднено, а для льва какое же можетъ быть нарушеніе равновѣсія въ томъ, что онъ утолилъ голодъ способомъ обычнымъ и вполнѣ сообразнымъ съ его прирожденнымъ характеромъ?

Замѣтимъ еще, что проф. Бекетовъ слишкомъ уже ненаучно поступаетъ, разсматривая каждый изъ подобныхъ фактовъ (напр., паденіе дерева отъ вѣтра, разореніе птичьяго гнѣзда или растерзаніе одного животнаго другимъ) какъ одно отдѣльное и законченное происшествіе, нарушающее чье-то равновѣсіе. Вѣдь, съ научной, т. е. механической (такъ какъ для нашего автора это одно и то-же) точки зрѣнія, единство и цѣльность привносятся къ подобнымъ фактамъ со стороны нашего субъективнаго взгляда, сами же по себѣ эти факты представляютъ лишь механическую совокупность множества неуловимыхъ движеній, непрерывно переходящихъ другъ въ друга, причемъ каждое изъ нихъ можетъ

съ одинаковымъ правомъ считаться и нарушеніемъ, и возстановленіемъ равновѣсія, т. е., собственно говоря, не представляетъ достаточнаго основанія для приложенія этого понятія.

Мы охотно допускаемъ, что почтенный профессоръ лишь по нечаянной ошибкѣ упоминаетъ объ отдѣльныхъ фактахъ, а что настоящее приложеніе своего закона—вселенскаго равновѣсія къ жизни природы—онъ находитъ въ опредѣленномъ взаимоотношеніи многихъ явленій, какъ членовъ одного ряда. Поясним это опять конкретнымъ примѣромъ. Бѣжалъ заяцъ, зайца нагнала собака и перекусила ему горло, на собаку напалъ волкъ и загрызъ ее, волка подстрѣлилъ охотникъ и т. д. Тутъ какъ-будто дѣйствительно есть какое-то равновѣсіе и даже какая-то справедливость. Но это только такъ кажется при поверхностномъ взглядѣ. Если бы справедливое равновѣсіе или уравновѣшивающая справедливость была, дѣйствительно, роковымъ вселенскимъ закономъ, какъ утверждаетъ проф. Бекетовъ, то указанная связь между данными явленіями была бы безусловно необходимой, между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, она совершенно случайна. Вѣдь, далеко не всегда такъ бываетъ, что собака, погубившая зайца, сама погибла отъ волка; весьма часто одна и та-же собака безнаказанно загрызаетъ и зайца, и волка, а съ другой стороны нерѣдко собака, никого не загрызшая, погибаетъ въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ.

Вообще, несомнѣнно, что въ нашемъ мірѣ торжество справедливости, какъ непреложнаго и всеобъемлющаго закона, не есть фактъ природы, а только постулятъ нашего духа. Впрочемъ, я боюсь, что проф. Бекетовъ имѣетъ свое особое понятіе о справедливости. На стр. 50 мы читаемъ, что справедливость „во вселенной проявляется *абсолютнымъ* равенствомъ въ приложеніи разъ установленныхъ (?!) законовъ бытія. Въ этомъ-то математически-строгомъ приложеніи законовъ вселенскихъ и заключается то, что мы зовемъ необходимостью, а вѣрнѣе—*вселенскою законностью*. Въ силу ея, этой законности, не только достигнута (!), но и постоянно поддерживается міровая гармонія, называемая нами подвижнымъ равновѣсіемъ. Въ физическомъ космосѣ такое равновѣсіе сохраняется непрестаннымъ устраненіемъ однѣхъ формъ другими: тѣ изъ нихъ, которыя не удовлетворяютъ (?) вселенской законности, замѣняются иными, превращаются въ новыя. Смерть въ космическомъ смыслѣ не есть уничтоженіе, а только *перемѣна формы бытія*. Гибни міръ—торжествуй законъ (Fiat justitia—

pereat mundus)—вотъ въ чемъ, казалось бы, состоятъ законы природы (?); на самомъ дѣлѣ происходитъ обратное, ибо законъ царствуетъ *гибелью частей во имя сохраненія цѣлаго*, а не наоборотъ. Повторяю еще разъ: *формы бытія мѣняются, но цѣлое сохраняется во всей своей гармоніи*“. [1])

Вотъ взглядъ весьма не новый и весьма не вѣрный. По крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ усвоенъ проф. Бекетовымъ, онъ столько-же неоснователенъ въ смыслѣ логическомъ, сколько въ смыслѣ этическомъ (мы не говоримъ уже о нѣкоторыхъ неудачныхъ выраженіяхъ, принадлежащихъ собственно нашему автору, какъ напр., *разъ установленные законы бытія* или *законы природы, состоящіе въ торжествѣ закона*). Если то цѣлое, о которомъ говоритъ почтенный профессоръ, есть только совокупность непрестанно гибнущихъ частей, то, за неимѣніемъ никакой постоянной основы—субъекта или субстрата для своего бытія, она оказывается чистой иллюзіей: никакого пребывающаго цѣлаго тутъ нѣтъ, а есть только непрерывная смѣна частныхъ формъ, изъ которыхъ такъ-же невозможно составить вѣчно пребывающее цѣлое, какъ много нулей нельзя сложить въ одну единицу. Если же это предполагаемое цѣлое есть нѣчто само по себѣ, нѣчто особенное и опредѣленное, то почему же оно имѣетъ болѣе права на пребывающее существованіе, нежели всѣ прочія части вселенной; и если оно, тѣмъ не менѣе, существуетъ вѣчно и именно такъ, какъ представляетъ намъ авторъ, т. е. на счетъ прочихъ частей, непрерывно ихъ поглощая и истребляя, то это есть торжество насилія и безправія, а никакъ не справедливости.

Проф. Бекетовъ началъ за здравіе, а свелъ на упокой: началъ съ христіанской любви и вселенской справедливости, а свелъ дѣло на „гибель частей во имя сохраненія цѣлаго“, т.-е. вмѣсто истиннаго, всеспасающаго Бога, поставилъ какого-то всепожирающаго Молоха или Кроноса, глотающаго своихъ дѣтей.

Несмотря на невѣрность окончательныхъ выводовъ и оши-

---

1) Въ нашей западной философіи (чтобы не говорить объ Индіи и Китаѣ) онъ извѣстенъ со временъ Анаксимандра, считавшаго всякое частное бытіе *несправедливостью* (ἀδικία) и говорившаго объ искупленіи этой несправедливости постояннымъ разрушеніемъ всѣхъ существъ въ порядкѣ времени. Впрочемъ, въ такомъ взглядѣ есть относительная истинность, особенно съ точки зрѣнія іонійскаго философа, жившаго за пять вѣковъ до Р. Х; но совершенно не справедливо останавливаться на такомъ взглядѣ какъ на полной и окончательной истинѣ и притомъ говорить о вселенской гармоніи и христіанской любви; ибо если все существующее погибаетъ, то *изъ чего же* образуется гармонія и *что* составляетъ настоящій предметъ любви?

бочный ходъ разсужденія, въ разсмотрѣнной статьѣ находится не мало истинныхъ мыслей и взглядовъ, заслуживающихъ сочувствія. И если мы признали поставленную авторомъ задачу неразрѣшимою, то только въ томъ кругѣ идей, въ которомъ онъ замкнулъ свое мышленіе, а никакъ не саму по себѣ. Существенная и дѣйствительная связь между порядкомъ нравственнымъ и порядкомъ природы несомнѣнно существуетъ; но только она лежитъ гораздо глубже, чѣмъ это представляется нашему ученому. Она недоступна ни для механическаго міровоззрѣнія, ни для отвлеченнаго моралізма, а еще менѣе возможно до нея добраться такимъ легкимъ путемъ, какъ отождествленіе справедливости и физическаго равновѣсія.

II.

То единство, которое нашъ умъ хочетъ установить между нравственнымъ и физическимъ міромъ, не должно основываться на смутномъ сближеніи разнородныхъ идей по призрачному тождеству такихъ отвлеченныхъ признаковъ, какъ, напр., *равенство* въ понятіи справедливости, съ одной стороны, и въ понятіи механическаго равновѣсія—съ другой. Чтобы узнать истинное единство двухъ порядковъ бытія, необходимо прежде всего имѣть ясное и отчетливое понятіе объ ихъ специфическихъ отличіяхъ. Нужно знать, какъ слѣдуетъ, *что подлежитъ соединенію*, иначе вмѣсто высшаго синтеза выйдетъ простое смѣшеніе; и тутъ вполнѣ примѣнимо старинное правило: *qui bene distinguit bene docet*. Этому требованію старается удовлетворить г. Страховъ въ статьѣ: „О законѣ сохраненія энергіи“. Изложивши сначала исторію открытія этого закона (къ которому, какъ извѣстно, почти одновременно пришли Юлій-Робертъ Майеръ и Гельмгольцъ въ Германіи и Джемсъ-Прескоттъ Джоуль въ Англіи), нашъ авторъ сопоставляетъ разсужденія и указанія различныхъ ученыхъ (Гельмгольца, Кирхгофа, Грассмана, Тэта, Вердэ, Карно) и воспроизводитъ въ длинныхъ цитатахъ споръ Гершеля съ Ренкиномъ о потенціальной энергіи,—все это для того, чтобы изъ основного закона физики, который обнимаетъ всѣ явленія, изучаемыя этою наукою, и даетъ ей, такимъ образомъ, строгое единство,—выдѣлить всякую примѣсь смутныхъ представленій о живой, активной силѣ и свести его къ чистоматематической формальной истинѣ. Главная мысль,—говоритъ

г. Страховъ,—которую мы старались пояснить предыдущими замѣчаніями, заключается въ томъ, что законъ сохраненія энергіи есть механическая теорема, механика же не есть опытная наука, состоящая изъ постепенно открываемыхъ фактовъ, а есть наука чисто-теоретическая, если не имѣющая, то долженствующая имѣть тотъ апріорный характеръ, какой, вообще, свойственъ математическимъ наукамъ“ (стр. 125—126).

Мы видѣли, какъ проф. Бекетовъ пытался на данныхъ точнаго, т. е. механическаго, естествознанія утвердить нравственный смыслъ жизни, отождествивъ его съ закономъ всемірнаго равновѣсія. Такого закона не существуетъ, а есть законъ сохраненія энергіи, гласящій, что во всякой движущейся системѣ сумма кинетической и потенціальной энергіи есть количество неизмѣнное. Что отсюда нельзя ничего извлечь для нравственнаго смысла нашей жизни—это ясно; но, по справедливому замѣчанію г. Страхова, этотъ законъ при всей своей теоретической и практической важности не выражаетъ смысла даже и физическаго міра. „Онъ какъ будто вовсе не подвигаетъ насъ въ дѣйствительномъ познаніи природы, въ постиженіи того бытія, съ которымъ мы связаны всѣмъ существомъ своимъ. Разнообразіе явленій и существъ міра, ихъ гармоническое соотношеніе, ихъ различная существенность и правильная іерархія, все эти ничуть не проясняется. Напротивъ, законъ энергіи указываетъ въ природѣ нѣкоторую черту однообразія, сглаживаетъ всякія различія, утверждаетъ единое правило, которому, въ извѣстномъ отношеніи, неизбѣжно подчинены всѣ вещественныя явленія. Физика, какъ мы видѣли, по самой своей сущности, ничего другого и не можетъ, и не хочетъ дѣлать, какъ описывать подобныя правила. Она смотритъ на міръ съ этой стороны, она всюду въ немъ отыскиваетъ только то, что можно подвергнуть математическимъ соображеніямъ: такимъ образомъ, ея изслѣдованія приводятся, въ концѣ концовъ, къ математическимъ теоремамъ. А это—истины формальныя, сводящіяся въ послѣднемъ анализѣ на тождесловія, въ которыхъ, поэтому, не раскрывается сущность вещей и внутренняя жизнь природы“ (стр. 130—131).

Г. Страховъ весьма ясно различаетъ механическую рамку природныхъ явленій отъ той живой картины, которую представляетъ намъ сама природа въ полнотѣ своего дѣйствительнаго бытія. Природа не выходитъ изъ предѣловъ механической закономѣрности, такъ-же какъ картина не простирается далѣе своей

рамки. Но какъ эта послѣдняя, при всей своей полезности и необходимости, не имѣетъ никакого значенія для истинной оцѣнки картины, такъ же познаніе основного закона механики и физики не даетъ намъ ничего для истиннаго познанія природы. Это различеніе очень важно, и мы не станемъ упрекать г. Страхова за то, что онъ ограничился тѣмъ, что его подчеркнулъ, но не сказалъ намъ, какимъ же способомъ познается то дѣйствительное содержаніе міровыхъ явленій, та настоящая жизнь природы, которыя не затрагиваются истинами физики и механики. Въ результатѣ разсужденія мы получаемъ точную пограничную черту, по одну сторону которой находится безусловно достовѣрное, но безсодержательное научное познаніе, а по другую—огромный вопросительный знакъ, покрывающій все истинное содержаніе бытія. Конечно, на такомъ результатѣ нельзя остановиться, и у другихъ писателей философскаго журнала мы найдемъ положительныя указанія относительно предметовъ истиннаго познанія. Но прежде, чѣмъ перейти къ нимъ, я долженъ съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣтить слѣдующее мѣсто въ статьѣ г. Страхова: „Истина обыкновенно проста и легко бываетъ доступна простому непредубѣжденному взгляду. Но когда она заявляется въ первый разъ, она, почти безъ исключенія, встрѣчается съ предразсудками, которые уже заняли ея мѣсто и держатся на немъ съ величайшимъ упорствомъ. Мы, вообще, смотримъ на міръ сквозь густое облако понятій и образовъ, созданныхъ нами самими, и главныя усилія нашего ума тратятся на то, чтобы разогнать этотъ туманъ, дѣло, которое притомъ вполнѣ едва-ли кому удается. Ученіе объ энергіи должно было бороться съ ученіемъ о теплородѣ, какъ система Коперника боролась съ ученіемъ о неподвижности земли, взвѣшиванія Лавуазье съ ученіемъ о флогистонѣ, эпигенезисъ съ теоріею заключенныхъ зародышей, *перерожденіе организмовъ*[1]*) съ теоріею постоянства видовъ* и т. д. Въ настоящемъ случаѣ очень ясно видно также отношеніе, въ которомъ стоятъ между собою истина и предразсудокъ. *Истина обыкновенно есть нѣкоторое общее положеніе, а предразсудокъ частный фактъ, утверждаемый въ его особенности. Общее положеніе возникаетъ изъ понятій закономѣрно обращающихся въ нашемъ умѣ, и оно постепенно заявляетъ*

---

[1]) Очевидно, почтенный авторъ хотѣлъ сказать *ученіе* о перерожденіи организмовъ.

свою силу, то есть подчиняетъ себѣ частныя представленія“ (стр. 105).

Изъ этихъ словъ ясно, во-первыхъ, что почтенный Н. Н. Страховъ вовсе не такой безусловный антидарвинистъ, какъ можно было бы подумать, судя по его „полному опроверженію Дарвинизма“ и т. п. Большинство противниковъ Дарвина стоитъ именно на почвѣ постоянства видовъ, отвергая не только теорію естественнаго отбора въ борьбѣ за существованія, но и самую идею органической эволюціи или перерожденія видовъ. Но г. Страховъ, какъ оказывается, считаетъ постоянство видовъ такимъ же заблужденіемъ или предразсудкомъ, какъ неподвижность земного шара, а перерожденіе органическихъ видовъ есть для него такая же истина, какъ вращеніе земли и прочихъ планетъ вокругъ солнца. Признавая такимъ образомъ эволюцію органическаго міра, онъ отвергаетъ только спеціально-дарвиновское ея объясненіе и построеніе, и намъ остается только пожалѣть, что почтенный писатель не говоритъ, *какое-же другое* объясненіе органической эволюціи онъ принимаетъ какъ истинное. Возвращается ли онъ къ первымъ попыткамъ предшественниковъ Дарвина,—къ мыслямъ Ламарка и Изидора Жоффруа Сентъ-Илера, или предпочитаетъ смутныя идеи шеллинговой натурфилософіи, или, наконецъ, имѣетъ собственный взглядъ по этому важному предмету? Первыя два предположенія слишкомъ странны, и мы желали бы надѣяться, что почтенный глашатай „полнаго опроверженія дарвинизма“ еще попробуетъ возвести на этихъ руинахъ собственную научную постройку. Во всякомъ случаѣ мы ему признательны и за теперешнее краткое, но ясное свидѣтельство въ пользу великой идеи перерожденія органическихъ формъ.

Съ неменьшимъ удовольствіемъ встрѣтили мы, во-вторыхъ, и другое свидѣтельство г. Страхова о томъ, что предразсудокъ есть частный фактъ, утверждаемый въ его особенности, а истина—общее положеніе, отвѣчающее закономѣрнымъ требованіямъ нашего ума. Это замѣчаніе гораздо содержательнѣе, чѣмъ кажется, и его приложеніе не ограничивается одною исторіей точныхъ наукъ. Во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни истина всегда универсальна и *общегодна*, а заблужденіе всегда представляетъ характеръ болѣе или менѣе тѣснаго партикуляризма и служитъ источникомъ разобщенія. Подобною же мыслью проникнуть замѣчательный этюдъ князя С. Трубецкого „о природѣ человѣческаго сознанія“, къ которому мы и переходимъ.

III.

„Нѣтъ сознанія безъ сознающихъ индивидуальностей и нѣтъ сознанія абсолютно-субъективнаго, нѣтъ абсолютно изолированныхъ сферъ сознанія. Разсматривая сознаніе внѣшнимъ образомъ, въ связи съ прогрессивно-развивающимися явленіями жизни, или изнутри при свѣтѣ психологическаго анализа, мы убѣдимся въ его органической универсальности, въ идеальной соборности сознанія“ (стр. 136).

Эту свою главную мысль авторъ освѣщаетъ и подтверждаетъ извѣстными фактами изъ области зоологіи. Пріемъ совершенно правильный, ибо, во-первыхъ, *общая сущность* сознанія должна неизмѣнно выражаться и на самыхъ низшихъ его ступеняхъ, и именно здѣсь мы можемъ провѣрить значеніе нашихъ понятій, построенныхъ на психологической почвѣ высшаго порядка, а во-вторыхъ, съ точки зрѣнія *генетической* дѣйствительное сознаніе человѣка, конечно, не упало прямо съ неба, а произошло изъ низшихъ формъ и въ этомъ смыслѣ ими объясняется.

„Сознаніе въ своей элементарной формѣ—чувственности—предшествуетъ не только диференціаціи нервной системы, но и первичнымъ организмамъ—клѣточкамъ. Уже первичныя амебы, лишенныя всякой организаціи, обнаруживаютъ чувствительность и нѣкоторые признаки сознательности“ (стр. 137).

Основной органической матеріи живыхъ существъ—такъ называемой протоплазмѣ—соотвѣтствуетъ эта элементарная, неопредѣленная чувственность или, какъ выражается авторъ, *общая психологическая матерія*, которую мы встрѣчаемъ на самыхъ низшихъ ступеняхъ жизни и которая такъ же, какъ и сама протоплазма, не имѣетъ въ себѣ ничего индивидуальнаго. Эта элементарная чувственность не рождается въ данномъ существѣ, а продолжается, какъ жизнь протоплазмы: сознаніе, какъ и жизнь, есть отъ начала родовой наслѣдственный процессъ.

„Поэтому, говоритъ кн. Трубецкой, отъ низшихъ ступеней зарождающагося сознанія до высшихъ соціальныхъ этическихъ его проявленій мы находимъ въ немъ общую основу, родовыя формы и функціи“ (стр. 138). Соединяя исторію человѣчества съ жизнью органическаго міра, нашъ авторъ представляетъ весь міровой процессъ какъ постепенное развитіе универсализма сознанія, посте-

пенный переходъ отъ естественнаго стихійнаго безразличія къ конкретному и свободному, универсальному единству, къ связному многообразію, къ живой соборности, которой полнота совпадаетъ и съ наибольшимъ развитіемъ индивидуальнаго начала. Такое понятіе о міровомъ процессѣ, конечно, не измышленно впервые нашимъ авторомъ: мы имѣемъ здѣсь основную, умозрительную истину, присущую въ томъ или въ другомъ видѣ многимъ ученіямъ какъ религіознымъ, такъ и философскимъ. Въ настоящее время эта истина получаетъ обильныя подтвержденія, благодаря успѣхамъ біологическихъ наукъ.

Понятіе живого индивида, какъ существа безусловно простого и единичнаго, должно быть признано отвлеченною фикціей, за которую могутъ стоять только умы, лишенные научнаго образованія, или, по крайней мѣрѣ, незнакомые съ новѣйшими результатами естественныхъ наукъ. Эти послѣднія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ истинности слѣдующихъ двухъ положеній: 1) на низшихъ ступеняхъ развитія сознаніе животнаго, подобно его жизни и организаціи, *многоединично* (соотвѣтственно, напр., многимъ сегментамъ у кольчатыхъ и у насѣкомыхъ), и 2) у высшихъ животныхъ и человѣка разсѣянное, раздробленное, многоединичное сознаніе переходитъ въ сознаніе собранное, сосредоточенное и въ *этомъ смыслѣ недѣлимое*. А что эта недѣлимость есть только относительная и производная, а не безусловная и первоначальная, доказывается, помимо всего другого, различными анормальными явленіями, которыя наблюдаются невропатологами и психіатрами. Эти явленія, на которыя въ настоящее время обращаютъ гораздо болѣе вниманія, чѣмъ прежде, съ особою яркостью выяснили собирательный характеръ психологической дѣятельности человѣка, они открыли существованіе многихъ сознающихъ центровъ въ психофизической организаціи человѣка и показали, съ какою энергіей высказывается скрытая многоединичность человѣческаго сознанія, автоматизмъ его подчиненныхъ центровъ въ случаѣ ихъ болѣзненной диссоціаціи, ихъ разобщенія съ высшими управляющими центрами.

Что психическая дѣятельность не имѣетъ первоначально индивидуальнаго характера, доказывается въ особенности преобладаніемъ, такъ называемыхъ, *инстинктовъ* въ животномъ царствѣ. Весь индивидуальный умъ животнаго, по справедливому замѣчанію нашего автора, является простою варіаціею на общія инстинктивныя темы. Эти темы совершенно независимы отъ индивидуальнаго

сознанія животнаго, оно не додумывается до нихъ, а получаетъ ихъ какъ свой непроизвольный и неизмѣнный наслѣдственный удѣлъ. Сознаніе индивидуальнаго животнаго не можетъ, говоритъ Роменсъ („Умъ животныхъ"), цитируемый нашимъ авторомъ, ни вызвать, ни задержать тѣхъ умственныхъ операцій, въ которыхъ проявляется инстинктъ. Онѣ побуждаютъ животное къ дѣйствіямъ, цѣли которыхъ оно не сознаетъ и которыя повторяются изъ поколѣнія въ поколѣніе безъ замѣтнаго измѣненія.

То же безличное, родовое инстинктивное сознаніе составляетъ базисъ человѣческаго сознанія, его нижній слой. Какъ высшее животное, человѣкъ подчиненъ общимъ зоологическимъ законамъ и является наслѣдникомъ предшествовавшихъ организацій. Послѣ всѣхъ явившійся на свѣтъ, онъ обладаетъ наиболѣе древними традиціями. Большинство человѣческихъ дѣйствій и характеровъ опредѣляется врожденными свойствами, воспитаніемъ и вліяніемъ общественной среды,—*унаслѣдованнымъ* и *внушеннымъ* сознаніемъ.

Если (употребляя механическую терминологію Ог. Конта) *статика* человѣческой жизни опредѣляется наслѣдственностью и преданіемъ, то ея *динамика*—историческія движенія народовъ—обусловливается особыми внушеніями собирательной общей воли. „Историкъ знаетъ,—говоритъ нашъ авторъ,—какъ много у народной общественной воли есть различныхъ способовъ выраженія и дѣйствія, какъ полно и разнообразно высказывается она,—еще не сознанная, не овладѣвшая собою, еще не рѣшившаяся, но какъ бы ищущая рѣшенія и предчувствующая его. Она проявляется инстинктивно, иногда безотчетно, сама не понимая смысла этихъ проявленій [1]), которыя въ своей сложности создаютъ общую атмосферу, общее давленіе, иногда переходящее изъ скрытаго состоянія въ дѣйствіе" (стр. 151).

Но стихійною мірскою волею, при всей ея сокрушительной силѣ, никакъ не упраздняется ни роль личности въ исторіи, ни значеніе цѣлесообразной соціально-политической организаціи. Не слѣдуетъ ослѣплять себя на-счетъ могущества общей воли и ея непосредственнаго вліянія на центральные органы. Ошибочно думать, что, помимо всякой политической организаціи, народное со-

---

1). Здѣсь авторъ впадаетъ въ ошибку, касающуюся, впрочемъ, болѣе выраженія, чѣмъ мысли. Правильнѣе было бы сказать, что отдѣльные члены общества, становясь пассивными органами общественной воли, не понимаютъ ея и не даютъ себѣ отчета въ ея проявленіяхъ.

знаніе можетъ всегда непосредственно вдохновлять правителей путемъ магическаго умственнаго внушенія. Такъ какъ прежде всего никакое соціальное тѣло не обладаетъ достаточною солидарностью: различныя части, его составляющія, проявляютъ значительное взаимное треніе; во-вторыхъ, правительство, вдохновляющееся одними темными инстинктами массъ, едва-ли будетъ на высотѣ своихъ задачъ и съумѣетъ возвыситься надъ случайною политикой. Тамъ, гдѣ народная интеллигенція не организована или дезорганизована, народное тѣло можетъ испытывать нужды и потребности безъ того, чтобы вызвать соотвѣтственныя дѣйствія центральныхъ органовъ. Тамъ, гдѣ отсутствуетъ всякая организація общаго сознанія, гдѣ оно, какъ у низшихъ животныхъ, разсѣяно безсвязными узлами по всему общественному тѣлу, не собираясь къ центральнымъ органамъ, тамъ господствуютъ лишь элементарные соціальные и государственные инстинкты, которые хотя и обусловливаютъ крѣпость и цѣльность государства, но сами по себѣ недостаточны для того, чтобы справляться со сложными политическими задачами и вопросами. Человѣкъ не можетъ жить безъ элементарныхъ органическихъ отправленій, не можетъ обойтись безъ инстинктовъ, но онъ не былъ бы человѣкомъ, если бы жилъ одною этою безсловесною жизнью. Такъ-же точно и государство, какъ форма человѣческаго общежитія, не можетъ довольствоваться тѣмъ мощнымъ инстинктомъ самосохраненія, тѣмъ стихійнымъ единствомъ сознанія, которое обнаруживаетъ народъ въ годины бѣдствій или въ минуты необычайнаго энтузіазма... Народная воля не должна пребывать навсегда безсознательной, импульсивною, и народная мудрость—безсловеснымъ инстинктомъ, который выражается въ судорожнымъ рефлексахъ и дикихъ воплях. Если народъ есть живое существо, то это организмъ высшаго порядка, члены котораго обладаютъ разумною природой. И вотъ почему существенною задачей каждаго государства является просвѣщеніе народа и образованіе его интеллигенціи (стр. 151, 152.).

Если *существованіе* человѣческаго общества во всѣхъ его коренныхъ формахъ и функціяхъ основано на безличныхъ и сверхличныхъ данныхъ, то его *положительный прогрессъ* зависитъ отъ личности и ея свободы, безъ которой нѣтъ ни права, ни власти, ни познанія, ни творчества. И помимо унаслѣдованныхъ традиціонныхъ началъ, человѣкъ долженъ въ свободѣ своего сознанія логически мыслить и познавать *подлинную* истину, вселенскую правду и осуществлять ее въ своемъ дѣйствіи. Чтобы

сдѣлать научное открытіе или построитъ философскую систему, мало народной мудрости: нужна всеобщая истина, какъ для художника — подлинная красота, и нужно *свободное усиліе личнаго генія*. Чтобы преобразовывать общество, учить его, способствовать такъ или иначе его развитію и нравственному улучшенію, нуженъ не только патріотизмъ, но и ясное сознаніе правды и добра, крѣпкая вѣра въ высшій идеалъ. И вотъ почему для мыслителя и художника, для религіознаго и политическаго преобразователя всеобщій истинный идеалъ не всегда таковъ, какъ онъ признается въ его средѣ.

„И такъ, заключаетъ нашъ авторъ, признавая общій необходимый характеръ историческихъ событій и внутреннее разумное единство общаго теченія исторіи мы въ то же время признаемъ за личностью способность представлять свое общество и управлять имъ. Понятіе о первоначальномъ родовомъ единствѣ, объ органической коллективности сознанія не отрицаетъ, а объясняетъ намъ эту провиденціальную роль личности въ исторіи,—такъ какъ то, что пріобрѣтено личностью, становится достояніемъ рода въ силу ея органической солидарности съ нимъ. Съ другой стороны, индивидуальная личность можетъ усвоять, вмѣщать вселенскій идеалъ, познавать всеобщую истину лишь въ универсальныхъ родовыхъ формахъ человѣческаго сознанія. Только въ своей органической солидарности съ родомъ отдѣльная личность обладаетъ такими формами. И вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей свободной индивидуальной самодѣятельности она возвышается надъ своею врожденною природой, наполняетъ свое потенціальное сознаніе идеальнымъ содержаніемъ. Чтобы осуществиться въ дѣйствительности, идеалъ предполагаетъ въ ней универсальныя формы и свободный актъ, безъ котораго онъ не можетъ быть усвоенъ“ (стр. 154,155).

Опредѣляя дѣйствительныя отношенія между индивидомъ и родомъ, нашъ авторъ приходитъ, въ концѣ концовъ, къ христіанской идеѣ богочеловѣческаго общественнаго организма, въ которомъ всеобщее сверхличное бытіе проявляетъ свой истинно-абсолютный характеръ, свою полноту и цѣльность, не подавляя и не пожирая индивидуальныхъ существованій, а исцѣляя и воскрешая ихъ.

Я передалъ главныя мысли прекрасной статьи кн. Трубецкаго, не подвергая ихъ критикѣ по той простой причинѣ, что я съ ними безусловно согласенъ. Замѣчу только, что изложеніе автора, вообще, весьма талантливое и живое, страдаетъ иногда недостаткомъ сжатости и сосредоточенности.

Въ седьмой книгѣ журнала, кромѣ окончанія этюда о природѣ человѣческаго сознанія, выдаются еще слѣдующія статьи: П. А. Каленова, прекрасно воспроизводящаго ученіе Шиллера о красотѣ и эстетическомъ наслажденіи; В. А. Гольцева, предложившаго нѣсколько краснорѣчивыхъ и своевременныхъ замѣтокъ объ идеалахъ и дѣйствительности; весьма поучительное изслѣдованіе доктора В. Чижа, убѣдительно доказывающаго, что психическія разстройства суть въ основѣ своей болѣзни не ума, а воли, ослабленіе или совершенная утрата нравственныхъ мотивовъ и прежде всего—безучастіе къ страданіямъ и радостямъ ближнихъ. Этой важнѣйшей темы я не хочу касаться мимоходомъ, и въ заключеніе настоящаго отчета укажу еще на прекрасную характеристику новой философіи проф. Грота. Здѣсь, между прочимъ, по поводу всецѣлаго подчиненія средневѣковой философіи религіозному началу и въ оправданіе освободительнаго движенія эпохи возрожденія, почтенный авторъ весьма справедливо и кстати замѣчаетъ: „Костеръ, на которомъ въ 1600 г. сгорѣлъ Джордано Бруно,—лучшій образчикъ того, въ какія вопіющія противорѣчія запутывается духъ человѣческій, когда ищетъ осуществленіе идеала добра независимо отъ служенія идеаламъ истины и красоты“.

Владиміръ Соловьевъ.

Въ 1879 г. у нѣкоторыхъ лицъ, интересовавшихся философіей, возникла мысль объ образованіи Философскаго Общества. Для выработки устава Общества было созвано у Ѳ. Г. Тернера собраніе, въ которомъ участвовали: К. И. Бестужевъ-Рюминъ, Н. Н. Страховъ, князь Д. Н. Цертелевъ, М. И. Каринскій, Вл. С. Соловьевъ, проф. Свѣтилинъ и нѣкоторыя другія лица. Уставъ предполагаемаго Общества поступилъ на разсмотрѣніе Ученаго Комитета Министерства народнаго просвѣщенія, и Вл. С. Соловьевъ долженъ былъ дать свое заключеніе относительно представленнаго устава. Вотъ это заключеніе.

Въ 1849 г., какъ извѣстно, древніе языки были изгнаны изъ нашихъ гимназій и философія изъ нашихъ университетовъ. Результаты этого двойного изгнанія не замедлили обнаружиться и въ жизни, и въ наукѣ. Трудно отвергать, что пониженіе образовательнаго уровня гимназій и университетовъ послужило весьма благопріятствующимъ условіемъ для развитія того поверхностнаго радикализма, который овладѣлъ значительною частью нашего общества съ начала 60-хъ годовъ. Нельзя также не замѣтить вліянія реформы 1849 г. въ области научной, и здѣсь, уже по существу дѣла, это явленіе не могло быть благотворнымъ. Существенный характеръ науки, то, что дѣлаетъ ее истиннымъ знаніемъ, а не простымъ наборомъ фактовъ, есть, безъ сомнѣнія, обобщеніе въ различныхъ его видахъ. Но для научнаго обобщенія прежде всего необходимы два условія: во-первыхъ, извѣстное формальное развитіе мышленія, ручающееся за правильность въ самомъ процессѣ обобщенія, а это формальное развитіе лучше всего достигается изученіемъ математики и той конкретной логики, которую представляютъ языки, по преимуществу классическіе; во-вторыхъ, для плодотворныхъ и широкихъ обобщеній въ наукѣ необходимы извѣстныя универсальныя начала и идеи, которыя должны давать обобщенію опредѣленное направленіе и цѣль, а эти начала и идеи,

не находящіяся ни въ одной частной наукѣ, могутъ быть установлены только всеобщею наукою—философіей. Поэтому неудивительно, что съ изгнаніемъ классицизма и философіи изъ нашей общеобразовательной школы русская наука стала обогащаться массою случайныхъ произведеній безъ цѣли и плана въ общемъ, безъ логической связи въ частностяхъ; и это качественное пониженіе научной производительности было бы, разумѣется, еще значительнѣе, если бы ряды русскихъ ученыхъ не пополнялись питомцами духовнымъ семинарій и академій, продолжавшихъ сохранять въ себѣ классическій и, въ особенности, философскій элементъ.

Въ концѣ 60-хъ годовъ необходимость классицизма, какъ общеобразовательной системы, была сознана правительствомъ, и древніе языки возстановлены въ гимназіяхъ. Но, помимо другихъ условій, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить, гимназическая реформа 1871 г. не могла принести всѣхъ желательныхъ результатовъ уже потому, что университеты (дающіе гимназіямъ ихъ учителей и воспитателей) по-прежнему лишены были своего основного образовательнаго элемента — философскаго. Хотя по уставу 1863 г. каѳедра философіи возстановлена на историко-филологическомъ факультетѣ, но даже и въ этихъ узкихъ предѣлахъ ея существованіе было доселѣ почти только номинальнымъ; фактически, философія по-прежнему находитъ нѣкоторое убѣжище лишь въ духовныхъ академіяхъ, вдали отъ общаго теченія жизни и науки.

Между тѣмъ, въ послѣднее время обнаружилось замѣтное оживленіе философскаго интереса въ нашемъ образованномъ обществѣ. Господствовавшее прежде увлеченіе научнымъ эмпиризмомъ, повидимому, начинаетъ уступать мѣсто сознанію, что сама наука, какъ наука, чтобы представлять собой нѣчто цѣлое и удовлетворяющее существеннымъ запросамъ мыслящаго ума, должна искать философскихъ основаній и разъясненій. И въ самомъ дѣлѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что послѣднія условія какихъ бы то ни было частныхъ явленій, составляющихъ предметъ той или другой отдѣльной науки, лежатъ за предѣлами эмпиріи, такъ что всякая наука уже сама по себѣ стремится перейти въ метафизику, а съ другой стороны, для приведенія всѣхъ частныхъ наукъ въ общую связь или для созданія научной системы, очевидно, необходимы такія начала, которыя не принадлежатъ ни одной изъ частныхъ наукъ, т. е. начала всеобщія или философскія.

Если такимъ образомъ исключеніе или ослабленіе философ-

скихъ началъ должно быть пагубнымъ для науки и образованія, а чрезъ то и для жизни, и если потребность въ философіи начинаетъ ощущаться самимъ обществомъ, то всякая попытка удовлетворить этой потребности усиленіемъ философскаго элемента въ наукѣ и жизни является желательной и своевременной. Поэтому, я полагаю, заслуживаетъ одобренія и намѣреніе учредителей Философскаго Общества. Разумѣется, для того чтобы попытка эта оказалась плодотворной, необходимы извѣстныя условія, присутствіе которыхъ въ данномъ случаѣ можетъ обнаружиться только самимъ *дѣломъ*.

Въ 1880 г., какъ извѣстно, не удалось осуществить мысль объ основаніи Философскаго Общества; но въ 1897 г. графъ Деляновъ не встрѣтилъ препятствій къ утвержденію устава „Философскаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ“. Въ организаціи Общества, а потомъ и въ жизни его, Вл. Соловьевъ принималъ самое дѣятельное участіе и неоднократно выступалъ въ качествѣ лектора.

Прим. ред.

Значеніе государства.

„Вѣстникъ Европы“, 1895 г. № 12.

I.

Всякое личное существо, въ силу своего безусловнаго значенія (въ смыслѣ нравственномъ), имѣетъ неотъемлемое право на существованіе и на совершенствованіе. Но это нравственное право было бы пустымъ словомъ, если бы его дѣйствительное осуществленіе зависѣло всецѣло отъ внѣшнихъ случайностей и чужого произвола. Дѣйствительное право есть то, которое заключаетъ въ себѣ условія своего осуществленія, т. е. огражденіе себя отъ нарушеній. Первое и основное условіе для этого есть общежитіе или общественность, ибо человѣкъ одинокій, предоставленный самому себѣ, очевидно, безсиленъ противъ стихій природы, противъ хищныхъ звѣрей и безчеловѣчныхъ людей. Но, будучи необходимымъ огражденіемъ личной свободы или естественныхъ правъ человѣка, общественная форма жизни есть вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченіе этихъ правъ, но ограниченіе не внѣшнее и произвольное, а внутренно вытекающее изъ существа дѣла. Пользуясь для огражденія своего существованія и дѣятельности организаціею общественною, я долженъ и за нею признать право на существованіе и развитіе, и, слѣдовательно, подчинить свою дѣятельность необходимымъ условіямъ существованія и развитія общественнаго. Если я желаю осуществлять свое право или обезпечивать себѣ область свободнаго дѣйствія, то, конечно, мѣру этого осуществленія или объемъ этой свободной области я долженъ обусловить тѣми основными требованіями общественнаго интереса или общаго блага, безъ удовлетворенія которыхъ не можетъ быть *никакого* осуществленія моихъ правъ и *никакого* обезпеченія моей свободы.

Опредѣленное въ данныхъ обстоятельствахъ мѣста и времени ограниченіе личной свободы требованіями общаго блага, или—что

то же—опредѣленное въ данныхъ условіяхъ уравновѣшеніе этихъ двухъ началъ, есть право положительное или *законъ*.

Законъ есть общепризнанное и безличное (т.-е. независящее отъ личныхъ мнѣній и желаній) опредѣленіе права, или понятія о должномъ, въ данныхъ условіяхъ и въ данномъ отношеніи, равновѣсіе частной свободы и общаго блага,—опредѣленіе или *общее понятіе, осуществляемое черезъ особыя сужденія въ единичныхъ случаяхъ или дѣлахъ*.

Отсюда три отличительные признака закона: 1) его *публичность*—постановленіе, не обнародованное во всеобщее свѣдѣніе, не можетъ потому имѣть силы закона; 2) его *конкретность*—законъ выражаетъ норму дѣйствительныхъ жизненныхъ отношеній въ данной общественной средѣ, а не какія-нибудь отвлеченныя истины и идеалы, и 3) его *реальная примѣнимость*, или удобоисполнимость въ каждомъ единичномъ случаѣ, ради чего съ нимъ всегда связана такъ называемая „санкція“, т.-е. угроза принудительными и карательными мѣрами—на случай неисполненія его требованій или нарушенія его запрещеній.

Чтобы эта санкція не оставалась пустою угрозой, въ распоряженіи закона должна быть дѣйствительная сила, достаточная для приведенія его въ исполненіе во всякомъ случаѣ. Другими словами, право должно имѣть въ обществѣ дѣйствительныхъ носителей или представителей, достаточно могущественныхъ для того, чтобы издаваемые ими законы и произносимыя сужденія могли имѣть силу принудительную. Такое реальное воплощеніе права называется *властью*.

Требуя по необходимости отъ общественнаго цѣлаго того обезпеченія моихъ естественныхъ правъ, которое не подъ силу мнѣ самому, я по разуму и справедливости долженъ предоставить этому общественному цѣлому положительное право на тѣ средства и способы дѣйствія, безъ которыхъ оно не могло бы исполнить своей, для меня самого желательной и необходимой, задачи; а именно, я долженъ предоставить этому общественному цѣлому: 1) власть издавать обязательные для всѣхъ, слѣдовательно и для меня, законы; 2) власть судить сообразно этимъ общимъ законамъ о частныхъ дѣлахъ и поступкахъ и 3) власть принуждать всѣхъ и каждаго къ исполненію какъ этихъ судебныхъ приговоровъ, такъ и вообще всѣхъ законныхъ мѣръ, необходимыхъ для общей (а слѣдовательно и моей) безопасности и преуспѣянія.

Ясно, что эти три различныя власти—законодательная, су-

дебная и исполнительная—суть только особыя формы проявленія единой верховной власти, въ которой сосредоточивается все положительное право общественнаго цѣлаго, какъ такого. Безъ единства верховной власти, такъ или иначе выраженнаго, не возможны были бы ни общіе законы, ни правильные суды, ни дѣйствительное управленіе, т.-е. самая цѣль организаціи даннаго общества не могла бы быть достигнута.

Общественное тѣло съ постоянною организаціею, заключающее въ себѣ полноту положительныхъ правъ, или единую верховную власть, называется *государствомъ*. Во всякомъ организмѣ необходимо различаются: 1) организующее начало; 2) система органовъ или орудій организующаго дѣйствія, и 3) совокупность организуемыхъ элементовъ. Соотвѣтственно этому и въ собирательномъ организмѣ государства различаются: 1) верховная власть; 2) различные ея органы или подчиненныя власти, и 3) субстратъ государства, т.-е. масса населенія, состоящая изъ единичныхъ лицъ, семействъ и болѣе широкихъ частныхъ союзовъ, подчиненныхъ государственной власти. Только въ государствѣ право находитъ всѣ условія для своего дѣйствительнаго осуществленія, и съ этой стороны государство есть *воплощенное право*. Однако этимъ основнымъ опредѣленіемъ понятіе государства не исчерпывается.

II.

Такая сложная организація, какъ государство, представляетъ, конечно, по различію временъ и мѣстъ, весьма разнообразные типы. Не входя въ вопросъ о формахъ правленія—вопросъ, который, начиная съ Аристотеля, былъ любимою темой писателей по политикѣ и по государственному праву и можетъ считаться теоретически исчерпаннымъ,—я припомню только, какъ идея государства отразилась въ главныхъ языкахъ образованнаго человѣчества. Коренное значеніе того слова, которое извѣстный народъ употребляетъ для обозначенія государства, содержитъ, конечно, если не прямое указаніе, то ясный намекъ на то, какую сторону или какую задачу собирательной жизни считалъ или считаетъ онъ для себя самою важною. Безъ сомнѣнія, ни одинъ великій историческій народъ не подчеркнулъ бы въ понятіи государства такой стороны или такого признака, который вовсе не имѣетъ существеннаго значенія въ этомъ понятіи. Такимъ обра-

зомъ, сопоставленіе этихъ различныхъ національныхъ способовъ пониманія поможетъ намъ углубить и расширить наше собственное понятіе о смыслѣ государства.

Для древнихъ грековъ государство было *городомъ*, или самостоятельною гражданскою общиною (πολιτεία—отъ πόλις). Это понятіе навсегда укоренилось въ памяти человѣчества, какъ о томъ свидѣтельствуютъ такія слова, какъ *гражданинъ*, *гражданская* доблесть, соотвѣтствующія которымъ встрѣчаются во всѣхъ европейскихъ языкахъ. Но какое же общее значеніе имѣетъ здѣсь городъ? Конечно, это значеніе не исчерпывается представленіемъ огороженнаго жилого мѣста. Городъ всегда былъ и есть средоточіе образованности, умственной и матеріальной культуры, живого движенія и прогресса [1]). Все это требуетъ организованнаго сотрудничества многихъ людей, а для этого нужно ихъ соединеніе въ одномъ мѣстѣ, т.-е. городъ. Никогда образованность не зарождалась и не преуспѣвала внѣ государственной организаціи, а сколько-нибудь значительныя государства всегда выходили изъ города, или были связаны съ городомъ. Великія восточныя деспотіи вышли изъ разросшихся городовъ—Вавилона, Ниневіи, Мемфиса, Ѳивъ и т. д.; величайшая въ свѣтѣ государственная организація выросла изъ города Рима, а раньше того долгое время очагами всемірной исторіи были два небольшихъ города — Іерусалимъ и Аѳины. Три величайшіе момента въ историческомъ процессѣ (съ внѣшней его стороны) ознаменованы основаніемъ городовъ: сочетаніе восточной и эллинской культуры (Александрія); явное торжество христіанства надъ язычествомъ (Константинополь), и выступленіе на всемірно-историческое поприще новой, посредствующей между западомъ и востокомъ, силы—Россіи (Петербургъ).

Называя государство городомъ, греки — первые создатели чисто-человѣческой культуры—указали на существенное значеніе для государства его *культурной* задачи, и вѣрность этого указанія подтверждается разумомъ и исторіей. Если свободные роды и племена принимаютъ принудительную организацію, если частные интересы подчиняются условіямъ, необходимымъ для существованія цѣлаго, то это дѣлается не съ тѣмъ, конечно, чтобы под-

---

[1]) Городской—значитъ образованный, какъ деревенскій—напротивъ, дикій, невѣжественный. И эта связь понятій, первоначально выяснившаяся въ сознаніи грековъ, перешла отъ нихъ и къ другимъ національ. urbanus, urbain, poli, civil, civilisé—и наоборотъ: agrestis, rudis, rusticus и т. д.

держивать дикую, полу-звѣриную жизнь людей. Государство есть необходимое условіе человѣческой образованности, культурнаго прогресса. Поэтому принципіальные противники государственной организаціи бываютъ непремѣнно вмѣстѣ съ тѣмъ и принципіальными противниками образованности. Но такъ какъ прямо проповѣдовать дикость и простоту звѣринаго быта рѣшаются лишь немногіе, то придумано ad hoc софистическое раздѣленіе между внѣшнею, матеріальною культурою — и внутреннимъ, духовнымъ просвѣщеніемъ человѣка. Что эти двѣ стороны историческаго процесса различаются между собою и что высокое развитіе одной изъ нихъ не всегда совпадаетъ съ такимъ же развитіемъ другой въ единичныхъ случаяхъ,—объ этомъ нѣтъ спора, и останавливаться на этой очевидной истинѣ не было бы никакого интереса. Всѣ согласны, что мало-образованный праведникъ безъ сравненія лучше высоко-культурнаго негодяя, какъ драгоцѣнный камень есть предметъ гораздо болѣе желательный, нежели человѣческій палецъ, пораженный гангреной; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы образованность вообще была не нужна, и чтобы неорганическое вещество было вообще нѣчто лучшее, нежели тѣла органическія. Конечно, камень имѣетъ передъ человѣкомъ то преимущество, что не можетъ заболѣвать и не нуждается въ медицинѣ.

Противники культуры, воображающіе, что существованіе необразованныхъ праведниковъ доказываетъ что-нибудь въ пользу ихъ мнѣнія, закрываютъ глаза на то, что мы имѣемъ здѣсь примѣры необразованности лишь весьма относительной. Но именно рѣшающее значеніе имѣетъ здѣсь вопросъ: могли ли бы даже такіе праведники появиться въ средѣ безусловно-дикой? Могъ ли бы, напримѣръ, пресловутый Акимычъ изъ „Власти тьмы“ явиться среди каннибаловъ, и если бы даже явился, то не былъ ли бы онъ ими немедленно съѣденъ, такъ что его мудрость осталась бы совершенно безполезной для публики русскихъ театровъ? Отчего историческій Будда проповѣдывалъ свое ученіе не полудикимъ арьямъ, для которыхъ коровье масло было высшимъ благомъ, а жителямъ культурныхъ индійскихъ государствъ? Отчего самъ Богочеловѣкъ могъ родиться только тогда, когда настала „полнота временъ“? Отчего Онъ явился лишь въ VIII-мъ вѣкѣ послѣ основанія вѣчнаго *города*, въ предѣлахъ великаго римскаго *государства*, среди *культурнаго* населенія Галилеи и Іерусалима? Когда твердятъ общее мѣсто о „галилейскихъ рыба-

кахъ“, то забываютъ, во-первыхъ, что „паче всѣхъ потрудился“ для христіанства (какъ по сознанію самой церкви, такъ и по сознанію ея враговъ) ученый книжникъ и образованный римскій гражданинъ Павелъ, ссылавшійся на эллинскихъ поэтовъ и на римскіе законы; во-вторыхъ, и рыбаки-апостолы вовсе не были дикарями и невѣждами, а были воспитаны на Книгѣ Законовъ и Пророковъ; и, наконецъ, въ-третьихъ, для исполненія своего дѣла они должны были еще научиться писать по-гречески.

III.

Если величайшіе представители умственной и эстетической образованности—греки, называя государство „городомъ“, выдвигали на первый планъ создаваемую городомъ культуру, то люди практическаго характера—римляне—ставили выше всего другую сторону государства, именно его задачу объединять людей для *общаго дѣла*, или осуществлять ихъ солидарность въ этомъ дѣлѣ. Для нихъ государство было—res publica, т.-е. общее, или всенародное дѣло. Опредѣляя государство такимъ образомъ, римляне придавали ему вмѣстѣ съ тѣмъ безусловное значеніе, видѣли въ немъ верховное начало жизни; обезпеченность общаго дѣла, охраненіе общественнаго цѣлаго отъ распаденія есть высшій интересъ, которому все прочее должно неограниченно подчиняться: salus reipublicae suprema lex.

Въ римскомъ понятіи государства какъ общаго дѣла, какъ воплощенія человѣческой солидарности, нравственный его характеръ выражается, конечно, болѣе прямымъ и тѣснымъ образомъ, нежели въ греческомъ понятіи культурнаго гражданства. Если типическій высококультурный аѳинянинъ, или коринѳянинъ, могъ быть съ моральной стороны негодяемъ, если названіе сибаритъ (гражданинъ Сибариса) стало нарицательнымъ именемъ для людей изысканно-эгоистическихъ и распущенныхъ, то типическій гражданинъ въ римскомъ смыслѣ, т.-е. человѣкъ, ставящій выше всего благо отечества и для его сохраненія всегда готовый пожертвовать своею жизнью и всѣми своими частными привязанностями, никакъ уже не можетъ быть названъ человѣкомъ безнравственнымъ. Не даромъ римская доблесть вошла въ поговорку, и никому не придетъ въ голову сказать про человѣка нравственно-негоднаго: вотъ настоящій римлянинъ! Это имя вызываетъ не-

раздѣльное представленіе о человѣкѣ, во-первыхъ, доблестномъ, или нравственно-сильномъ, затѣмъ о законникѣ и, наконецъ, о государственникѣ—наглядное доказательство тѣсной связи между нравственностью, правомъ и государствомъ.

IV.

Государство, какъ дѣйствительное историческое воплощеніе людской солидарности, есть реальное условіе общечеловѣческаго дѣла, т.-е. осуществленія добра въ мірѣ. Этотъ реально-нравственный характеръ государства, подчеркнутый практическимъ духомъ римлянъ, не означаетъ, однако, что оно само, какъ думали римляне, уже есть безусловное начало нравственности, высшая цѣль жизни, верховное добро и благо. Ошибочность такого взгляда, обоготворявшаго государство, проявилась наглядно въ исторіи, когда выступило дѣйствительно безусловное начало нравственности въ христіанствѣ. Римскія власти должны были преслѣдовать новое ученіе не изъ религіозной исключительности, или фанатизма, отъ которыхъ онѣ вообще были свободны, а прямо въ силу римской политической идеи, того государственнаго абсолютизма, который, оставаясь самимъ собою, не могъ признать вмѣстѣ съ собою другое въ какомъ бы то ни было смыслѣ высшее начало. Съ своей стороны, христіанство никогда не отрицало государственной организаціи и нравственной обязанности подчиненія властямъ, какъ необходимому орудію промысла Божія; но, отводя, такимъ образомъ, государству должное мѣсто, христіане неизбѣжно сталкивались съ римскою идеей, обоготворявшею государство, т.-е. ставившею его на недолжное мѣсто. Столкновеніе должно было произойти, несмотря на искреннее желаніе христіанъ быть добрыми гражданами и подчиняться государству въ его сферѣ. Внутреннее преимущество христіанства, въ силу котораго оно должно было восторжествовать даже съ чисто-человѣческой точки зрѣнія состояло въ томъ, что оно было шире, великодушнѣе своего противника, что оно могло, оставаясь себѣ вѣрнымъ, признать за государствомъ право на существованіе, и даже на верховное владычество въ мірской области, оно отдавало ему должное въ полной мѣрѣ, оно было справедливо; тогда какъ римскимъ властямъ поневолѣ приходилось отказывать христіанству въ томъ, что принадлежало ему по праву, именно въ значеніи его какъ

высшаго безусловнаго начала жизни. Побѣда осталась за болѣе широкою, гуманною, прогрессивною стороною, и съ тѣхъ поръ, каковы бы ни были историческія перемѣны, дѣйствительное возвращеніе къ римскому государственному абсолютизму есть дѣло невозможное.

На его мѣсто выступили въ средніе вѣка двѣ новыя политическія идеи общаго значенія: западно-европейская и византійская. Въ первой изъ нихъ, прошедшей множество фазисовъ развитія,—отъ феодальнаго королевства до современной французской или американской республики (съ временными и непрочными реакціями въ сторону абсолютизма),—подчеркивается въ особенности *относительный* характеръ государства. На всѣхъ главныхъ европейскихъ языкахъ понятіе государства обозначается словами, происшедшими отъ латинскаго слова status (которое, однако, самими римлянами *не* употреблялось въ этомъ смыслѣ): état, estado, Staat, state и т. д. Status значитъ *состояніе*, и, называя такъ государство, европейскіе народы видятъ въ немъ только относительное состояніе, результатъ взаимодѣйствія различныхъ соціальныхъ силъ и элементовъ. Такъ было въ средніе вѣка, когда государство въ Европѣ представляло собою лишь равнодѣйствующую враждебныхъ силъ и элементовъ: центральной королевской власти, духовенства, феодальныхъ владѣтелей и городскихъ общинъ; то же самое и теперь, когда это государство есть лишь равнодѣйствующая противоборствующихъ классовыхъ и партійныхъ интересовъ. Отличительный характеръ европейской цивилизаціи (впервые отчетливо указанный въ извѣстномъ сочиненіи Гизо),—именно сложный ея составъ изъ элементовъ не только разнородныхъ, но и приблизительно равносильныхъ, самостоятельныхъ, способныхъ и желающихъ постоять за себя.—опредѣлилъ и общій характеръ западнаго государства на всемъ протяженіи средней и новой исторіи.

Общее благо требуетъ, чтобы борьба противныхъ силъ не переходила въ непрерывное насиліе, чтобы онѣ были по возможности мирно уравновѣшиваемы, по общему согласію,—молчаливому, или же прямо выраженному въ договорѣ. Въ этомъ и состоитъ основной формальный смыслъ государства, именно его правовое значеніе. Право по самой идеѣ своей есть равновѣсіе частной свободы и общаго блага. Конкретное выраженіе, или воплощеніе этого равновѣсія со всѣми условіями, необходимыми для его осуществленія, и есть государство.

Но это воплощаемое въ государствѣ равновѣсіе противоборствующихъ силъ и интересовъ не есть постоянное, оно подвижно и измѣнчиво: измѣняются самыя силы дѣйствующія, измѣняется ихъ взаимоотношеніе, измѣняются, наконецъ, и самые способы ихъ государственнаго уравновѣшенія. Чѣмъ же опредѣляются эти измѣненія? Если правовыя отношенія совершенствуются по существу, становятся болѣе справедливыми, болѣе человѣчными, то спрашивается: какая сила управляетъ этимъ совершенствованіемъ? Полнота правовыхъ дѣятелей есть государство—но государство, по западному понятію о немъ, само есть только выраженіе даннаго правового состоянія,—и ничего болѣе. Итакъ, нужно или признать, что прогрессъ права и связанное съ нимъ усовершенствованіе человѣчества не только происходило и происходитъ, но и всегда будетъ происходить *само собою*, какъ физическій процессъ, причемъ теряется всякая увѣренность, что этотъ процессъ будетъ вести къ лучшему; или же нужно признать западно-европейское понятіе государства недостаточнымъ и искать другого.

V.

Византійская политическая идея характеризуется тѣмъ, что признаетъ въ государствѣ *сверхправовое* начало, которое, *не будучи произведеніемъ данныхъ правовыхъ отношеній, можетъ и призвано самостоятельно измѣнять ихъ согласно требованіямъ высшей правды.* Эта идея до новѣйшаго времени не была чужда и западной Европѣ, но здѣсь она была лишь собственно тенденціею одного изъ политическихъ элементовъ, наряду съ другими боровшагося за преобладаніе—именно королевской власти. Торжество этого элемента надъ другими было лишь временно и неполно, и въ настоящее время идея абсолютной монархіи никакихъ корней въ жизни и сознаніи западно-европейскихъ народовъ не имѣетъ.

Въ Византіи хотя идея абсолютной монархіи или христіанскаго царства утверждалась въ отвлеченной формѣ, но не могла получить надлежащаго развитія ни въ сознаніи, ни въ жизни „ромеевъ“, надъ которыми слишкомъ еще тяготѣли преданія римскаго государственнаго абсолютизма, лишь поверхностно украшеннаго христіанскою внѣшностью. Между тѣмъ по существу дѣла эти двѣ идеи не только не тождественны, но въ извѣстномъ отно-

шеніи находятся другъ съ другомъ въ прямомъ противорѣчіи. По римской идеѣ государство, какъ высшая форма жизни, есть все, оно само по себѣ есть цѣль, и когда вся полнота государственной власти—вся res publica—сосредоточилась въ единомъ императорѣ, то онъ помимо всякой лести и рабскихъ чувствъ, а въ силу самой идеи былъ признанъ обладателемъ божественнаго достоинства, или человѣкобогомъ. Апоееозъ императоровъ составлялъ, безъ сомнѣнія, самую существенную и самую искреннюю часть римской религіи того времени. У этой религіи была своя терминологія, которая въ значительной степени перешла и въ Византію. И здѣсь все, касавшееся монарха, или все отъ него исходившее (напр., письма, указы) называлось святымъ или священнымъ. При всемъ томъ съ религіею Богочеловѣка не могла совмѣщаться идея человѣкобога. Въ христіанской Византіи императорская власть могла почитаться священною лишь какъ особое служеніе истинному Богу. Христосъ, передъ своимъ отшествіемъ изъ области видимаго міра, сказалъ ученикамъ Своимъ: „дана Мнѣ *всякая* власть на небѣ и на землѣ“ (Матѳ. XXVIII). Слѣдовательно, съ христіанской точки зрѣнія, власть императора могла пониматься только какъ *делегація* власти Христовой, или порученіе отъ Христа управлять „вселенною“ (οἰκουμένη), какъ эти преемники римлянъ называли свою имперію. Этимъ понятіемъ государственной власти, какъ делегаціи свыше, устраняется въ принципѣ возможность личнаго произвола, и утверждается верховенство безусловнаго нравственнаго идеала. Ясно, что порученіе должно исполняться въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно дано, или въ духѣ и въ интересѣ довѣрителя. Что соотвѣтствуетъ духу Христа, что должно быть, при данныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, сдѣлано въ Его интересѣ,—это для христіанина рѣшается его совѣстью съ достаточною опредѣленностью, и этому рѣшенію личной совѣсти принадлежитъ окончательное значеніе въ управленіи государствомъ, согласно христіанской идеѣ. Это есть то новое, что внесено христіанствомъ въ область политическую. Восточный деспотъ ограниченъ неподвижными традиціонными учрежденіями и полновластенъ только въ удовлетвореніи своихъ страстей. Римскій императоръ знаетъ только физическія границы своему произволу; не отвѣчая передъ людьми, онъ не отвѣчаетъ и передъ Богомъ, ибо самъ есть богъ, хотя довольно жалкій. Въ противоположность тому и другому представленію, христіанская монархія есть *самодержавіе совѣсти*. Носитель вер-

ховной власти, порученной ему отъ Бога правды и милости, не подлежитъ никакимъ ограниченіямъ, кромѣ нравственныхъ; онъ можетъ все, что согласно съ совѣстью, и не долженъ ничего, что ей противно.

Онъ не долженъ зависѣть отъ „общественнаго мнѣнія“, потому что общественное мнѣніе можетъ быть ложнымъ; онъ не есть слуга народной воли, потому что воля народа можетъ быть безнравственной; онъ не представитель страны, потому что страна можетъ быть поглощена мертвымъ моремъ. Онъ поставленъ выше всего этого,—онъ есть подчиненный, служитель и представитель только того, что по существу не можетъ быть дурнымъ—воли Божіей, и величіе такого положенія равно только величію его отвѣтственности.

VI.

Поступать по совѣсти и только по совѣсти есть право и обязанность всякаго человѣка, и въ этомъ смыслѣ *всякій человѣкъ есть нравственный самодержецъ*. Различіе между людьми не въ нравственномъ началѣ ихъ жизни и ихъ дѣйствій—это начало для всѣхъ одно и то же,—а только въ объемѣ, условіяхъ и способахъ примѣненія этого начала. Особая задача верховной государственной власти опредѣляется ея положеніемъ какъ посредствующаго дѣятеля между безусловнымъ нравственнымъ идеаломъ и данною правовою организаціей общества. Право есть, какъ мы знаемъ, равновѣсіе частнаго и общаго интереса. Но обѣ стороны заинтересованы не только въ поддержаніи своего существованія, или въ *сохраненіи* даннаго общественнаго состоянія, но и въ его *усовершенствованіи*. Право есть условное осуществленіе нравственнаго начала въ данной общественной средѣ. Какъ условное, оно несовершенно; но какъ осуществленіе нравственнаго начала, которое само по себѣ безусловно, оно подлежитъ совершенствованію. Положительные законы, управляющіе жизнью общества, должны становиться все болѣе и болѣе сообразными закону нравственному, т.-е. все болѣе и болѣе справедливыми и человѣколюбивыми, какъ сами по себѣ, такъ и въ своемъ примѣненіи.

Чтобы этотъ прогрессъ правового состоянія въ нравственномъ смыслѣ или преобразованіе общественныхъ отношеній въ направ-

леніи къ общественному идеалу было и успѣшно, и достойно своей цѣли, оно должно быть дѣломъ человѣческой свободы и вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть предоставлено произволу частныхъ людей. Поэтому необходима делегація божественной власти христіанскому самодержцу съ его безусловною свободою и безусловною отвѣтственностью.

Но при настоящемъ состояніи человѣчества, раздѣленнаго на многія независимыя государства, задача верховной государственной власти не можетъ ограничиваться охраненіемъ и усовершенствованіемъ правовыхъ отношеній внутри даннаго общественнаго цѣлаго,—она необходимо распространяется и на взаимодѣйствіе отдѣльныхъ государствъ. Здѣсь она состоитъ въ томъ, чтобы примѣнять нравственное начало и къ международнымъ отношеніямъ, измѣнять и ихъ въ смыслѣ большей справедливости и человѣколюбія. Делегація христіанскаго самодержца относится, конечно, и къ этому историческому дѣланію. И здѣсь онъ есть служитель правды Божіей и долженъ дѣлать то, что при данныхъ условіяхъ наиболѣе способствуетъ окончательному объединенію всего міра въ духѣ Христовомъ.

VII.

Если отъ этой идеи христіанскаго самодержавія, вытекающей изъ существа дѣла, мы обратимся къ ея исполненію въ византійской имперіи, то должны будемъ признать это исполненіе крайне недостаточнымъ. Дѣятельность императоровъ была главнымъ образомъ троякая: законодательная, военная и религіозная. Издававшіеся ими законы имѣли цѣлью охранять и упрочивать унаслѣдованный ими отъ Рима государственный и общественный строй, несмотря на языческую основу этого строя; рабство осталось неотмѣненнымъ, а варварскія казни дѣйствительныхъ и мнимыхъ преступниковъ были еще усилены. Въ войнахъ своихъ, которыя велись все съ большею и большею жестокостью и все съ меньшимъ и меньшимъ успѣхомъ, императоры старались охранять границы христіанскаго міра, особенно съ восточной стороны, сначала противъ языческихъ персовъ, а потомъ противъ мусульманства. Насколько эти войны уберегли сѣмена христіанской религіи отъ внѣшняго истребленія въ передней Азіи и на Балканскомъ полуостровѣ—онѣ составляютъ, конечно, историческую за-

слугу византійской имперіи; другая большая ея международная заслуга состоитъ въ передачѣ христіанства Россіи. Собственно религіозная дѣятельность императоровъ, кромѣ похвальныхъ примѣровъ личнаго благочестія, имѣла въ общемъ цѣль далеко не похвальную: приспособить по возможности христіанскую истину къ внѣшнимъ потребностямъ и временнымъ нуждамъ полу-языческаго государства; отсюда, между прочимъ, покровительство ради мнимой государственной пользы различнымъ ересямъ, частію собственнаго сочиненія, каковы монофелитство и иконоборчество.

Дѣло историковъ — оцѣнивать отдѣльныя заслуги „второго Рима“ и находить смягчающія обстоятельства для его грѣховъ. Въ окончательномъ сужденіи должно сказать, что Византія не исполнила своего историческаго призванія. Во внутренней политикѣ она слишкомъ охраняла полу-языческое statu quo, не думая о христіанскомъ усовершенствованіи общественной жизни, вообще же подчиняла все внѣшнему интересу военной защиты. Но именно вслѣдствіе этихъ односторонникъ заботъ она потеряла внутреннюю причину своего бытія, а потому не могла исполнить и внѣшней своей задачи и погибла печальнымъ образомъ...

Владиміръ Соловьевъ.

Изъ воспоминаній.

Аксаковы.

„Недѣля“. 1901. Январь.

I.

Вспоминается мнѣ большой, просторный домъ,—барскій оазисъ среди купеческаго Замоскворѣчья—противъ Николы, что̀ въ Толмачахъ, близь Ордынки...

— Сегодня у насъ вечеръ съ *большими:* дядя Юша и Анна Ѳедоровна Аксакова хотятъ тебя смотрѣть; они теперь внизу у бабушки, и будутъ подниматься не вмѣстѣ, чтобы не запугать сразу.

„Дядю Юшу“, т.-е. знаменитаго славянофила Юрія Ѳедоровича Самарина, а также и племянника, гр. Ѳедора Львовича Соллогуба—самаго своеобразнаго и привлекательнаго изо всѣхъ людей, какихъ я только зналъ, нужно будетъ когда-нибудь помянуть особо, а теперь я хочу только записать, что осталось въ памяти объ Аксаковыхъ—Аннѣ Ѳедоровнѣ и Иванѣ Сергѣевичѣ.

Вижу, входитъ мать моего пріятеля, графиня Марія Ѳедоровна Соллогубъ (рожденная Самарина) и съ нею дама лѣтъ 45, невысокаго роста, полная и плотная, съ очень некрасивымъ, но оригинальнымъ лицомъ, и очевидно давно оставившая всякое притязаніе (если только когда-нибудь его имѣла) быть женщиной въ специфическомъ свѣтскомъ смыслѣ этого слова. Желаніе Анны Ѳедоровны Аксаковой и другихъ лицъ „смотрѣть“ меня объясняется нѣкоторымъ шумомъ, донесшимся въ Москву изъ Петербурга, гдѣ я нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ началъ свое поприще магистерскимъ диспутомъ въ университетѣ. Моя юноше-

ская диссертація, а также вступительная рѣчь на диспутѣ, рѣзко шли противъ господствовавшаго у насъ въ то время позитивистическаго теченія, и доставивши мнѣ succès de scandale въ большой публикѣ и у молодежи, вмѣстѣ съ тѣмъ обратили на себя вниманіе „старшихъ“: Каткова, Кавелина, и особенно послѣднихъ представителей коренного славянофильства, къ которому въ нѣкоторыхъ пунктахъ примыкали мои воззрѣнія, хотя и незрѣлыя, но достаточно опредѣленныя въ главномъ. Анна Ѳедоровна начала разговоръ по-русски съ очень сильнымъ иностраннымъ произношеніемъ и скоро перешла на безукоризненный французскій языкъ. Дочь нашего великаго лирика Ѳ. И. Тютчева, по матери нѣмка, она воспитывалась въ Германіи, а затѣмъ большую часть жизни провела при дворѣ покойной императрицы Маріи Александровны, гдѣ русскій языкъ еще не былъ въ большомъ употребленіи. Впрочемъ, она его основательно знала, очень хорошо на немъ писала и могла говорить грамматически-правильно, но только съ рѣзкимъ нѣмецкомъ акцентомъ; она прекрасно знала также церковно-славянскій языкъ и была начитана въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ.

Темою перваго разговора послужила, конечно, моя диссертація и ея главное содержаніе—критика философіи Шопенгауэра и недавно выступившаго тогда Гартмана. Моя собесѣдница съ большимъ жаромъ напала на самое понятіе *безсознательнаго* духа.

— Бываютъ душевныя состоянія, несознаваемыя нами, т.-е., мы не всегда сознаемъ ясно, что дѣлается въ нашей душѣ, и пожалуй, это можно называть безсознательностью души, но какой смыслъ имѣетъ безсознательный духъ, когда духомъ называется то, что владѣетъ собою и, слѣдовательно, имѣетъ самосознаніе?

Я замѣтилъ, что слово Geist употреблялось въ различныхъ значеніяхъ и что у старшихъ писателей оно относилось не къ высшему, а къ среднему началу нашей жизни, связывающему психическое существо съ физическимъ, — Geist=Gas — какъ и у французовъ въ старину les esprits animaux означали что-то полуматерьяльное, посредствующее между душою и тѣломъ.

— Да, но вѣдь Гартманъ—не старинный писатель, и терминологія у него теперешняя, а при этомъ вся его метафизика, основанная на духовномъ, но безсознательномъ началѣ, есть безсмыслица (n'est qu'un contresens).

Впослѣдствіи я встрѣчалъ многихъ дамъ, разсуждающихъ о

философскихъ предметахъ; иныя предлагали мнѣ на этотъ счетъ свои собственныя мысли, рѣшительно превышавшія мое разумѣніе, другія болѣе настаивали на требованіи, чтобы я сказалъ имъ въ двухъ словахъ безусловную истину—la vérité absolue. Но женщина, разсуждающая о такихъ вещахъ толково и съ знаніемъ дѣла, есть величайшая рѣдкость. Съ этой стороны я сразу оцѣнилъ Анну Ѳедоровну и пожелалъ продолжать знакомство. Въ ближайшее воскресенье я отправился на Спиридоновку—кажется, тамъ жили тогда Аксаковы—и засталъ дома обоихъ хозяевъ. Скоро потомъ я поѣхалъ за-границу, потомъ оставилъ Московскій университетъ и переселился въ Петербургъ. Но часто и подолгу бывая въ Москвѣ, посѣщалъ и Аксаковыхъ, у которыхъ собирались по пятницамъ разные люди, болѣе или менѣе примыкавшіе къ Славянскому Комитету, гдѣ предсѣдательствовалъ тогда Иванъ Сергѣевичъ. Не всѣ элементы этихъ вечернихъ собраній были одинаково пріятны; нѣкоторыми тяготилась и сама хозяйка. Мнѣ было интереснѣе видаться съ Аксаковыми безъ гостей; я полюбилъ и мужа и жену, хотя съ нею мнѣ было болѣе по себѣ, между прочимъ, потому, что въ Иванѣ Сергѣевичѣ, при всѣхъ его серьезныхъ достоинствахъ, было всегда что-то условное, былъ какой-то традиціонный панцырь, стягивавшій и закрывавшій его прекрасную душу. У него не было того, что французы называютъ abandon. У жены его въ этомъ не было недостатка. Унаслѣдовавъ отъ своего отца живой и тонкій умъ при высокомъ строѣ мыслей и при большой чуткости ко всему хорошему, она соединяла съ этимъ недоставшую ея отцу силу характера, германское прямодушіе и серьезную добросовѣстность во всѣхъ нравственныхъ вопросахъ—den sittlichen Ernst. Это, вѣроятно, пришло къ ней съ материнской стороны. Но другого свойства она не унаслѣдовала отъ матери, которая, по ея разсказамъ, была воплощенною кротостью, чего ужъ никогда нельзя было сказать про саму Анну Ѳедоровну. При большой сердечной добротѣ она менѣе всего была похожа на овечку. Я никогда въ жизни не видалъ болѣе раздражительнаго, рѣзкаго и вспыльчиваго существа. Она не сердилась, а какъ-то вдругъ вся загоралась и начинала „бросать огонь и пламя“, по французскому выраженію. Иногда это происходило по совершеннымъ пустякамъ, но большею частью въ основѣ здѣсь лежало нравственное негодованіе. Потому что Анна Ѳедоровна была полна нравственной брезгливости, которую вообще нисколько не скрывала, а при

всякомъ замѣтномъ поводѣ эта брезгливость выражалась въ яростныхъ вспышкахъ.

Дочь и жена славянофиловъ Анна Ѳедоровна очень своеобразно относилась къ славянофильству. Западные и южные славяне вызывали въ ней глубокое презрѣніе и отвращеніе. Правда, она ихъ знала лишь по тѣмъ образчикамъ, которые она могла видѣть въ Славянскомъ Комитетѣ и въ кабинетѣ своего мужа, гдѣ ихъ понятіе о славянской взаимности принимало нѣсколько узкую форму, всецѣло сосредоточиваясь на испрашиваніи и полученіи денежныхъ пособій. Не съ такимъ отвращеніемъ и брезгливостью, но всетаки презрительно относилась она къ русскому простонародью, которое обвиняла въ неисправимомъ мошенничествѣ и лживости. Конечно, и тутъ отрицательная оцѣнка выростала на почвѣ личнаго опыта — съ русскою прислугою. Самой умной женщинѣ легче понять даже отвлеченныя философскія идеи, нежели въ предметахъ жизненнаго интереса отдѣлить общее сужденіе отъ единичныхъ конкретныхъ впечатлѣній.

Когда случалось Аннѣ Ѳедоровнѣ разсказывать въ присутствіи мужа о какомъ-нибудь подвигѣ довѣреннаго домочадца, она обобщала разсказъ слѣдующимъ, напримѣръ, образомъ: „Нашъ такой-то, какъ неиспорченное дитя того „святого“ русскаго народа, которому поклоняется Иванъ Сергѣевичъ,—конечно, долженъ былъ произвести такое-то мошенничество.“—„Ну, что-жъ, этакъ и я, какъ русскій, долженъ быть мошенникомъ?“—проворчитъ, бывало, Иванъ Сергѣевичъ.—„Нѣтъ, ты не долженъ, потому-что ты испорченъ европейскимъ образованіемъ, которое тебя научило, что народная святость не освобождаетъ отъ личной честности.“ На это Иванъ Сергѣевичъ ничего не возражалъ. Такъ-же былъ онъ уступчивъ и при „генеральныхъ аттакахъ“ своей жены противъ славянофильства, какимъ я бывалъ свидѣтелемъ. Вотъ одна изъ самыхъ типичныхъ.

II.

Разговоръ, какъ всегда, шелъ по-французски. Я перевожу, хорошо помня главныя фразы.

— Ну, что собственно дало твое славянофильство русскому обществу? Чѣмъ было полезно? какіе его результаты? Я вижу только одинъ: что въ обществѣ перестаютъ читать и говорить

на иностранныхъ языкахъ. Но вѣдь это оглупѣніе и одичаніе! Это бросается въ глаза! Сравни только общество, которое мы знали двадцать лѣтъ назадъ, съ теперешнимъ!

Иванъ Сергѣевичъ пытается возражать: развѣ славянофильство виновато въ томъ, что теперь нѣтъ больше такихъ людей, какъ, напримѣръ, твой отецъ, или Хомяковъ?

— Ты самъ себя опровергаешь, кричитъ Анна Ѳедоровна, разгораясь:—мой отецъ и Хомяковъ были прежде всего люди европейски образованные, и если это было нужно для нихъ, то тѣмъ болѣе нужно для теперешнихъ, которые безъ помощи культуры совсѣмъ пропадутъ, сдѣлаются такими-же животными (brutes), какъ твои возлюбленные мужики.

Иванъ Сергѣевичъ кротко и безъ одушевленія возражаетъ, что значеніе Хомякова и Тютчева зависитъ не отъ ихъ образованности, а отъ ихъ русскихъ убѣжденій.

— Неправда, неправда! прерываетъ его Анна Ѳедоровна,— никакихъ русскихъ убѣжденій нѣтъ, а есть только русская дикость. Ты самъ, если имѣешь какое-нибудь достоинство (quelque valeur), то не потому, что ты русскій, а лишь потому, что ты только на половину русскій. Все, что въ тебѣ есть хорошаго, происходитъ отъ твоей татарской крови и отъ твоего нѣмецкаго образованія! А теперь вотъ нашимъ болванамъ вмѣсто того, чтобы ихъ сколько нибудь очеловѣчивать, внушаютъ, что они и такъ хороши, что имъ нужно оставаться только русскими, что Европа намъ совсѣмъ ни къ чему, что у насъ съ нею нѣтъ ничего общаго! Этого, я думаю, ни мой отецъ, ни Хомяковъ не предусматривали. Но вотъ къ какимъ отвратительнымъ глупостямъ привело ваше славянофильство. Послушайте, что теперь пишутъ и читаютъ!..

Анна Ѳедоровна быстро беретъ съ сосѣдняго стола извѣстную тогда лишь въ славянофильскихъ кругахъ, но потомъ довольно популярную книгу крайне національстическаго направленія и начинаетъ ее гнѣвно перелистовать; но негодованіе мѣшаетъ ей найти нужное мѣсто, и она съ шумомъ бросаетъ книгу.

— И какая глупая, ребяческая вѣра въ пустыя слова! Вы думаете, что образованіе перестаетъ быть образованіемъ оттого, что вы назовете его „европейничаньемъ“! Какъ-будто существуетъ еще какая-то другая образованность, другая наука кромѣ европейской! Если у васъ есть свое, не европейское, покажите поскорѣй. А если ваша самобытная русская образованность состоитъ только въ

томъ, чтобы бранить Европу, то я вамъ скажу, что это только надувательство и преступленіе противъ отечества. Когда вы говорите русскимъ: „не европейничайте, будьте только русскими“—это на самомъ дѣлѣ значитъ: „откажитесь отъ образованія, останьтесь съ вашимъ самодовольнымъ невѣжествомъ, т.-е. подъ предлосомъ самобытности подражайте китайцамъ!“ Нѣтъ, ты мнѣ скажи, пожалуйста: почему подражать нѣмцамъ или англичанамъ—дурно, а подражать китайцамъ—хорошо?

Но Иванъ Сергѣевичъ прямого отвѣта не давалъ, а лишь кротко улыбался и издавалъ нечленораздѣльные, но умиротворительные звуки, средніе между тихимъ мычаньемъ и легкимъ скрипомъ.

Я могъ передать, разумѣется, хотя вѣрно, но лишь въ сухомъ скелетѣ, живыя и остроумныя выходки Анны Ѳедоровны, которыя меня и интересовали, и забавляли, хотя я и не раздѣлялъ тогда ея точки зрѣнія, потому что самъ былъ отчасти жертвою того, что она называла въ гнѣвѣ „надувательствомъ“ и что въ дѣйствительности было искреннимъ увлеченіемъ умовъ, невольно поддавшихся стихійной силѣ національнаго самолюбія и самомнѣнія.

Что касается до Ивана Сергѣевича, то, зная, что и онъ человѣкъ очень вспыльчивый и съ довольно развитымъ знакомъ „de la combativité“, или „холмомъ Марса“ на рукѣ, я всегда удивлялся невозмутимому благодушію, съ которымъ онъ принималъ всѣ громы своей супруги. Мысленно я называлъ его за это „добропобѣднымъ мученикомъ“.

Должно сказать, что Анна Ѳедоровна громила своего мужа только въ глаза; въ отсутствіе же его она говорила о немъ такъ, какъ только самая любящая и благородно-самолюбивая жена можетъ говорить о своемъ мужѣ.

— Иванъ Сергѣевичъ человѣкъ идеальный; его славянофильская публицистика есть съ его стороны какой-то подвигъ смиренія; конечно, при всей антипатичности этихъ славянъ, его дѣятельность имѣетъ большое историческое значеніе; но я увѣрена, что по своимъ умственнымъ и нравственнымъ силамъ онъ былъ бы способенъ къ дѣлу гораздо болѣе великому.

Отношеніе Анны Ѳедоровны къ дѣятельности мужа мѣнялось до нѣкоторой степени. Въ годы сербской и русско-турецкой войны она была увлечена и гордилась быстро выросшимъ значеніемъ и популярностью Ивана Сергѣевича. Но роль публициста, „газет-

чика“, казалась ей рѣшительно ниже его достоинства. Если ему загражденa дѣятельность государственнаго человѣка, то онъ долженъ уединиться и посвятить себя большому капитальному сочиненію о Россіи. о православіи и всѣхъ высшихъ вопросахъ,—труду, который-бы „остался“ и увѣковѣчилъ его имя. А онъ, вмѣсто этого, размѣниваетъ свои силы на еженедѣльные печатные разговоры о текущихъ дѣлахъ.

Когда умеръ Иванъ Сергѣвичъ, съ Анной Ѳедоровною произошелъ переворотъ. Всякая тѣнь критическаго отношенія къ мыслямъ и дѣламъ покойнаго исчезла окончательно. Она приняла два рѣшенія, въ которыхъ видѣла свой нравственный долгъ: во-первыхъ, стать настоящею славянофилкою; а во-вторыхъ, собрать и издать все оставшееся отъ мужа. Вторую задачу она исполнила съ поразительнымъ, почти сверхъестественнымъ успѣхомъ. Въ три года (1886—1889) она, больная, приговоренная къ смерти, не только собираетъ изъ ряда журналовъ, группируетъ по предметамъ и издаетъ множество статей, составившихъ семь толстѣйшихъ томовъ, но еще въ то же время разбираетъ всю обширную переписку покойнаго, приготовляетъ ее къ печати и начинаетъ печатать.

Первая задача—стать славянофилкою—оказалась труднѣе. Съ наивностью, трогательной въ такой женщинѣ, она говорила мнѣ:

— Я всячески стараюсь усвоить всѣ идеи и взгляды Ивана Сергѣевича—это теперь мой долгъ и самое горячее желаніе моего сердца. И я достигла нѣкоторыхъ успѣховъ. Но есть вещи, которыя все еще никакъ въ меня не вмѣщаются. Во-первыхъ, его странное обожаніе русскаго народа,—я уже не говорю о другихъ славянахъ,—а потомъ государственный принципъ славянофильства, который мнѣ никакъ не удается согласовать съ здравымъ смысломъ. Это самое большое мое огорченіе.

Другое, меньшее, но все-таки серьезное, повидимому, огорченіе причинялъ ей я. Объ этомъ послѣ. А теперь я долженъ сказать о томъ, что, кромѣ глубокаго и горячаго личнаго чувства, связывало Анну Ѳедоровну съ ея мужемъ и при жизни, и послѣ его смерти, и въ чемъ она безъ усилія могла примыкать къ славянофильству.

Это была ея искренняя и восторженная любовь къ православію, или собственно къ православному богослуженію. Въ этомъ она всегда сходилась съ Иваномъ Сергѣевичемъ, хотя характеръ ихъ религіозности былъ различный. Иванъ Сергѣевичъ былъ, во-

первыхъ, привязанъ къ православію, какъ къ вѣрѣ отцовъ, какъ къ родовой святынѣ, съ дѣтства осѣняющей русскаго человѣка.

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный,
Звонятъ ко всенощной,
Къ молитвѣ благостной...

. . . . . .

Заутра праздникъ, вѣщій день
Ильи, гремящаго пророка...

А затѣмъ онъ преклонялся въ православіи передъ самымъ чистымъ и полнымъ, по его убѣжденію, выраженіемъ нравственнаго принципа, жизненной нормы.

Анна же Ѳедоровна брала православіе съ его мистической и эстетической стороны, которыя сливались въ богослуженіи. Вѣрой, переданной отъ отцовъ, или святыней дѣтства православіе для нея собственно не было: родилась она въ Германіи, отецъ ея, особенно въ молодости, не былъ *практически* религіозенъ, мать была протестантка, а сама она воспитывалась въ католическомъ пансіонѣ. Православіе было для нея религіей *пріобрѣтенной*, какъ отвѣчавшее мистическимъ потребностямъ ея природы. Сверхъестественный міръ былъ для нея реальностью, она на половину жила въ мірѣ вѣщихъ сновъ, пророческихъ видѣній и откровеній. И въ моихъ воспоминаніяхъ Анна Ѳедоровна неизбѣжно вызываетъ память о фактахъ мистическихъ. Пока сообщу только два, имѣющіе особое значеніе...[1])

Владиміръ Соловьевъ.

---

1) На этомъ оканчивается рукопись.

На зарѣ туманной юности...

(Разсказъ.)

„Русская Мысль“. Май. 1892.

Всю эту ночь я провелъ безъ сна. Но больная фантазія не вызывала передо мною, какъ это обыкновенно бываетъ, безсвязныя тѣни былыхъ и небывалыхъ сценъ и событій въ пестрыхъ и неожиданныхъ сочетаніяхъ. Этотъ разъ въ моемъ безсонномъ бредѣ были связь и единство. Все съ большею и большею ясностью вставалъ передо мною непрерывный рядъ подробностей одного давняго и, казалось, совершенно забытаго происшествія. Хотя этотъ случай имѣлъ совершенно ничтожное начало, но конецъ его оставилъ глубокій слѣдъ въ моей внутренней жизни. Я радъ, что болѣзненное воспоминаніе возвратило мнѣ теперь всѣ эти подробности, и спѣшу записать ихъ, пока онѣ передо мною.

I.

Мнѣ было тогда 19 лѣтъ, это было въ концѣ мая, я только что перешелъ на послѣдній курсъ университета и ѣхалъ изъ Москвы въ Харьковъ, гдѣ долженъ былъ имѣть чрезвычайно важное объясненіе съ одною своею кузиной, къ которой я уже давно, мѣсяца три или четыре, питалъ нѣжную и весьма возвышенную любовь. Ради нея я рѣшилъ сдѣлать большой крюкъ, такъ какъ настоящая цѣль моего путешествія находилась въ киргизскихъ степяхъ, гдѣ я намѣревался возстановлять кумысным лѣченіемъ

свой организмъ, сильно разстроенный отъ неумѣреннаго употребленія нѣмецкихъ книгъ.

Я сѣлъ въ вагонъ 2-го класса. Въ другомъ углу того же сквозного вагона помѣстилась молодая бѣлокурая дама въ свѣтло-сѣромъ дорожномъ платьѣ. Она ласково и весело разговаривала съ тремя провожавшими ее мужчинами, и когда поѣздъ тронулся, долго кивала имъ изъ окошка и махала платкомъ.

Между смежными отдѣленіями вагона была только низенькая перегородка, черезъ которую я могъ свободно разглядывать свою vis-à-vis, чѣмъ я и занялся, такъ какъ ничего болѣе интереснаго въ вагонѣ не находилось. Она была небольшого роста, худенькая и очень стройная. Лицо у нея было далеко не красиво, съ неправильнымъ носомъ и широкимъ ртомъ. Но когда она ласково взглядывала своими свѣтлыми глазами, это некрасивое и простое лицо становилось чрезвычайно привлекательнымъ. Не то, чтобы ея взглядъ былъ особенно выразителенъ, но въ немъ было что-то болѣе глубокое, чѣмъ мысль, какой-то тихій свѣтъ безъ огня и блеска. Эти глаза привлекли и заинтересовали меня съ перваго взгляда. Замѣтилъ я также ея густые пепельные волосы. Мнѣ показалось, что и она часто на меня взглядывала съ благосклонною и ободряющею улыбкой, при чемъ я, разумѣется, принималъ мечтательный и разочарованный видъ. Но заговорить я съ нею не рѣшался, отчасти потому, что и неудобно было черезъ перегородку, а еще болѣе потому, что при всемъ своемъ гордомъ видѣ былъ до крайности робокъ, и взглядъ любой женщины могъ произвести во мнѣ замираніе сердца и онѣмѣніе языка.

Къ моей спутницѣ нѣсколько разъ приходила изъ другого вагона пожилая дама, какъ оказалось потомъ, родственница ея мужа, ѣхавшая со своимъ семействомъ въ первомъ классѣ. Онѣ разговаривали, частію по-французски, о житейскихъ дѣлахъ. Изъ этого разговора я могъ узнать только, что онѣ москвички и ѣдутъ въ Крымъ.

II.

Эта дама въ сѣромъ платьѣ рѣшительно мнѣ нравилась. У нея былъ такой тонкій, изящный поворотъ головы, когда она разговаривала, всѣ ея движенія были такъ граціозны и женственны.

— А, все-таки, моя Ольга гораздо лучше, — сказалъ я себѣ

мысленно и, закрывъ глаза, сталъ думать объ Ольгѣ, о предстоящемъ неожиданномъ для нея свиданіи въ Харьковѣ, представлялъ себѣ, какъ она вскрикнетъ, увидя меня, какъ поблѣднѣетъ и даже. можетъ-быть, упадетъ въ обморокъ отъ нечаянной радости, какъ я ее приведу въ чувство и что я ей буду говорить.

Но да не подумаетъ кто-либо, что я ожидалъ обыкновеннаго любовнаго свиданія съ однѣми ласками и нѣжностями. О, нѣтъ, я былъ далекъ отъ такого легкомыслія. Конечно, я допускалъ и элементъ нѣжности, но онъ долженъ былъ составлять только тѣнь картины, главное же дѣло было совсѣмъ въ другомъ. Я хотѣлъ видѣться съ Ольгой для того. чтобы „поставить наши отношенія на почву самоотрицанія воли“. По-истинѣ таково было мое намѣреніе. Я долженъ былъ сказать ей приблизительно слѣдующее:—

„Милая Ольга, я люблю тебя и радъ, что ты любишь меня также. Но я знаю, и ты должна это узнать, что вся жизнь, а, слѣдовательно, и цвѣтъ жизни — любовь, есть только призракъ и обманъ. Мы безумно стремимся къ счастію, но въ дѣйствительности находимъ одно только страданіе. Наша воля вѣчно насъ обманываетъ, заставляя слѣпо гоняться, какъ за высшимъ благомъ и блаженствомъ, за такими предметами, которые сами по себѣ ничего не стоятъ; она-то и есть первое и величайшее зло, отъ котораго намъ нужно освободиться. Для этого мы должны отвергнуть всѣ ея внушенія, подавить всѣ наши личныя стремленія, отречься отъ всѣхъ нашихъ желаній и надеждъ. Если ты, какъ я увѣренъ, способна понять меня, то мы можемъ вмѣстѣ совершить жизненный путь. Но знай, что ты никогда не найдешь со мною такъ называемаго семейнаго счастія, выдуманнаго тупоумными филистерами. Я позналъ истину, и моя цѣль—осуществить ее для другихъ: обличить и разрушить всемірный обманъ. Ты понимаешь, что такая задача не имѣетъ ничего общаго съ удовольствіемъ. Я могу обѣщать тебѣ только тяжелую борьбу и страданіе вдвоемъ.“

Вотъ что̀ я намѣревался сказать хорошенькой семнадцатилѣтней Ольгѣ. Вообще ученіе о совершенной негодности всего существующаго составляло главную тему моихъ разговоровъ съ кузинами, которыхъ у меня было нѣсколько и въ которыхъ я поочередно влюблялся. Зло и ничтожество жизни были, конечно, извѣстны мнѣ отчасти и изъ собственнаго опыта. Я по опыту зналъ, что поцѣлуи кузинъ недолговѣчны и что лишній стаканъ вина причиняетъ головную боль. Но если жизненный мой опытъ и не былъ еще достаточно богатъ, зато я очень много читалъ и еще больше думалъ, и вотъ

годамъ къ восемнадцати я додумался до твердаго убѣжденія, что вся временная жизнь, какъ состоящая единственно только изъ золъ и страданій, должна быть поскорѣе разрушена совершенно и окончательно. Едва успѣлъ я дойти до этого собственнымъ умомъ, какъ мнѣ пришлось убѣдиться, что не я одинъ былъ такого мнѣнія, но что оно весьма обстоятельно развивалось нѣкоторыми знаменитыми нѣмецкими философами. Впрочемъ, я былъ тогда отчасти славянофиломъ и потому хотя допускалъ, что нѣмцы могутъ упразднить вселенную въ теоріи, но практическое исполненіе этой задачи возлагалъ исключительно на русскій народъ, при чемъ въ душѣ я не сомнѣвался, что первый сигналъ къ разрушенію міра будетъ данъ мною самимъ.

III.

Справедливость требуетъ замѣтить, что самоотрицаніе воли и необходимость уничтожить вселенную не составляли еще самой мудреной части того ученія, которое я преподавалъ своимъ счастливымъ кузинамъ. За годъ передъ моею поѣздкой въ Харьковъ, одна изъ нихъ — голубоглазая, но пылкая Лиза, тогдашній предметъ моей страсти — удостоилась въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ быть посвященной въ тайны *трансцендентальнаго идеализма*.

Гуляя съ нею по аллеямъ запущеннаго деревенскаго парка, я не безъ увлеченія, хотя сбиваясь нѣсколько въ выраженіяхъ, объяснилъ ей, что пространство, время и причинность суть лишь субъективныя формы нашего познанія и что весь міръ, въ этихъ формахъ существующій, есть только наше представленіе, то-есть что его, въ сущности, нѣтъ совсѣмъ. Когда я дошелъ до этого заключенія, моя собесѣдница, все время очень серьезно смотрѣвшая своими большими зеленоватыми глазами, улыбнулась и съ явнымъ лукавствомъ замѣтила:

— А какъ же вчера ты все говорилъ о страшномъ судѣ?

— О какомъ страшномъ судѣ?

— Ну, все равно, о томъ, что нужно все уничтожить. Если по-твоему міра нѣтъ совсѣмъ, то почему же тебѣ такъ хочется его разрушить?

Это противорѣчіе смутило меня только на мгновеніе.

— А развѣ когда тебя давитъ страшный сонъ или кошмаръ, тебѣ не хочется отъ него избавиться?—отвѣчалъ я побѣдоносно.

Она вдругъ безъ всякой видимой причины звонко разсмѣялась.

— Что такое?—спросилъ я съ неудовольствіемъ.

— Ахъ, представь себѣ,—заговорила она, смѣясь и крѣпко сжимая мою руку, — представь себѣ, я видѣла сегодня во снѣ, будто мой Джемсъ,—такъ звали ея сеттера,—совсѣмъ не собака, а командиръ бѣлорусскаго гусарскаго полка, и всѣ наши офицеры должны отдавать ему честь, но только вмѣсто ваше высокоблагородіе обязаны говорить ваше высоко*блохородіе*.

Это неожиданное сообщеніе она завершила столь же неожиданнымъ поцѣлуемъ и вдругъ убѣжала, крича мнѣ издали:

— Пойдемъ на грядки клубнику собирать, я видѣла, ужъ много поспѣло.

И я пошелъ собирать клубнику, хотя категорическій императивъ, который простолюдины называютъ совѣстью, довольно ясно намекалъ мнѣ, что это было съ моей стороны не самоотрицаніемъ, а совершенно наоборотъ—самоутвержденіемъ воли.

Но веселая Лиза такъ мило наклоняла надъ грядками свою бѣлокурую головку, такъ кокетливо приподнимала платье, сверкая на солнцѣ серебряными пряжками своихъ башмаковъ, что я рѣшительно не имѣлъ никакого желанія избавиться отъ этого пріятнаго кошмара, и еще долго прождала меня въ моей комнатѣ недочитанная глава *о синтетическомъ единствѣ трансцендентальной апперцепціи*.

И когда теперь, сидя въ вагонѣ, я вспомнилъ почему-то этотъ маленькій эпизодъ, смутное предчувствіе будущихъ грѣхопаденій шевельнулось въ моей душѣ.

IV.

Между тѣмъ, вечерѣло. Мы подъѣхали къ какой-то маленькой станціи. Со двора ея раздавалось веселое и нетерпѣливое звяканье колокольчика. Тарантасъ, запряженный тройкой, очевидно, пріѣхалъ за тѣмъ сѣдымъ господиномъ съ двумя барышнями, что̀ сошли на платформу со своими вещами и оживленно разговариваютъ съ начальникомъ станціи.

Я высунулся въ окошко. Изъ густаго садика, примыкавшаго къ станціонному дому, сильно пахло сиренью. Крестьянскія дѣ-

вочки предлагали букеты ландышей. Что-то звенѣло вдали. Въ маленькомъ флигелѣ играли на фортепіано, а на площадкѣ въ углу садика компанія туземцевъ обоего пола сидѣла за самоваромъ и весело разговаривала.

Моя дама въ сѣромъ платьѣ прошлась по платформѣ и ласково мнѣ улыбнулась. Я смотрѣлъ на нее съ такимъ же спокойнымъ удовольствіемъ, какъ и на все остальное. У меня на душѣ было тихо и хорошо въ этотъ вечеръ. Зло и страданіе бытія такъ глубоко ушли въ самую сущность вещей, что я ихъ совсѣмъ не чувствовалъ,—впрочемъ, можетъ-быть, отъ того, что я совсѣмъ ничего не хотѣлъ въ эту минуту и во всемъ окружающемъ видѣлъ только пейзажъ.

И когда поѣздъ тронулся, я съ тѣмъ же тихимъ наслажденіемъ, ни о чемъ не думая и ничего не желая, вглядывался въ густую березовую рощу, которая привѣтливымъ шепотомъ встрѣтила нашъ поѣздъ и обняла его съ обѣихъ сторонъ, и звала къ себѣ отдохнуть, и кротко улыбалась своими золотыми отъ вечернихъ лучей верхушками.

Однако, это душевное спокойствіе скоро было нарушено самымъ неожиданнымъ образомъ. Когда мы пріѣхали въ Тулу и въ нашемъ вагонѣ не осталось другихъ пассажировъ, кромѣ меня и молодой дамы, вдругъ съ крикомъ и шумомъ вошла къ намъ толпа новыхъ путешественниковъ. Это была труппа странствующихъ французскихъ актеровъ, ѣхавшихъ въ Орелъ. Впрочемъ, весьма возможно, что это были не актеры, а только акробаты. Ихъ было человѣкъ семь или восемь, мужчинъ и женщинъ. Мужчины были значительно пьяны и вели себя довольно неприлично. Сначала они хотѣли играть въ карты, но картъ не нашлось. Тогда, снявши верхнее платье, они предались гимнастическимъ упражненіямъ, вѣшались на перекладинахъ, раскачивались, кувыркались, а двое покушались даже, хотя и безуспѣшно, играть въ чехарду.

Дамы ихъ также отличались большою развязностью. Онѣ съ громкимъ смѣхомъ и вскрикиваніями перебранивались со своими кавалерами, а одна, сидѣвшая ближе ко мнѣ, довольно красивая женщина, къ немалому моему смущенію, сняла съ ноги башмакъ и запустила имъ въ одного изъ гимнастовъ, который въ возмездіе схватилъ ее за ногу и намѣревался стащить на полъ, но, вмѣсто того, самъ съ размаху упалъ навзничь, возбудивъ своимъ паденіемъ неописанный восторгъ во всей компаніи.

V.

Дама въ сѣромъ платьѣ, сначала съ нѣкоторымъ любопытствомъ смотрѣвшая на это представленіе, была, повидимому, скандализована послѣднимъ эпизодомъ. Она встала и подошла ко мнѣ (я сидѣлъ съ краю диванчика около прохода).

— Можно мнѣ спрятаться за васъ отъ этихъ господъ? Они такіе ужасные.

Я поклонился.

Она сѣла рядомъ со мною, около окошка.

Я радовался въ душѣ, что моя милая спутница такъ легко и просто сдѣлала первый шагъ, и вся моя робость пропала совершенно. Черезъ нѣсколько минутъ мы разговаривали, какъ старые знакомые.

Оказалось, что мужа ея я зналъ по имени. У нихъ были маленькія дѣти.

— Ахъ! какъ это трудно воспитывать дѣтей, когда сама не имѣешь совсѣмъ никакого воспитанія. Я долго объ этомъ думала и рѣшила оставить ихъ на произволъ судьбы, — пусть себѣ растутъ и воспитываются, какъ знаютъ, а я, по крайней мѣрѣ, ничего не испорчу.

Съ важнымъ менторскимъ видомъ, подобающимъ 19-ти-лѣтнему философу, я замѣтилъ, что она могла бы еще заняться своимъ собственнымъ воспитаніемъ.

— Ахъ, что вы! Я такая лѣнивая. У меня совсѣмъ нѣтъ никакого характера, ни капельки характера! И потомъ, гдѣ искать образованія? Одни совѣтуютъ одно, другіе—другое. Нѣтъ, ужъ я лучше останусь такъ!

Образованіе моей собесѣдницы дѣйствительно ограничивалось однѣми изящными манерами и французскимъ языкомъ.

— Впрочемъ, я читаю иногда *Московскія Вѣдомости* и еще романы, только не серьезные... А вы, навѣрное, хотите сдѣлаться ученымъ? Ахъ, пожалуйста, оставьте это! Это такъ гадко! Вѣдь, это почти все равно, что быть акробатомъ, вродѣ этихъ господъ: такъ-же не натурально и только гораздо скучнѣе. И потомъ это такъ вредитъ здоровью. Вотъ вы и теперь какой худой и блѣдный. Это жаль. Знаете что: пріѣзжайте къ намъ въ Крымъ. Вамъ необходимы морскія купанья, это укрѣпляетъ... А какъ тамъ весело! Большое общество, никто ничего не дѣлаетъ, и всѣ довольны.

А воздухъ тамъ совсѣмъ какой-то особенный. Я четвертое лѣто тамъ провожу и каждый разъ влюбляюсь... Вообразите, и въ меня тоже влюбляются, — прибавила она, повидимому, искренно удивляясь этому обстоятельству.

— Вы думаете, я лгу, потому что я такая некрасивая? Право, увѣряю васъ, что это правда. Впрочемъ, тамъ всѣ другъ въ друга влюбляются. Иные женятся: каждый годъ чья-нибудь свадьба. А то и такъ... Боже мой, я все глупости говорю! Что́ вы обо мнѣ подумаете!

Я поспѣшилъ замѣтить, что хотя любовь есть зло и обманъ, но что, во всякомъ случаѣ, любовь незаконная гораздо извинительнѣе любви узаконенной. Таково было тогда мое искреннее убѣжденіе. Меня, какъ крайняго пессимиста, бракъ, и особенно бракъ счастливый, возмущалъ до глубины души,—вѣдь, на немъ, главнымъ образомъ, держался весь этотъ міръ, уничтоженіе котораго было высшею цѣлью моихъ стремленій.

Собесѣдница моя, очевидно, не понимала, что́ я хочу сказать.

— Горе мое въ томъ,—сказала она,—что меня за что-то очень многіе любятъ, а мнѣ ужасно тяжело обижать и огорчать кого-нибудь, особенно тѣхъ, кто меня любитъ. Самое ужасное для меня мученіе—въ чемъ-нибудь отказывать. Вообще я хотѣла бы всѣхъ любить и всѣмъ дѣлать все пріятное. Но, вѣдь, это здѣсь совершенно невозможно. Здѣсь такъ гадко устроено, что всѣ другъ къ другу ревнуютъ, завидуютъ, всѣ другъ другу мѣшаютъ. Полюбишь одного, чтобы не огорчать его, — обижаешь этимъ другого. Это просто ужасъ! Потомъ—у меня мужъ, дѣти. Я рѣшилась никогда не обманывать моего мужа,—правда, онъ немногаго отъ меня и требуетъ. Но бываютъ такіе странные люди, которые ничего не хотятъ понимать и требуютъ невозможнаго, точно маленькія дѣти... Ахъ, я иногда хочу умереть! Только не сейчасъ. Теперь мнѣ весело. Я рада, что съ вами познакомилась.

Она замолчала на минуту.

— Знаете, я иногда думаю о будущей жизни, и мнѣ представляется, что тамъ будетъ совсѣмъ наоборотъ: никто никому мѣшать не будетъ, и можно будетъ всѣхъ, всѣхъ любить, и никому это не будетъ обидно... Ахъ, я такая глупая, я не могу сказать этого какъ слѣдуетъ, но, право, я понимаю, какъ это будетъ.

Она сжала голову обѣими руками и задумалась.

VI.

Было уже совсѣмъ темно. Въ вагонѣ стихло. Французы утомились своею возней и улеглись кое-какъ по своимъ мѣстамъ. Изрѣдка раздавались безсвязные возгласы, кто-то бормоталъ во снѣ.

— Вы вѣрно не будете спать,—вдругъ сказала моя спутница.

Я кивнулъ головой.

— Я тоже, будемте разговаривать. Нужно только устроиться покойнѣе.

Она сняла шляпку и распустила волосы.

Существуютъ въ подлунномъ мірѣ предметы, которые съ раннято дѣтства оказывали на меня неотразимое дѣйствіе; и въ ту эпоху, которую я теперь вспоминаю, при видѣ этихъ предметовъ, мой пессимизмъ терялъ всю свою силу, и моя аскетическая мораль съ постыдною покорностью опускала свои крылья. Распущенные по плечамъ длинные женскіе волосы всегда принадлежали къ числу этихъ магическихъ предметовъ а такихъ роскошныхъ волосъ, какіе были теперь передъ моими глазами, я еще никогда не видывалъ. И чѣмъ больше я на нихъ смотрѣлъ, тѣмъ дальше и дальше уходило отъ моего умственнаго взора различіе между вѣчною сущностью и преходящимъ явленіемъ, тѣмъ ниже и ниже опускались крылья моей самоотрицающейся воли.

Я взялъ густую прядь этихъ свѣтлыхъ душистыхъ волосъ и поднесъ ее къ своимъ губамъ.

Тихая улыбка и молчаніе.

Она опустила руки на колѣни и наклонила голову. Въ этой позѣ съ распущенными волосами она была рѣшительно хороша. Я хотѣлъ сказать ей это, сказать, что люблю ее, но слова не сходили съ языка. Я только наклонился къ ея опущеннымъ рукамъ и сталъ покрывать ихъ поцѣлуями.

— Какой вы странный! Кто вамъ позволилъ?

Я поднялъ голову, шепча наивное извиненіе за этотъ порывъ, и вдругъ почувствовалъ на своихъ губахъ долгій, беззвучный, горячій поцѣлуй. . . . . .

. . . . . .

На слѣдующее утро я былъ мраченъ и угрюмъ. Различіе добра и зла, о которомъ я ни разу не вспомнилъ въ минувшую ночь, предстало теперь моему уму съ полною ясностью и отчетливостью.

Стыдъ и позоръ! Я—пессимистъ и аскетъ, я—непримиримый врагъ земнаго начала—безъ боя, безъ малѣйшей попытки сопротивленія—хуже того—съ какою-то радостною готовностью и предупредительностью уступилъ этому земному началу, сразу призналъ его власть и наслаждался своимъ рабствомъ. Я, чуть-ли не съ колыбели познавшій тщету хотѣнія, обманчивость счастія, иллюзію удовольствій, я, три года работавшій надъ тѣмъ, чтобы эту врожденную мнѣ истину укрѣпить неприступными стѣнами трансцендентальной философіи,—я теперь искалъ и могъ хотя на мгновеніе находить блаженство въ объятіяхъ едва знакомой, но, очевидно, пустой и совершенно необразованной женщины.

Къ чему, несчастный, я стремился!
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ!
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился!

Никогда еще не подвергался я такому униженію. Конечно, я и прежде нерѣдко цѣловался съ своими кузинами. Но это было совершенно другое. Во-первыхъ, дѣло не въ поцѣлуяхъ самихъ по себѣ, а въ интенсивности, а также и экстенсивности; а, во-вторыхъ, кузины были болѣе или менѣе адептками моего ученія, и поцѣлуи я могъ считать лишь внѣшнимъ выраженіемъ внутреннихъ духовныхъ отношеній. Въ новой же своей знакомой я рѣшительно не усматривалъ никакой способности къ высшему философскому пониманію. И, между тѣмъ, для нея я могъ измѣнить своей Ольгѣ,—Ольгѣ, которая изнывала въ разлукѣ со мною, которая меня такъ хорошо понимала и должна была пройти со мною рука объ руку тяжелый путь самоотрицанія воли.

Рѣшительно, я чувствовалъ себя скверно. Вѣроятно, что-нибудь въ этомъ родѣ испытывалъ нашъ прародитель въ тотъ печальный день, когда въ замѣнъ утраченнаго блаженства его снабдили кожаными одеждами.

VII.

Julie,—такъ моя спутница хотѣла, чтобы я называлъ ее,—тоже была не весела. Ей нездоровилось. Кажется, она страдала сердцебіеніемъ. Она поминутно закрывала глаза и прижимала руку къ сердцу. Съ болѣзненно сжатымъ ртомъ, съ закрытыми глазами и съ нездоровымъ цвѣтомъ лица она становилась поло-

жительно дурною. Я злился на нее. Я обвинялъ ее во всемъ. Изъ-за нея, вѣдь, я оказался дрянью, тряпкой, изъ-за нея постыдно измѣнилъ своимъ принципамъ, изъ-за нея осрамился. Въ чорта я тогда не вѣрилъ. Значитъ, виновата Julie. Увы, и въ этомъ отношеніи я вполнѣ уподобился ветхому Адаму, который, согрѣшивши, оправдывался и сваливалъ вину на слабѣйшую сторону.

А она, моя бѣдная Ева, какъ только утихали ея боли, по-прежнему, ласково заговаривала со мною. Это раздражало меня еще болѣе. Я готовъ былъ возненавидѣть ее. Несмотря на свою чрезвычайную необразованность, она, очевидно, любила разсуждать о важныхъ предметахъ. Теперь все, что она говорила, казалось мнѣ или нелѣпымъ, или тривіальнымъ.

Между прочимъ, она заговорила объ эмансипаціи женщинъ. Я грубо перебилъ ее:

— Мнѣ кажется, что наши женщины и безъ того слишкомъ эмансипированы. Если имъ чего недостаетъ, такъ ужъ, конечно, не свободы, а скорѣе сдержанности.

Намекъ былъ ясенъ. Julie едва замѣтно покраснѣла и подняла на меня свои большіе глаза. Ничего, кромѣ грустнаго удивленія, не было въ этомъ взглядѣ. Черезъ минуту она опять ласково заговорила со мною.

Что-то кольнуло мнѣ въ сердце. Мнѣ стало стыдно, что я ее обидѣлъ, но я совсѣмъ не оцѣнилъ той кротости, съ которою она перенесла эту обиду. Я не любилъ ее. Я заставилъ себя быть съ нею любезнымъ, чтобы загладить свою грубость, но эта любезность была очень холодна, и Julie замѣчала неискренность моихъ нѣжныхъ заявленій. Она глядѣла грустно и грустно улыбалась.

Въ Курскѣ нужно было мѣнять поѣздъ. Для Julie было уже заранѣе взято мѣсто въ первомъ классѣ. Я взялъ билетъ второго класса. Такимъ образомъ, мы разлучились. Я притворился огорченнымъ, но въ душѣ былъ доволенъ. Ея близость меня тяготила; къ тому же, по мѣрѣ приближенія къ Харькову мои обязанности относительно понимавшей меня Ольги представлялись мнѣ все съ большею и большею ясностью.

Проводивши Julie въ ея купе, я съ облегченнымъ сердцемъ и въ хорошемъ расположеніи духа усѣлся на своемъ новомъ мѣстѣ и скоро познакомился съ ближайшими сосѣдями. Это были: студентъ-медикъ Кіевскаго университета, молодой купецъ изъ Таганрога въ драповомъ пальто и новомъ черномъ картузѣ и неопредѣленнаго

званія и возраста брюнетъ съ темно-синимъ подбородкомъ, какъ оказалось, богатый ростовщикъ, также изъ Таганрога.

Я разговорился съ молодымъ медикомъ. Это былъ провинціальный нигилистъ самаго яркаго оттѣнка. Онъ сразу призналъ меня за своего,—„по интеллигентному выраженію лица“, какъ объяснилъ онъ впослѣдствіи, а также, можетъ-быть, по длиннымъ волосамъ и небрежному костюму.

Мы открыли другъ другу всю душу. Мы были вполнѣ согласны въ томъ, что существующее должно быть въ скорѣйшемъ времени разрушено. Но онъ думалъ, что за этимъ разрушеніемъ наступитъ земной рай, гдѣ не будетъ бѣдныхъ, глупыхъ и порочныхъ, а все человѣчество станетъ равномѣрно наслаждаться всѣми физическими и умственными благами въ безчисленныхъ фаланстерахъ, которыя покроютъ земной шаръ,—я же съ одушевленіемъ утверждалъ, что его взглядъ не достаточно радикаленъ, что на самомъ дѣлѣ не только земля, но и вся вселенная должна быть кореннымъ образомъ уничтожена, что если послѣ этого и будетъ какая-нибудь жизнь, то совершенно другая жизнь, не похожая на настоящую, чисто-транссцендентная. Онъ былъ радикалъ-натуралистъ, я былъ радикалъ-метафизикъ.

Мы говорили и спорили очень горячо и громко. Одинъ разъ собесѣдникъ попробовалъ было обратиться къ мнѣнію нашихъ сосѣдей, но ростовщикъ съ синимъ подбородкомъ только усмѣхнулся съ сожалѣніемъ и махнулъ рукою, а молодой купецъ пробормоталъ что-то совсѣмъ непоощрительное, вродѣ „озорники вы окаянные“, и повернулся къ намъ спиной.

Въ заключеніе спора мой противникъ замѣтилъ, что наши теоретическія воззрѣнія могутъ расходиться, но такъ какъ у насъ ближайшія практическія цѣли однѣ и тѣ же, такъ какъ мы оба „честные радикалы“, то и можемъ быть друзьями и союзниками, и мы съ чувствомъ пожали другъ другу руку.

VIII.

Въ это время дверца вагона отворилась, и у входа показалась Julie. Она пришла пригласить меня къ себѣ въ первый классъ. Въ ея купе свободно; тамъ нѣтъ никого, кромѣ нея. Ей скучно одной. Мы можемъ ѣхать вмѣстѣ до самаго Харькова.

Я съ готовностью принялъ предложеніе, но въ душѣ былъ

недоволенъ. Въ эту минуту мой новый другъ и союзникъ интересовалъ меня гораздо болѣе, чѣмъ она. „И зачѣмъ она такъ себя компрометируетъ? Какъ все это глупо!“—подумалъ я.

Утомленіе долгой дороги, непривычныя волненія прошедшей безсонной ночи, наконецъ, горячій напряженный разговоръ о самыхъ отвлеченныхъ матеріяхъ,—все это вмѣстѣ, должно быть, совсѣмъ разстроило мои нервы. Только что я, пройдя впереди моей дамы, хотѣлъ ступить на вторую чугунную доску между вагонами, какъ вдругъ потерялъ сознаніе. Я очнулся на площадкѣ своего вагона. Потомъ мой новый пріятель, видѣвшій насъ чрезъ отворенную дверцу и поспѣшившій на помощь, разсказалъ мнѣ, что я, навѣрное, упалъ бы въ пространство между вагонами и непремѣнно былъ бы раздавленъ поѣздомъ, бывшимъ на всемъ ходу, если бы не „эта барынька“, которая схватила меня за плечи и удержала на площадкѣ.

Это я узналъ потомъ. Тутъ-же очнувшись, я видѣлъ только яркій солнечный свѣтъ, полосу синяго неба, и въ этомъ свѣтѣ и среди этого неба склонялся надо мною образъ прекрасной женщины, и она смотрѣла на меня чудными знакомыми глазами и шептала мнѣ что-то тихое и нѣжное.

Нѣтъ сомнѣнія, это Julie, это ея глаза, но какъ измѣнилось все остальное! Какимъ розовымъ свѣтомъ горитъ ея лицо, какъ она высока и величественна! Внутри меня совершилось что-то чудесное. Какъ будто все мое существо со всѣми мыслями, чувствами и стремленіями расплавилось и слилось въ одно безконечное сладкое, свѣтлое и безстрастное ощущеніе, и въ этомъ ощущеніи, какъ въ чистомъ зеркалѣ, неподвижно отражался одинъ чудный образъ, и я чувствовалъ и зналъ, что въ этомъ одномъ было все. Я любилъ новою, всепоглощающею и безконечною любовью и въ ней впервые ощутилъ всю полноту и смыслъ жизни.

Сначала она заботливо усадила меня на мое прежнее мѣсто. Мой пріятель медикъ предупредительно уступилъ ей свою половину дивана рядомъ со мною. При первой остановкѣ поѣзда она перевела меня къ себѣ.

Мы были вдвоемъ. Я долго не могъ говорить. Я только смотрѣлъ на нее безумными глазами и цѣловалъ край ея платья, цѣловалъ ея ноги. Она тоже ничего не говорила и только прикладывала мнѣ къ головѣ платокъ, намоченный одеколономъ. Наконецъ, безсвязнымъ отрывочнымъ шепотомъ я сталъ передавать ей, что дѣлалось со мною, какъ я ее люблю, что она для меня

все, что эта любовь меня возродила, что это совсѣмъ другая, новая любовь, въ которой я совершенно забываю себя, что теперь только я понялъ, что есть Богъ въ человѣкѣ, что есть добро и истинная радость въ жизни, что ея цѣль не въ холодномъ, мертвомъ отрицаніи...

Она слушала съ ясными глазами и счастливою улыбкой. Переворотъ, который во мнѣ совершился, ее радовалъ, но, повидимому, не удивлялъ. Она меня ни о чемъ не разспрашивала. Какъ прежде она тихо и безмятежно перенесла мою обиду, такъ и теперь тихо и безмятежно переносила она мое обожаніе.

Когда я нѣсколько пришелъ въ себя, она стала говорить такъ просто и спокойно. Я полюбился ей съ перваго взгляда, и она счастлива, что я люблю ее теперь такою хорошею любовью. Она увѣрена, что между нами могутъ быть настоящія хорошія отношенія. Мы должны встрѣтиться въ Москвѣ. Она познакомитъ меня съ своимъ мужемъ.

— А въ Крымъ вы лучше не ѣздите. Я такая безхарактерная. Тамъ мнѣ будетъ страшно и за себя, и за васъ.

Я сказалъ, что буду дѣлать все, что она желаетъ.

Мы не замѣчали, какъ кончился день, какъ прошелъ вечеръ, и наступилъ часъ разлуки. На Харьковскомъ вокзалѣ я оставался съ нею до послѣдняго звонка. Въ минуту отхода поѣзда она высунулась въ окно и протянула мнѣ обѣ руки. Ночь была темна, никто не обращалъ на насъ вниманія. Развѣ какая-нибудь сантиментальная звѣздочка пожалѣла обо мнѣ, замѣтивъ сверху, какъ обильныя горячія слезы текли изъ моихъ глазъ на эти милыя нѣжныя руки.

Поѣздъ давно уже скрылся изъ вида, а я все стоялъ на томъ же мѣстѣ.

IX.

— Что-жъ это вы, батенька, соленою водицей умылись, да и въ соляной столбъ превратились? Ну, не горюйте, не на вѣки разстались, еще увидитесь. А вкусъ одобряю: симпатичнѣйшая бабенка, чортъ возьми! Въ другую пору и самъ бы втюрился. Ну, идемте, синьоръ!

Я молча послѣдовалъ за честнымъ радикаломъ, и мы наняли извозчика въ гостиницу „Dagmar“.

Моя душа была полна Julie до тѣхъ поръ, пока я не заснулъ; на другой день вся моя встрѣча представлялась мнѣ какъ что-то совершенно фантастичное и ужасно далекое. Что-то было мною пережито, гдѣ-то въ самомъ глубокомъ уголкѣ моей души я чувствовалъ что-то новое, небывалое; но оно еще не слилось съ моею настоящею жизнью. Я зналъ, что все прежнее еще должно продолжаться и идти своимъ чередомъ, какъ будто совсѣмъ ничего не случилось. Да и что такое случилось въ самомъ дѣлѣ? Субъективная экзальтація и больше ничего!

Я поѣхалъ къ Ольгѣ. Разумѣется, наше свиданіе произошло вовсе не такъ, какъ я себѣ представлялъ. Начать съ того, что я не засталъ ее дома, что̀ почему-то вовсе не входило въ мои предположенія. Я уѣхалъ, оставивъ записку. Такимъ образомъ, когда я пріѣхалъ вторично, она уже была предупреждена о моемъ прибытіи—для обморока и другихъ чрезвычайныхъ явленій не было достаточнаго основанія. Она только что вернулась съ загородной прогулки. Я нашелъ въ ней большую перемѣну. Она была вовсе не похожа на ту нѣжную, полувоздушную дѣвочку, которая осталась въ моей памяти отъ нашего послѣдняго свиданія въ деревнѣ, когда она выходила изъ купальни въ голубомъ ситцевомъ платьѣ и съ небрежно закинутою за спину темною косой. Теперь это была совсѣмъ взрослая и нарядная дѣвица съ развязными манерами. Она такъ смѣло и пристально смотрѣла на меня своими черными, немного покраснѣвшими отъ солнца и вѣтра глазами, въ ней было что-то рѣшительное и самостоятельное.

Послѣ первыхъ краткихъ разспросовъ о родныхъ, о здоровьѣ и т. п., я приступилъ къ дѣлу. Въ своихъ письмахъ она писала, что любитъ меня,—я долженъ былъ объяснить ей свой взглядъ на наши отношенія. Я говорилъ кратко и неубѣдительно. Я самъ чувствовалъ, что повторяю какой-то заученный урокъ; каждое слово раздавалось въ моихъ ушахъ какъ что-то чужое и совершенно не интересное. Правду сказать, это были вполнѣ деревянныя слова.

Она слушала съ задумчивымъ видомъ, облокотясь на столъ. Когда я кончилъ свою рѣчь неизбѣжнымъ приглашеніемъ идти со мною вмѣстѣ по пути самоотрицанія воли, она еще долго смотрѣла вдаль неподвижными глазами, потомъ вдругъ опустила руку, подняла голову и, остановивъ на мнѣ пристальный взглядъ, произнесла спокойнымъ и твердымъ голосомъ.

— Я не хочу тебя обманывать. Я ошиблась въ своемъ чувствѣ. Ты слишкомъ уменъ и идеаленъ для меня, и я недостаточно

тебя люблю, чтобы раздѣлять твои взгляды и навсегда связать свою жизнь съ твоею. Вотъ ты отвергаешь всякое удовольствіе, а я одни только удовольствія и понимаю. Я буду всегда любить тебя, какъ родного. Будемъ друзьями.

Спѣшу замѣтить, что это былъ мой послѣдній опытъ обращенія молодыхъ дѣвицъ на путь самоотрицанія воли. Въ тотъ же вечеръ я уѣхалъ изъ Харькова, даже не простившись съ новымъ своимъ пріятелемъ-радикаломъ.

Четыре года послѣ того я встрѣтился съ Julie въ Италіи, на Ривьерѣ; но эта была такая встрѣча, о которой можно разсказывать только любителямъ въ ночь подъ Рождество.

Вл. Соловьевъ.

Бѣлая лилія[1])

или

Сонъ въ ночь на Покрова.

Мистерія-шутка въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

Лица:

Кавалеръ де-Мортемиръ, богатый, но совершенно разочарованный землевладѣлецъ.

Халдей, служащій въ Азіатскомъ департаментѣ, практиченъ.

Инструментъ, отставной драгунъ, обладаетъ физической силою и готовностью.

Сорвалъ, молодой человѣкъ, говоритъ и дѣлаетъ большею частью одно вмѣсто другого.

Графъ Многоблюдовъ, страдаетъ размягченіемъ мозга.

Генералъ Хлестаковъ, сочинилъ всѣ діалоги Платона и былъ тайною причиною того насморка, который помѣшалъ Наполеону разбить русскую армію подъ Бородинымъ.

Отчаянный Поэтъ.

Сокрушенный помѣщикъ, преданный изученію транссцендентальной физики.

Скептикъ, служащій по министерству финансовъ.

Неплюй-на-столъ, древній мудрецъ.

Галактея
Алькона } три дамы, пріятныя со всѣхъ сторонъ.
Теребинда

Солнце, неподвижная звѣзда третьей величины.

Птицы.

Растенія.

Волкъ.

Львы и тигры.

Кротъ.

Совы.

Голосъ изъ четвертаго измѣренія.

Медвѣдь.

Бѣлая лилія.

Первое дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, второе — въ неизвѣстномъ лѣсу, третье — близъ южнаго Тибета.

---

[1]) Это юношеское произведеніе Вл. Соловьева было напечатано въ „Художественно-литературномъ сборникѣ. На память“ изд. Т. И. Гагена подъ редакціей Ѳ. А. Духовецкаго. Москва 1893 г. *Прим. ред.*

Бѣлая лилія.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Зимній садъ въ домѣ кавалера де-Мортемира. Вечеръ. Издали слышны музыка и гулъ разговоровъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входятъ Сокрушенный помѣщикъ, безъ галстуха и въ незастетнутой одеждѣ, и Скептикъ.

Сокрушенный помѣщикъ.

О четвертомъ измѣреніи
Размышляя ежечасно,
Въ совершенномъ изнуреніи
Погибаю я напрасно.
То сижу я безъ движенія,
То скитаюсь тѣнью блѣдной,
А вѣдь могъ бы я съ имѣнія
Получать доходъ безбѣдный!
Но четвертымъ измѣреніемъ
Неумѣренно плѣненный,
Въ самомъ жалкомъ положеніи
Я живу, всего лишенный;
И хотя на иждевеніи
Скоро я умру казенномъ,
Все-жъ вопросъ объ измѣреніи
Остается нерѣшеннымъ.

Скептикъ.

О, какъ вы счастливы въ сравненіи со мною,
Для помысловъ найдя какой-нибудь предметъ.
Напрасно я искалъ, чего-бъ искать душою:
Ни цѣли, ни пути передо мною нѣтъ.

И вечеромъ, и утромъ рано,
И днемъ, и полночью глухой,
Въ жару, въ морозъ, средь урагана,
Я все качаю головой.
То устремляю взоръ свой въ землю,
То съ неба не свожу очей,
То шелесту деревьевъ внемлю,
Гадая о судьбѣ своей...
Какую мнѣ избрать дорогу?
Кого любить, чего искать?
Идти ли въ храмъ молиться Богу,
Иль въ лѣсъ—прохожихъ убивать...

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Отчаянный поэтъ.

Отчаянный поэтъ.

Мнѣ двадцать лѣтъ,
И я поэтъ—
Поэтъ всемірной скорби-съ.
Мой волосъ сѣдъ,—
Мышленья слѣдъ—
Хожу немного сгорбясь.
И пить, и ѣсть,
И лечь, и сѣсть,
Мнѣ геморрой мѣшаетъ...
Такъ жизни цвѣтъ,
Подъ гнетомъ бѣдъ
Зачахнувъ, увядаетъ.
Мой идеалъ
Давно пропалъ;
Въ душѣ морозъ трескучій,—
Лишь въ грезахъ сна
Мелькнетъ она,
Какъ радуга надъ тучей...
Но лишь проснусь
И оглянусь
Кругомъ,—опять все скверно:

Печалей рой
И геморрой—
Ужъ геморрой-то вѣ-ѣ-ѣрный!
Такъ жить нельзя!
Прими меня,
О смерть, въ свои объятья!
Хоть я не святъ,
Но все же въ адъ
Попасть нѣтъ вѣроятья.
Мнѣ холодно...
Могилы дно
Поэта ожидаетъ.
Спасенья нѣтъ!
Гляди-же, свѣтъ,
Какъ геній погибаетъ!..

Вынимаетъ изъ кармана панталонъ веревку, чтобы удавиться, но при этомъ на полъ падаетъ красненькая бумажка.

Сокрушенный помѣщикъ и Скептикъ.

Поднявъ упавшую бумажку и показывая ее поэту, торжественно:

Государственный кредитный сей билетъ
Отъ погибели спасетъ васъ, о поэтъ!

Отчаянный поэтъ (въ экстазѣ)

Надеждой новою сіяетъ небосклонъ!
Взошла моя заря въ карманѣ панталонъ!

Беретъ и разсматриваетъ билетъ.

Остался онъ отъ мзды, что̀ далъ книгопродавецъ...
Идемте-жъ къ Палкину... Нѣтъ, въ Малый-Ярославецъ!

Беретъ подъ руки Сокрушеннаго помѣщика и Скептика и удаляется вмѣстѣ съ ними.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Входятъ Галактея и Халдей.

Галактея.

Вы знаете, онъ уѣзжаетъ... Это большой секретъ, онъ просилъ никому не говорить. Мнѣ грустно... Вы не можете вообразить, какъ я много теряю. La vie s'en va. Ничто больше меня не радуетъ, не занимаетъ. (Смотритъ на него пристально.) А знаете, у васъ очень красивый носъ, я прежде и не замѣчала. (Подходитъ

къ окну.) Посмотрите, какая восхитительная ночь, какъ ярко сіяютъ звѣзды, совсѣмъ какъ въ стихахъ Тютчева.

Халдей (смотритъ черезъ ея плечо).

На звѣзды глядишь ты, звѣзда моя свѣтлая...
О, быть бы мнѣ небомъ, въ широкихъ объятіяхъ
Держать бы тебя и очей миріадами
Тобой любоваться въ безмолвномъ сіяніи...

Галактея.

Ага! Вы кажется говорите стихами? Я очень люблю стихи насчетъ моей красоты. Скажите, вы не итальянецъ? (Въ сторону.) Боже, какой у него красивый носъ!

Халдей.

Нѣтъ, я не итальянецъ, но могу замѣнить его съ успѣхомъ.

Галактея.

Впрочемъ, я и забыла, что вы Халдей.

Халдей.

О, это не болѣе какъ каламбуръ судьбы.

Галактея.

Каламъ буръ? Съ чего вы это взяли?... онъ, напротивъ, прекрасный колористъ. Но какая же ваша нація?

Халдей.

Это страшная тайна. А впрочемъ... (говоритъ ей на ухо:) я—грузинъ!

Галактея (внѣ себя отъ восторга).

Грузинъ!! (Прыгаетъ и бьетъ въ ладоши.) Онъ—грузинъ, онъ—грузинъ!

Халдей (самодовольно).

Я—грузинъ, я—грузинъ!
Это знаю я одинъ.

Галактея (въ экстазѣ).

Онъ—грузинъ, онъ—грузинъ!
Это знаетъ онъ одинъ!

Беруть другъ друга за руки и поспѣшно убѣгаютъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Входятъ Теребинда и Инструментъ.

Теребинда.

Отчего вы не кирасиръ?

Инструментъ.

Черезъ 24 часа я буду кирасиръ.

Теребинда.

Знаете, чего мнѣ теперь хочется?

Инструментъ.

Не знаю, но исполню немедленно.

Теребинда.

Я хотѣла бы быть закутанной въ одѣяло, въ одно одѣяло, понимаете?—и чтобы какой-нибудь ужасно большого роста и ужасно сильный человѣкъ, какой-нибудь великанъ или патагонецъ носилъ меня на рукахъ по большому темному саду...

Инструментъ (вставая).

Я готовъ-съ.

Теребинда.

Ха-ха-ха! Развѣ вы патагонецъ?

Инструментъ (отирая лицо платкомъ).

Сущій патагонецъ, какъ видите-съ.

Теребинда.

Фу, какія глупости. Но что же это съ вами однако?

Инструментъ.

Мнѣ жарко-съ.

Теребинда.

Но отчего?

Инструментъ.

Мнѣ жарко потому, что я тебя люблю;
Хоть знаю, что въ конецъ себя я погублю,
Но тѣмъ не менѣе какъ свѣчка я горю.
Какъ свѣчка я горю и таю, какъ она.
А ты? Ты въ ледяной покровъ облечена,

Какъ мраморъ, ты глуха къ отчаянной мольбѣ!
Мнѣ жарко потому, что холодно тебѣ!

Теребинда.

О да, я очень холодна. Я холодна, но любопытна. Мнѣ интересно было бы видѣть, до чего можетъ дойти ваша пламенная страсть. Donnez-moi le bras.

Уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Входитъ Альконда и бросается на софу.

Альконда.

Боже мой, какъ я устала! Je n'en puis plus! А этотъ глупый медвѣженокъ, Сорвалъ, еще отдавилъ мнѣ ногу. Никогда въ жизни не видала я такого идіота.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Входитъ Сорвалъ.

Сорвалъ.

Вы искали уединенія? Я—также! Итакъ, уединяясь, мы соединяемся. (Садится около нея. Послѣ нѣкотораго молчанія.) Позволите ли мнѣ слезами отчаянія омочить лоно любви?

Альконда.

Ахъ, что съ вами. Сядьте, пожалуйста, немного подальше.

Сорвалъ.

Дайте мнѣ вашу руку!

Альконда.

Ну, что же дальше?

Сорвалъ.

Я думаю, что если бы эта рука была вашею, т. е. я хочу сказать моею, и если бы мое сердце... Нѣтъ я не могу больше говорить... Если вы меня не полюбите, я...

Растопыриваетъ руки и раскрываетъ ротъ и глаза.

Алькон да.

Полюбить васъ?... Любовь хорошая вещь, но только не здѣсь, нѣтъ не здѣсь...

Ахъ, зачѣмъ родилáсь я дѣвицей
Между этихъ противныхъ людей,
А не вольной пернатою птицей
Средь простора лѣсовъ и полей.
По вершинамъ зеленыхъ деревьевъ,
Подъ навѣсомъ тѣнистыхъ садовъ,
Въ одѣяньи изъ пуха и перьевъ
И съ обѣдомъ изъ свѣжихъ плодовъ —
Вотъ какъ жить и любить я-бъ желала,
Вотъ когда-бъ я душой расцвѣла:
Какъ изящно тогда-бъ я летала,
Какъ искусно гнѣздо-бы вила!..

А здѣсь у насъ, среди этой мебели, въ этихъ домахъ на этихъ улицахъ...

Сорвалъ.

Зачѣмъ же на улицѣ!

Алькон да.

Dieu, qu'il est bête. И потомъ вы знаете, я не выношу ничего противнаго эстетикѣ, ничего грубаго, а у васъ, я слышала, ужасно грубыя привычки. Мой дядя, Многоблюдовъ, самъ видѣлъ, какъ вы ѣли рыбу съ ножа и дичь—руками...

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Графъ Многоблюдовъ появляется въ дверяхъ.

Графъ Многоблюдовъ.

Да, молодой человѣкъ, я говорилъ и утверждаю, что вы не умѣете ѣсть! (Проходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Сорвалъ.

О, если дѣло только за этимъ, то я совсѣмъ не буду ѣсть ни рыбы, ни дичи. Охотно приношу мою любовь на алтарь этихъ жи-

вотныхъ, т. е. я хотѣлъ сказать наоборотъ, но это все равно... Алькопда! Пока мы одни, я долженъ заплатить дань своимъ восторгамъ! (Хочетъ обнять ее).

Алькопда (отталкивая его.)

Вы, кажется, совсѣмъ съ ума сошли?

Сорвалъ.

Какъ хотите, но моя любовь требуетъ пищи. (Хватаетъ ее за ногу и, снявъ башмакъ, поспѣшно суетъ его себѣ въ ротъ, но давится высокимъ каблукомъ и падаетъ на полъ въ конвульсіяхъ.)

Алькопда.

Несчастный! Кто же такъ дѣлаетъ? Нужно начинать съ носка!

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Графъ Многоблюдовъ появляется въ дверяхъ.

Графъ Многоблюдовъ.

Я говорилъ, что онъ не умѣетъ ѣсть! (Проходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Алькопда и Сорвалъ, въ судорогахъ катающійся по полу.

Алькопда.

Однако онъ можетъ тутъ умереть! Кто тамъ! Скорѣй, скорѣй... Au secours, au secours! Соли, соли!

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Съ разныхъ сторонъ сбѣгаются: слуга съ солонкою на подносѣ, генералъ Хлестаковъ, Халдей и Галактея, Инструментъ и Теребинда.

Генералъ Хлестаковъ.

Ну вотъ, ну вотъ! Извольте полюбоваться! Вотъ оно—наше молодое поколѣніе! Дамскій башмакъ проглотить не можетъ! Подавился, ей Богу, подавился! Какъ вамъ это покажется? А я

бывало по дюжинѣ ботфортовъ со шпорами глоталъ—и ничего! Только въ животѣ позвякивало.

Всѣ (Становятся вокругъ Сорвала и поютъ хоромъ.)

Ахъ, несчастный Сорвалъ!
Онъ башмакъ засовалъ
Въ глотку.
Можетъ онъ умереть,
Его нужно тереть
Водкой!

Вытаскиваютъ башмакъ изо рта Сорвала и приводятъ его въ чувство.

Сорвалъ.

Не успѣвши удавиться,
Я желалъ бы удалиться!

Всѣ (предупредительно).

Съ удовольствіемъ уйдемъ
И оставимъ васъ вдвоемъ.

Всѣ уходятъ въ одну сторону, Сорвалъ съ Алькондой въ другую. Сцена остается нѣсколько времени пустою.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Входитъ кавалеръ де Мортемиръ въ дорожномъ платьѣ и съ чемоданомъ въ рукахъ, который ставитъ на полъ; нѣсколько времени стоитъ въ задумчивости, опустивъ голову, и затѣмъ говоритъ.

Мортемиръ.

Тяжелой тоской какъ цѣпями окованъ,
Стою я и въ землю гляжу.
Хотя чемоданъ мой давно упакованъ,
Но съ мѣста я все не схожу.

Пауза.

Если вѣтеръ осенній безжалостно смелъ
Все, чѣмъ въ жизни душа любовалась,
Если садъ твоихъ грезъ безвозвратно отцвѣлъ,
Если трость твоей вѣры сломалась...

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Входитъ Галактея.

Галактея.

Когда же, милый другъ,
Мы вновь увидимъ васъ?

Мортемиръ (неслыша ея).

Да, мой огонь потухъ,
И пламень мой угасъ!

Галактея.

Скажите же, когда?

Мортемиръ.

Про это знаетъ Богъ!
Стремлюся я туда,
Откуда нѣтъ дорогъ.

Галактея.

Какъ? И любовь моя
Тебѣ уже постыла?

Мортемиръ.

О нѣтъ! Но кровь моя
Какъ будто бы застыла.

Галактея (иронически).

О, это потому,
Что ты любилъ безмѣрно!

Мортемиръ.

Корить меня къ чему?
И безъ того мнѣ скверно! (Послѣ паузы.)
Я любилъ, хоть мыслью каждой
Сознавалъ любви обманъ,
И ловилъ съ безумной жаждой
Убѣгающій туманъ.
Но страстей въ позорный свитокъ
Я слегка лишь заглянулъ
И отравленный напитокъ,
Не допивши, оттолкнулъ.

Галактея.

О, Боже мой, слегка?!.
Гдѣ лгать ты научился?
Но вотъ моя рука—
Со мной ты не простился...

Мортемиръ.

О, не считай меня неблагодарнымъ!
Тебя любилъ я болѣе другихъ.
Ты метеоромъ лучезарнымъ
Мелькнула въ мракѣ дней моихъ.

Галактея.

Si c'est ainsi, я и еще, пожалуй,
Во мракѣ дней твоихъ готова поблистать...

Мортемиръ.

Mercі! Въ моей душѣ поблекшей и усталой
Ты новые огни привыкла возбуждать. (Хочетъ обнять ее.)

Галактея (уклоняясь).

Скажи сперва, зачѣмъ ты покидаешь
Своихъ друзей?

Мортемиръ.

Ахъ милая! Ты многаго не знаешь
Въ судьбѣ моей. (Сильно сжимаетъ ее въ своихъ объятіяхъ.)

Голосъ изъ четвертаго измѣренія (одному Мортемиру слышный).

Сладко извергомъ быть
И пріятно забыть
Бога!
Но тогда насъ ждетъ до-
Вольно скверная до-
Рога!

Мортемиръ (отскочивъ отъ Галактеи).

Извините, пожалуйста!

Галактея (относя его слова къ себѣ).

Я вижу ты со мною лицемѣришь,
О, Мортемиръ!

Мортемиръ.

Ахъ, какъ мнѣ тошно, ты и не повѣришь,
Глядѣть на міръ!

Галактея (вынимая изъ корсета три необычайнаго вида цвѣтка и подавая ихъ Мортемиру).

Вся наша жизнь—обманъ, томленіе и слезы,
Въ концѣ же—гробъ.
Тебѣ на память, другъ, я три волшебныхъ розы
Оставлю, чтобъ
Въ себѣ хоть признакъ сладостныхъ мгновеній
Будить ты могъ,
Чтобъ подъ тяжелымъ бременемъ твой геній
Не изнемогъ.

Мортемиръ.

Итакъ—прощай!

Галактея.

Но что-жъ сказать могу я
Гостямъ твоимъ?

Мортемиръ.

Скажи, что навѣстить сестру я
Уѣхалъ въ Крымъ.

Галактея обнимаетъ его и уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Мортемиръ одинъ, подноситъ къ лицу Галактеины розы, нюхаетъ нѣсколько и потомъ, медленно роняя, говоритъ.

Мортемиръ.

Пріятно пахнутъ эти розы,
Когда въ груди огонь горитъ,
И цѣлый міръ волшебной грезы
Съ душою внятно говоритъ;
Когда въ синѣющемъ туманѣ
Житейскій путь передъ тобой,
А цѣль достигнута заранѣ—
Побѣда предваряетъ бой;
Когда серебряныя нити
Идутъ изъ сердца въ область грезъ...
О боги вѣчные, возьмите
Мой горькій опытъ и верните
Всю силу первыхъ вешнихъ грозъ!

* *
*

Да, зналъ я васъ, златые годы,
Невинно-дерзкіе мечты,
Порывы гордые свободы,
Видѣнья тайной красоты:
Когда далекій звукъ рояли
Иль шелестъ платья по песку
Въ мечты всю душу погружали
И непонятную тоску
Иль сладкій трепетъ возбуждали
Гдѣ вы плѣнительные сны
И безпредметные печали?
Напоромъ жизненной волны
Далеко вы унесены;
Порывы бурные умчали
Васъ, розы первыя весны,
И тамъ, гдѣ вы погребены,
Цвѣты другіе расцвѣтали
И также скоро отцвѣли
Или безвременно увяли.

*
* *

Но пусть будетъ позабыто
И навѣки тьмой сокрыто
Все, что было прежде.
Мѣсто дамъ надеждѣ:
Можетъ, бѣлую Лилею
Я найти еще успѣю.
И поэтому—впередъ,
Въ мой таиственный походъ!

Слышенъ шумъ приближающейся толпы.

Прощайте всѣ! Васъ видѣть было-бъ тяжко
Душѣ моей.
Но гдѣ моя дорожная фуражка?
Здѣсь! и перчатки въ ней. (Поспѣшно уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Живописная поляна въ неизвѣстномъ лѣсу. Заходъ солнца.

Солнце.

Я опять захожу,
И уныло гляжу,
Не видалъ я ея и сегодня.
Горе мнѣ! Ея нѣтъ,
Безъ нея-жъ бѣлый свѣтъ
Для меня не милѣй преисподней.

Задергиваетъ лицо тучами и плачетъ мелкимъ дождемъ.

Птицы.

Мы поемъ, мы поемъ,
Вмѣстѣ съ солнцемъ мы ждемъ
Златокудрой царицы явленье;
Но не слышитъ она;
Отъ глубокаго сна
Не пробудитъ ее наше пѣнье.

Растенія.

Мы растемъ и цвѣтемъ,
Богъ поитъ насъ дождемъ.
Ароматы мы льемъ,
И трепещемъ, и ждемъ,
Чтобъ, небесной красою сіяя,
Какъ царица цвѣтовъ,
Изъ обители сновъ
Появилась владычица рая.

Волкъ.

Я убійца и воръ.
Кровожаденъ мой взоръ,
И трусливъ я, къ тому же, чрезмѣрно!
Хоть большой я подлецъ,
Но и я, наконецъ,
Тяготиться сталъ жизнію скверной.
Хвостъ поджавъ, я лежу
И на небо гляжу:
Не сойдетъ ли оттуда царица,

Про которую тутъ
Свои пѣсни плетутъ
И цвѣты, и болтливыя птицы.

Хоръ львовъ и тигровъ.

Ддааа!
Мы разбоемъ живемъ,
Съ встрѣчныхъ шкуру деремъ,
Жремъ ихъ прямо сырьемъ,
Кровь горячую пьемъ,
Но и мы тоже ждемъ
Все чего-то; тайкомъ
По ночамъ слезы льемъ
И, махая хвостомъ,
Помышляемъ о томъ,
Чтобы съ этимъ житьемъ
Намъ покончить добромъ...

Ддааа!

Всѣ.

Солнце, солнце! Хоть бы ты
Къ намъ царицу красоты
Силой пламенной своей,
Сѣтью радужныхъ лучей
Привлекло и заманило?
Больше ждать намъ ужъ не въ мочь,
Безъ нея намъ все постыло:
День не въ день, и ночь не въ ночь,
Безъ нея весь свѣтъ могила!

Солнце махаетъ рукой и заходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Входитъ кавалеръ де Мортемиръ.

Мортемиръ.

Она! вездѣ она! О ней лишь говорятъ
Всѣ голоса тоскующей природы.
Не я одинъ,—рѣка, и лѣсъ, и горы,
Деревья, звѣри, солнце и цвѣты
Ее, ее зовутъ и ожидаютъ.

Явись она,—и снѣжныя вершины
За облака ушедшихъ горъ предъ ней
Поникнутъ разомъ, пышные цвѣты
Предъ ней коверъ широкій развернутъ,
Кругомъ нея львы, барсы, носороги,
Счастливою и дружною семьей
Всѣ соберутся вмѣстѣ и служить
Ей будутъ; быстрые и шумные потоки
Вдругъ остановятся. Самъ бурный океанъ
Въ послѣдній разъ вскипитъ и, весь свой жемчугъ
Къ ногамъ ей бросивши, утихнетъ и замретъ.
И зеркаломъ недвижнымъ и прозрачнымъ
Предъ нею ляжетъ, чтобы дивный образъ
Въ нѣмомъ восторгѣ ясно отражать.
Да, это такъ! Но, Боже мой, когда же?
Когда, когда? Въ ничтожномъ этомъ словѣ
Отчаянье и радость, жизнь и смерть.

Ложится подъ дерево.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Кроты.

Мы норы роемъ, роемъ, роемъ,
И копимъ на зиму запасъ.
Вниманья мы не удостоимъ
Того, что нашъ не видитъ глазъ.
Про что поютъ всѣ эти птицы?
О чемъ цвѣты здѣсь говорятъ?
Краса какой-то царь-дѣвицы!
Ну, этимъ насъ не заманятъ.

Совы.

Въ развалинахъ замковъ, въ старинныхъ церквахъ
Гнѣздиться мы любимъ, понеже,
Когда все кругомъ измѣнилось, онѣ
Однѣ остаются все тѣ же.
Мы любимъ гнилушки, намъ плѣсень мила,
Отъ ржавчины мы въ восхищеньи,
Лишь къ солнца сіянью и къ яркимъ цвѣтамъ
Питаемъ мы всѣ отвращенье.

Могилы манятъ насъ, и даже дѣтей
Рожать мы летимъ на кладбище.
Опавшіе листья и высохшій мохъ
Намъ служатъ приправою къ пищѣ.
Мы вѣримъ въ блаженство, но—только для насъ,
Для прочихъ-же—адскія муки!
Тогда насладимся вполнѣ, а пока
Мы служимъ молебны отъ скуки.
Но въ этихъ занятьяхъ смущаетъ насъ вѣсть
Про новую эту царицу,
Которой явленье нахально такъ ждутъ
Дневные всѣ звѣри и птицы.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Вбѣгаетъ Халдей съ дорожнымъ чемоданомъ.

Халдей.

Отъ возлюбленной прекрасной
Я бѣжалъ въ сей лѣсъ ужасный.
Сколько горести напрасной
Перенесъ я съ ней, несчастный,
И не перечесть!
Наконецъ настало время,
И сіе мнѣ стало бремя
Не по силамъ несть.

Замѣчаетъ Мортемира и подходитъ къ нему.

Сообщу тебѣ, какъ другу:
Я прелестную подругу
Умертвить ужъ собрался,
Но лишь мысль сія возникла,
Ужъ она въ нее проникла—
И я бѣгству предался.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Инструментъ.

Инструментъ.

Отъ возлюбленной прекрасной
Я бѣжалъ въ сей лѣсъ ужасный.

Замѣчаетъ Мортемира и Халдея и подходитъ къ нимъ.

Сообщу вамъ по секрету.
Я возлюбленную эту
Собрался ужъ придушить;
Но потомъ вдругъ стало жалко,
И, схвативъ суму и палку,
Я пустился во всю прыть.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Вбѣгаетъ Сорвалъ безъ всякаго багажа и въ ночномъ костюмѣ.

Сорвалъ.

Отъ возлюбленной ужасной
Я бѣжалъ въ сей лѣсъ прекрасный.

Замѣчаетъ прочихъ и подходитъ къ нимъ.

Сообщу вамъ для секрета,
Что она изъ пистолета
Ужъ стрѣляла мнѣ въ животъ.
Но револьверъ далъ осѣчку,
И, сваливши столъ и свѣчку,
Я скорѣй бѣжать—и вотъ.

Трое (вмѣстѣ).

Мы бѣжали три дня и три ночи,
Ѣсть такъ хочется намъ, что нѣтъ мочи!

Халдей.

Но теперь ужъ опасности нѣтъ,
И поэтому вотъ мой совѣтъ:
Вы позвольте вамъ всѣмъ предложить
Выпить водочки и закусить.

Вынимаетъ изъ чемодана припасы, и всѣ располагаются подъ деревомъ.

Сорвалъ и Инструментъ.

Совѣтъ охотно принимаемъ
И съ избавленьемъ поздравляемъ. (Чокаются.)

Халдей.

Отъ любовницъ и отъ женъ
Навсегда освобожденъ,
Я въ присутствіи природы
Пью за здравіе свободы!

Всѣ.

Ура!

Халдей.

Но посмотрите, что это за странная фигура къ намъ приближается?

Сорвалъ.

Судя по костюму, это, должно быть, животное ископаемое.

Инструментъ.

А судя по носу, это—или монахъ, или сапожникъ.

Халдей.

Тѣмъ лучше, новый собутыльникъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Подходитъ Неплюй-на-столъ въ необыкновенномъ полуазіатскомъ костюмѣ и съ посохомъ.

Халдей.

Послушайте, почтеннѣйшій! Позвольте васъ угостить закуской и виномъ.

Сорвалъ.

Хотя ваша одежда показываетъ, что вы родились до изобрѣтенія пищи и питія, но все-таки, прошу васъ, сдѣлайте намъ компанію! Для компаніи, сами знаете, жидъ удавился.

Халдей (наливая водки).

Иль, можетъ быть, вы любите бордо?

Неплюй-на-столъ.

Я прошу и водки, и бордо.
Хоть я излишествомъ гнушаюсь,
Но тѣмъ не менѣе рѣшаюсь,
И ѣсть, и пить все, что дадутъ.
(Садится и пьетъ.)
Не ожидалъ найти я тутъ—
Въ лѣсу глухомъ—такую встрѣчу!

Халдей.

Но кто вы сами?

Неплюй-на-столъ.

Я отвѣчу

Сейчасъ, но прежде оказать
Вы мнѣ должны одну услугу.
Отъ Куку-нора чрезъ Калугу
Я шелъ затѣмъ, чтобъ отыскать
Того, чье имя въ Кашемирѣ,
Во всемъ Тибетѣ и Памирѣ
Весьма извѣстно,—говорю
О кавалерѣ Мортемирѣ.
Его вы знаете?

Всѣ.

Вотъ онъ!

Неплюй-на-столъ (про себя).

Я нетерпѣніемъ горю
Раскрыть предъ ними мой картонъ.

Встаетъ и, вынувъ изъ-за пазухи завязанный картонъ, обращается къ Мортемиру.

Любезный кавалеръ! Ты видишь предъ собой
По тѣлу дряхлаго, но бодраго душой,
Служителя науки изъ наукъ.
Въ дорожной мантіи и опершись на сукъ,
Пришелъ изъ-далека я, чтобы вѣсть
Тебѣ нежданную, но добрую принесть.
Прочти и разсуди! Пергаментъ сей
Я отыскалъ въ развалинахъ Пальмиры.

Развертываетъ картонъ и, взявъ оттуда пергаментъ, подаетъ Мортемиру

Я изучилъ его въ тиши ночей
И папиросою прожегъ вотъ эти диры.

Мортемиръ (читаетъ).

„Азъ—букь—вѣдь,—Азъ—буки—вѣдь.
Здѣсь смыслъ возвышенный и тайный,
Его откроетъ лишь медвѣдь,
Владѣя силой чрезвычайной.
Но вѣчно-женскій элементъ
Тутъ не останется безъ роли:
Когда лазоревый пигментъ
Избавитъ душу отъ мозоли,
Лилеи бѣлой благодать

Вездѣ прольетъ свою тинктуру,
И родъ людской, забывъ страдать,
Обниметъ разомъ всю натуру;
Повсюду станутъ ладъ и миръ,
Исчезнутъ злоба и мученье.
Тогда и ты, о Мортемиръ,
Найдешь душѣ успокоенье.“
Чтожъ это значитъ?

Неплюй-на-столъ.

Не лукавь!
Я знаю все. Во снѣ и вьявь
Ты ищешь бѣлую Лилею,
А я сказать тебѣ умѣю,
Гдѣ можешь ты ее найти.
Мнѣ къ ней извѣстны всѣ пути,
И я попутчиковъ сзываю.
Когда, Пальмиру разрывая,
Я сей пергаментъ отыскалъ,
Онъ былъ длиннѣе ровно вдвое
И все, что нужно, содержалъ.
Но къ сожалѣнію—не скрою—
Я половину потерялъ.
Но я такъ часто повторялъ
Въ умѣ своемъ всѣ указанья,
Что хоть сейчасъ безъ колебанья
Тебя провесть бы я сумѣлъ:
Мой умъ остеръ, и духъ мой смѣлъ!

(Къ прочимъ.)

Друзья! и вамъ я предлагаю:
За мной—къ потерянному раю!

Халдей и Инструментъ.

Что-жъ, пожалуй! Все равно дѣваться некуда!

Сорвалъ.

А что-жъ такое—эта бѣлая Лилія, почтеннѣйшій? Женщина?

Неплюй-на-столъ

Отчасти въ этомъ родѣ.

Сорвалъ.

Гмъ! Женщина. Но безъ пистолета?

Неплюй-на-столъ.

Ни пистолета, ни ружья.—
Въ томъ васъ могу увѣрить я!

Сорвалъ.

Ну, такъ и я согласенъ. Да здравствуетъ бѣлая Лилія!

Неплюй-на-столъ (посматривая на вино).

Да, бѣлая Лилія, да...
Такъ какъ-же теперь, господа?

Всѣ.

Идти, такъ идти!

Неплюй-на-столъ.

Идти намъ лучше на разсвѣтѣ,
А здѣсь пока бутылки эти
Намъ силы новыя дадутъ
И отъ простуды насъ спасутъ.

Всѣ.

Это дѣло, это дѣло!
Подождемъ, чтобъ заалѣло
На востокѣ, а пока
Подкрѣпимъ себя слегка. (Ѣдятъ и пьютъ.)

Халдей.

Не спѣть ли пѣсню намъ, друзья?

Неплюй-на-столъ.

Всегда къ услугамъ вашимъ я.

Инструментъ.

Халдей, ты первый запѣвай,
Ну, не ломайся, начинай.

Халдей (поетъ)

Я добился свободы желанной,
Что манила вдали, словно кладъ.
Отчего-же съ тоскою нежданной,
Отчего-жъ я свободѣ не радъ?
Сердце ноетъ и падаютъ руки,

Все такъ тускло и глухо вокругъ
Съ роковаго мгновенья разлуки,
Мой жестокій, мой сладостный другъ.
Теперь ты спой намъ, Инструментъ.
Ну, Инструментъ!

Инструментъ.

Въ одинъ моментъ. (Поетъ.)
Мы сошлись съ тобой не даромъ,
И не даромъ, какъ пожаромъ
Дышетъ страсть моя!
Эти огненныя муки
Только вѣрныя поруки
Силы бытія.
Въ бездну мрака огневую
Льетъ струю свою живую
Вѣчная любовь.
И изъ пламенной темницы
Для тебя перо жаръ-птицы
Я добуду вновь.
Свѣтъ изъ тьмы. Надъ черной глыбой
Вознестися не могли бы
Лики розъ твоихъ,
Если-бъ въ сумрачное лоно
Не впивался погруженный
Темный корень ихъ.

Кончивъ пѣть:—

Уступимъ мѣсто Мортемиру!
Ну, Мортемиръ. Бери-ка лиру!

Мортемиръ (поетъ.)

Ахъ, далекò въ Тибетскомъ плоскогоріи
Живетъ мой другъ.
А здѣсь одинъ томлюсь въ тоскѣ и горѣ я...
Темно вокругъ.
И лишь порой въ туманѣ сновидѣнія
Я вижу то,
Что видѣть могъ безъ всякихъ затрудненій я
Тому лѣтъ сто.
Иль ослабѣвъ умру съ тоски и горя я,
Судьбамъ въ укоръ,

Иль путь найду въ Тибета плоскогоріе
Чрезъ Куку-Норъ.

Неплюй-на-столъ.

Ахъ молодые люди, молодые люди! Вы все еще любовью интересуетесь. Совсѣмъ пустое дѣло, бабье дѣло!

Халдей.

Почтеннѣйшій! въ томъ нѣтъ сомнѣнья,
Что бабы дрянь! Но дѣло въ томъ,
Что въ настоящемъ положеньи
Безъ нихъ мы врядъ ли проживемъ.
Чтобъ пояснить вамъ мысль мою
Еще я пѣсенку спою. (Поетъ.)
Женщинъ вы чтите!
Жизнь человѣчью
Онѣ украшаютъ:
Шерстью овечьей
Онѣ вышиваютъ
Ковры и подушки
И вяжутъ чулки;
Онѣ покрываютъ
Постель одѣяломъ,
А также бываютъ
Для насъ идеаломъ.
Безъ женщинъ жизнь наша
Была-бъ лишена
Всего, что высоко и свято.
Текла бы она
Мелка и ровна,
Безъ радужно-свѣтлыхъ идей,
Безъ пламенно-бурныхъ страстей
И безъ впечатлѣній богатыхъ.
Мы жили-бъ одни: безъ дѣтей,
Безъ нянекъ, кормилицъ, безъ прачекъ и швей,
И не было-бъ даже мужей
Рогатыхъ!

Инструментъ.

Чья очередь? Сорвала? Эй!
Сорвалъ, Сорвалъ дуракъ!

Ну пой, оселъ, скорѣй.
Сорвалъ тебя мы ждемъ!
Тьфу пропасть! Спитъ онъ крѣпкимъ сномъ. (Будитъ его.)
Пой, скотъ безсмысленный!

Сорвалъ (поетъ.)

Солнце ходитъ низко,
На дворѣ мятель.
Другъ мой, повернись-ка
И пойдемъ отсель!

Останавливается и смотритъ вопросительно.

Всѣ.

А дальше?

Сорвалъ.

Дальше я забылъ.

Халдей.

Оселъ ты есть, какимъ и былъ.

Инструментъ.

Оставь его! Пусть валится подъ столъ!
Но ты намъ пѣсню спой, Неплюй-на-столъ!

Неплюй-на-столъ.

Въ огромномъ, дремучемъ, сосновомъ лѣсу,
Который растетъ на Чукотскомъ носу,—
Въ немъ много деревьемъ, деревья большія,—
Когда-то родился въ сей самой глуши я.
Я родился въ глуши,
И расцвѣлъ я въ тиши,
И не вѣдалъ губительныхъ грозъ.
Проходили года:
Вдругъ случилась бѣда!
Посѣтилъ нашу землю морозъ!
Посѣтилъ насъ жестокій морозъ, господа!
И вотъ въ самый морозъ
Отморозилъ я носъ
На Чукотскомъ носу, господа!
И съ тѣхъ поръ у меня
Онъ краснѣе огня.—
Вотъ что можетъ надѣлать морозъ,
Вотъ что можетъ надѣлать жестокій морозъ
На Чукотскомъ носу, господа!

Халдей.

Ну, носъ твой красенъ не отъ холоду;
Признайся, много пилъ ты съ молоду?

Неплюй-на-столъ.

Я пилъ, и пью, и буду пить!
Здѣсь высшее предназначенье:
Возможно насъ лишить имѣнья,
Разсудка, чести насъ лишить,
Но что мной выпито—повѣрьте—
Оно мое до самой смерти.

Мортемиръ.

Оставимъ это! Въ путь пора!
Когда та синяя гора
Съ вершиной сумрачной своей,
Отъ первыхъ солнечныхъ лучей
Побагровѣвши, запылаетъ,
Тогда вступить намъ подобаетъ
Въ предѣлы радужныхъ полей.
Но для успѣха предпріятья
Въ борьбѣ съ враждебною судьбой
Мы заключимъ, друзья и братья,
Всѣ—безъ малѣйшаго изъятья—
Союзъ на вѣки межъ собой.

Всѣ.

Ладно, ладно, по рукамъ!

Халдей.

Только намъ,
Полагаю-бъ, не мѣшало
Разспросить его сначала,
Хватитъ ли ея на всѣхъ?

Неплюй-на-столъ.

На всю природу хватитъ, милый человѣкъ!
На всю природу, ты ужъ мнѣ повѣрь!

Всѣ.

Ну такъ, значитъ, теперь
Вмѣстѣ мы, господа,
Поспѣшаемъ туда,

Гдѣ Лилея цвѣтетъ
И блаженство насъ ждетъ.

Неплюй-на-столъ.

Но просить позвольте васъ
Мнѣ сказать, да сколько насъ?

Всѣ.

Насъ всѣхъ пять,
Насъ всѣхъ пять!
Потрудитесь сосчитать:
Разъ, два, три, четыре, пять!
Сосчитаемъ-ка, опять:
Разъ, два, три, четыре, пять.
И т. д. in infinitum.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена первая.

Большой запущенный садъ вблизи южнаго Тибета, на первомъ планѣ входъ въ обширную пещеру, закрытый пурпуровою занавѣской.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входятъ кавалеръ де Мортемиръ, Неплюй-на-столъ, Халдей, Сорвалъ и Инструментъ,

Неплюй-на-столъ.

Вотъ сюда, вотъ сюда!
Этотъ садъ, господа,
Есть тотъ самый, куда
Мы стремились.

Всѣ.

Да, да!
Но для чего сія пещера?

Неплюй-на-столъ.

Пещеры нѣтъ! то лишь химера,
Иллюзія, обманъ и сонъ.
Ей быть здѣсь вовсе не резонъ.
Въ пещерѣ можетъ жить драконъ,
Медвѣдь иль ящуръ, но царица—
Я въ томъ готовъ хоть побожиться—

Живетъ отнюдь не въ сей пещерѣ,
А въ замкѣ, иль, по крайней мѣрѣ,
Въ высокой башнѣ.

Халдей.

Гдѣ-жъ они?

Неплюй-на-столъ.

Вонъ видите-ли тамъ огни?

Халдей.

Что врешь ты! Среди бѣла дня
Не увидать тебѣ огня.

Неплюй-на-столъ.

Вотъ башня высится, а вонъ
Выходитъ дама на балконъ,
То—вѣрно фрейлина царицы,
Украшена перомъ жаръ-птицы.
За ней придворные чины
Въ мундиры всѣ облечены..!
Что вижу? Кушаютъ блины
Какой прекрасный жирный блинъ?

Халдей.

Онъ насъ морочитъ, чортовъ сынъ!

Инструментъ.

Къ намъ относится презрительно!

Всѣ.

Бить его неукоснительно!

Неплюй-на-столъ.

Не сердитесь, друзья,
Не судите строго,
Если изрѣдка я
Пошучу немного.
Въ этомъ нѣтъ большой бѣды.
Лучше сядемте сюда,
И, коль есть у васъ запасъ,
Мы закусимъ тотъ-же часъ.

Халдей, Сорвалъ и Инструментъ.

Вотъ такъ прекрасно,

Вотъ это такъ!
Видимъ мы ясно:
Онъ не дуракъ.

Неплюй-на-столъ (самодовольно).

Да, это ясно:
Я не дуракъ.

Мортемиръ.

Могу-ль я пить и ѣсть,
Не зная, гдѣ она?
Здѣсь—вижу—тайна есть,
И даже не одна!

Неплюй-на-столъ.

Повѣрьте мнѣ: сіи предѣлы
Она оставила для дѣла;
Но лишь заблещетъ лучъ денницы
Назадъ вернется въ колесницѣ.

Мортемиръ.

Изрядно выпивъ и закусивъ, встаетъ и поднявъ руку нъ небу:

Довольно! Нѣту силъ! Пусть праведный мой гнѣвъ
Васъ въ сердце поразитъ негодованья жаломъ!
Ужель мы шли сюда, все бросивъ и презрѣвъ,
Затѣмъ, чтобъ пить и ѣсть, подобно каннибаламъ?

Всѣ (поспѣшно доѣдая и допивая).

Ну-съ, мы готовы!
Что-жъ предпринять?

Мортемиръ (мрачно.)

Вѣнецъ терновый
Нужно стяжать.

Халдей.

Это конечно!
Но какъ начать?

Мортемиръ.

Радъ бы сердечно
Вамъ я сказать,
Если бы знать я
Могъ это самъ...

Изъ пещеры раздается страшный ревъ.

Кто тамъ проклятья
Шлетъ къ небесамъ?
Сомнѣнья нѣту!
Тайна здѣсь есть!
Въ пещеру эту
Должно пролѣзть.

Неплюй-на-столъ.

Но прежде нужно
Занавѣсъ снять.
Тяните дружно,
Не отставать!

Всѣ (берутся за занавѣсъ, но потомъ Халдей, Инструментъ и Неплюй-на-столъ отступаютъ и каждый, отвернувшись, поетъ):

Но я трепетъ ощущаю,
Потому-что, впереди
Что̀ насъ ждетъ, вѣдь я не знаю.
Дай-ка стану позади.

Стараются встать каждый позади всѣхъ. Передъ занавѣсомъ остается Мортемиръ, погруженный въ задумчивость, и Сорвалъ, съ недоумѣніемъ озирающійся.

Неплюй-на-столъ.

Другъ любезнѣйшій, Сорвалъ!
Ты бы занавѣсъ сорвалъ? (Отбѣгаетъ еще дальше.)

Сорвалъ.

Весьма охотно повинуюсь.

Срываетъ занавѣсъ. Изъ пещеры выходитъ большой медвѣдь и съ ревомъ становится на заднія лапы.

Неплюй-на-столъ.

Ай, ай, ай!

Хватается за животъ и падаетъ мертвый. Сорвалъ, Халдей и Инструментъ обнажаютъ шпаги. Медвѣдь поворачивается къ нимъ спиной. Тогда они, скрестивши шпаги, кладутъ на нихъ трупъ Неплюя и уносятъ его, напѣвая на мотивъ: „Какъ я радъ, капитанъ, что я васъ увидалъ“.

Халдей, Сорвалъ и Инструментъ.

Онъ погибъ, онъ погибъ
Жертвою отваги—
Пусть носилками ему
Служатъ эти шпаги!
Мудрость съ храбростію онъ

Сочеталъ искусно,
Но внезапно былъ сраженъ
Сей болѣзнью гнусной.
Онъ погибъ, онъ погибъ
Жертвою отваги—
Пусть носилками ему
Служатъ эти шпаги.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Мортемиръ и медвѣдь.

Голосъ изъ четвертаго измѣренія.

Блаженства дверь
Потомъ—не теперь—
Откроетъ звѣрь.
Люби и вѣрь!

Мортемиръ.

Люблю я и вѣрю
Вотъ этому звѣрю.

Голосъизъ четвертаго измѣренія.

All right!

Сцена вторая.

Нѣсколько недѣль послѣ первой. Другое мѣсто въ томъ саду.

Пещера вдали. На первомъ планѣ высокая могила, около которой въ позѣ отчаянія стоитъ кавалеръ де Мортемиръ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Мортемиръ.

Послѣдній уголекъ въ душѣ моей остылъ.
Какъ я любилъ его, и какъ хорошъ онъ былъ!
Какая грація развалистыхъ движеній!
Въ глазахъ задумчивыхъ какой свѣтился геній,
Какая мудрость! Я увидѣлъ въ немъ
Послѣдній якорь жизненнаго судна.
Онъ говорилъ на языкѣ своемъ,

Хотя безъ словъ, но понимать не трудно
Его мнѣ было любящей душой.
И онъ любилъ. Мохнатый и большой,
Онъ ласковъ былъ, какъ маленькія дѣти.
Какъ онъ вертѣлъ прекрасной головой!
Увы! Мгновенія блаженнѣйшія эти
Промчалися безслѣдно, какъ во снѣ.
Скончался онъ... И что же дѣлать мнѣ?
А, знаю что! Къ натурѣ стану задомъ,
Кинжалъ—въ животъ, и съ нимъ улягусь рядомъ!

Хочетъ заколоться, какъ вдругъ надъ могилой медвѣдя появляется Бѣлая Лилія.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Бѣлая Лилія.

Отъ тебя, мой милый,
Я не скрою, что
Подъ моей могилой
Нѣту ничего.

Мортемиръ.

Твои черты небесно хороши;
Но гдѣ же онъ, медвѣдь моей души?

Бѣлая лилія.

Медвѣдь живетъ,—лишь нѣтъ медвѣжьей шкуры.
Но не скорби, мой другъ! Здѣсь таинство натуры.
Въ медвѣдѣ я была, теперь во мнѣ медвѣдь,
Какъ нѣкогда его, меня люби ты впредь.
Невидима тогда
Была я, а теперь—
Невидимъ навсегда
Во мнѣ сокрытый звѣрь.

Мортемиръ (Въ экстазѣ).

Теперь блаженства намъ
На всю достанетъ вѣчность,

Не даромъ же онъ самъ
Сосалъ свою конечность.

Обнимаются и, поднявшись на воздухъ, вдругъ переходятъ въ четвертое измѣреніе. На бывшей могилѣ выростаютъ бѣлыя лиліи и алыя розы.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Входятъ Галактея, Теребинда и Альконда.

Галактея, Теребинда и Альконда (вмѣстѣ.)

Мы устали, мы устали,
Мы блудили, мы блуждали,
Неожиданнаго ждали,
Небывалаго искали—
Все по пустякамъ.

Подходятъ къ могилѣ и любуются цвѣтами.

Галактея.

Эти лиліи и розы
Насъ уносятъ въ царство грезы,—
Не уснуть ли намъ?

Альконда.

Не спала я двѣ недѣли.
Отдохнемте, въ самомъ дѣлѣ.

Теребинда,

Отъ скорбей и отъ заботъ
Насъ укроетъ этотъ гротъ.

Галактея.

Да, связавши по букету,
Мы войдемъ въ пещеру эту.

Дѣлаютъ букеты и уходятъ въ пещеру.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Входятъ Халдей, Сорвалъ и Инструментъ.

Халдей.

Да подъ кустами-то хорошенько пошарьте, говорятъ вамъ, экій безтолковый народъ!

Сорвалъ.

Да что шарить то, я ужъ и такъ въ кучу непріятностей попалъ.

Инструментъ.

Смыло его дождемъ, должно быть, а то вѣтромъ унесло.

Сорвалъ.

Вонъ что-то бѣлѣется. (Поднимаетъ бумагу и бросаетъ.)

Халдей.

Бумажка точно, да не та!
Эхъ ты, Емеля простота!

Сорвалъ.

Анъ и нашелъ. (Поднимаетъ пергаментъ мудреца Неплюй-на столъ.) Цѣлехонекъ, смотрите.

Халдей (беретъ и читаетъ.)

Ну, вотъ я говорилъ, такъ оно и есть:
„Азъ—буки—вѣдь, азъ—буки—вѣдь
Здѣсь смыслъ возвышенный и тайный.—
Его откроетъ намъ медвѣдь,
Владѣя силой чрезвычайной.“

Вотъ видите: медвѣдь. Все значитъ шло, какъ нужно, и мы только съ-дуру перетрусили, а тотъ старый шутъ — пуще всѣхъ. Вотъ у Мортемира-то губа не дура: онъ съ медвѣдемъ остался; теперь, навѣрно, и Бѣлую Лилію заполучилъ, а мы тутъ все шляемся, какъ оглашенные.

Инструментъ.

Отыскать ихъ непремѣнно.

Сорвалъ.

Да гдѣ-жъ искать?

Инструментъ.

Извѣстно, гдѣ. Вонъ и пещера та самая.

Халдей.

Сорвалъ, душа моя, сбѣгай — сдѣлай милость — загляни въ пещеру!

Сорвалъ.

Съ величайшимъ удовольствіемъ

Скрывается въ пещерѣ и черезъ нѣсколько минутъ кричитъ оттуда.

Эй, эй, Халдей!
Сюда скорѣй!
Эй, Инструментъ!
Лови моментъ!

Халдей.

Кого нашелъ тамъ, говори!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Сорвалъ выходитъ изъ пещеры, за нимъ Алькoнда, Галактея, Теребинда.

Сорвалъ.

Лилея бѣлая, смотри:
Да не одна, а цѣлыхъ три.

Халдей и Инструментъ.

Черты знакомыя, но съ новой красотою.

Халдей (указывая на Галактею.)

Я этою плѣненъ!

Инструментъ (указывая на Теребинду.)

А я вонъ тою!

Алькoнда, Галактея и Теребинда.

Подавая каждая свой букетъ своему респективному кавалеру.

Милый другъ, меня узналъ ты?
Хоть другую здѣсь искалъ ты,
Покорись судьбѣ.

Халдей, Инструментъ и Сорвалъ (каждый своей дамѣ).

Я объ этомъ не жалѣю,
Ибо Бѣлую Лилею
Узнаю въ тебѣ.

Обнимаются попарно и затѣмъ, сойдясь всѣ вмѣстѣ, поютъ:

Бѣлую лилію съ розой,
Съ алою розою мы сочетаемъ.
Сердца пророческой грезой
Вѣчную истину мы обрѣтаемъ.
Вѣщее слово скажите!
Жемчугъ свой въ чашу бросайте скорѣе!

Нашу голубку свяжите
Новыми кольцами древняго змѣя.
Вольному сердцу не больно...
Ей-ли бояться огня Прометея?
Чистой голубкѣ привольно
Въ пламенныхъ кольцахъ могучаго змѣя.
Пойте про бурныя грозы:
Въ бурной грозѣ мы покой обрѣтаемъ...
Бѣлую лилію съ розой,
Съ алою розою мы сочетаемъ.

Занавѣсъ.

Владиміръ Соловьевъ.

Москва—Пустынька. 1878—1880 г.

Панмонголизмъ.

Панмонголизмъ. Хоть имя дико,
Но мнѣ ласкаетъ слухъ оно,
Какъ бы предвѣстіемъ великой
Судьбины Божіей полно...

Когда въ растлѣнной Византіи
Остылъ божественный алтарь,
И отреклися отъ Мессіи
Народъ и Князь, іерей и Царь,

Тогда поднялся отъ Востока *)
Народъ безвѣстный и чужой,
И подъ ударомъ тяжкимъ рока
Во прахъ склонился Римъ второй.

Судьбою древней Византіи
Мы научиться не хотимъ,
И все твердятъ льстецы Россіи:
Ты третій Римъ! Ты третій Римъ!

Ну, что жъ? Орудій Божьей кары
Запасъ еще не истощенъ...
Готовитъ новые удары
Рой пробудившихся племенъ.

---

*) Другой варіантъ этого стиха таковъ: „Тогда Онъ поднялъ отъ Востока“.

Отъ водъ Малайскихъ до Алтая
Вожди съ восточныхъ острововъ
У стѣнъ возставшаго Китая
Собрали тьмы своихъ полковъ.

Какъ саранча неисчислимы
И ненасытны какъ она,
Не здѣшней силою хранимы,
Идутъ на сѣверъ племена.

О Русь! Забудь былую славу.
Орелъ двуглавый сокрушенъ,
И желтымъ дѣтямъ на забаву
Даны клочки твоихъ знаменъ.

Смирится въ трепетѣ и страхѣ,
Кто могъ завѣтъ любви забыть,
И третій Римъ лежитъ во прахѣ,
А ужъ четвертому не быть.

Вл. Соловьевъ.

1 октября 1894 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

	стр.
Предисловіе	V—VII
Письма къ В. П. Ѳедорову	1—7
Письма къ К. Ѳ. Головину	8—10
Письма къ Ѳ. Д. Батюшкову	11—13
Письмо къ В. В. Котляревской	14—15
Письмо къ Т. И. Филипову	16—17
Письма къ о. Мартынову	18—30
Письма къ К. Н. Бестужеву-Рюмину	31—36
Письма къ Л. Н. Толстому	37—42
Письма къ В. В. Розанову	43—54
Письмо къ К. Н. Леонтьеву	55
Письма къ Е. К. Селевиной	56—106
Письма къ А. А. Фету	107—128
Письма къ Л. Я. Гуревичъ	129—137
Письма къ о. П. Пирлингу	138—166
Изъ записной книжки И. И. Лапшина	167
Письма въ редакцію „Новаго Времени“	168—186
Письма къ о. Архимандриту Антонію	187—191
Письмо въ „Церковный Вѣстникъ“	192—194
Письмо къ М. И. Горчакову	195
Письма въ „Московскія Вѣдомости“	196—208
Письма къ Н. Я. Гроту	209—214
Объ исповѣданіи В. С. Соловьева	214—217

II.

	стр.
Нѣсколько словъ о настоящей задачѣ философіи.	221—225
Учебникъ логики И. С. Боровскаго	226—234
Паспати. Введеніе въ философію	235—236
Логика проф. Карпова	237—238
Очеркъ психологіи И. Соломоновскаго	239—241
Русская философія и литература	242—258
О Спб. философскомъ обществѣ	259—261
Значеніе государства	262—274
Изъ воспоминаній. Аксаковы	275—282
На зарѣ туманной юности	283—298
Бѣлая лилія	299—335
Панмонголизмъ	336—337